

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ САЯНО-АЛТАЯ

Рецензируемый научный журнал
№ 1(37) 2023
Периодичность – 4 номера в год
Серия: История, Филология

Редакционная коллегия:

Главный редактор:

Чертыков В.К., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Ответственный секретарь:

Челтыгмашева Л.В., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Члены редакционной коллегии:

Кискидосова Т.А., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Ковалева О.В., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Чебокакова И.М., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Челтыгмашева Л.В., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Чистобаева Н.С., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Редактор переводов:

Мечтанова Д.И., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Международный редакционный совет:

Абумова О.Д., Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Россия

Арбачакова Л.Н., Институт филологии СО РАН, Россия

Ахматова М.А., Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова, Россия

Бакчиев Т.А., Национальная академия «Манас», Кыргызская Республика

Борисов А.А., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Россия

Булгутова И.В., Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Россия

Гергилев Д.Н., Сибирский федеральный университет, Россия

Даван Тая, Университет Внутренней Монголии, Китайская Народная Республика

Дашышен В.Г., Институт демографических исследований РАН, Россия

Донгак У.А., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Россия

Ефимова Л.С., Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Россия

Ефремов Н.Н., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Россия

Жаркын Турсун, Институт древней истории Академии общественных наук, Китайская Народная Республика

Жумагулов С.Б., Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан

Зарбалиев Х.М., Азербайджанский государственный университет языков Азербайджанской Республики, Азербайджанская Республика

Карамашева В.А., Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия

Килуновская М.Е., Институт истории материальной культуры РАН, Россия

Кузьмина Е.Н., Институт филологии СО РАН, Россия

Курас Л.В., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Россия

Кызласов И.Л., Институт археологии РАН, Россия

Магай Жером, Музей доисторической антропологии, Княжество Монако

SAYAN-ALTAI SCIENTIFIC REVIEW

12 +

Peer-reviewed academic journal
№ 1(37) 2023

The journal is published quarterly
Series: History, Philology

Editorial Board:

Editor-in-Chief:

Valery K. Chertykov, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Executive secretary:

Larisa V. Cheltygmasheva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Members of the Editorial Board:

Tatyana A. Kiskidosova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Olga V. Kovalyova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Irina M. Chebochakova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Larisa V. Cheltygmasheva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Nadezhda S. Chistobaeva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Translator-reviser:

Diana I. Mechtanova, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

International Editorial Board:

Olga D. Abumova, N. F. Katanov Khakass State University, Russia

Lyubov N. Arbachakova, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Mariyam A. Akhmatova, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Russia

Talantaaly A. Bakchiev, National Academy “Manas”, Kyrgyzstan

Andrian A. Borisov, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Irina V. Bulgutova, D. Banzarov Buryat State University, Russia

Denis N. Gergilev, Siberian Federal University, Russia

Taya Dawan, University of Inner Mongolia, China

Vladimir G. Datsyshen, Institute for Demographic Research of the Russian Academy of Sciences, Russia

Uran A. Dongak, Tuvan Institute for the Humanities and Applied Socioeconomic Research under the Government of the Republic of Tuva, Russia

Lyudmila S. Efimova, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia

Nikolai N. Efremov, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Jarkyn Tursun, Institute of Ancient History of Chinese Academy of Social Sciences, China

Sagymbai B. Zhumagulov, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan

Habib M. Zarbaliyev, Azerbaijan State University of Languages of the Republic of Azerbaijan, Azerbaijan

Viktoriya A. Karamasheva, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Russia

Marina E. Kilunovskaya, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Russia

Evgeniya N. Kuzmina, Institute of Philology of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Leonid V. Kuras, Institute for Mongolian, Buddha, and Tibet Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Igor L. Kyzlasov, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Jerome Magail, Museum of Prehistoric Anthropology, the Principality of Monaco

Мамбеталиев К.И., Международный университет Ала-Тоо, Кыргызская Республика
Морозова О.Н., Амурский государственный университет, Россия
Мыльникова Л.Н., Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия
Нам И.В., Томский государственный университет, Россия
Николаева Н.Н., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Россия
Ооржак Б.Ч., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, Россия
Осава Такаши, Университет Осаки, Япония
Раджабов К.К., Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, Республика Узбекистан
Семенова В.Г., Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Россия
Слюсаренко И.Ю., Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия
Соегов Мурадгелди, Институт языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули АН Туркменистана, Туркменистан
Султангареева Р.А., Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы, Россия
Тэн Хай, Датунский университет, Китайская Народная Республика
Уртегешев Н.С., Институт филологии СО РАН, Россия
Функ Д.А., Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Хамдамов У.А., Институт узбекского языка, литературы и фольклора Академии наук Республики Узбекистан, Республика Узбекистан
Хуббиддинова Н.А., Уфимский федеральный исследовательский центр РАН; Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Россия
Цагаан Турбат, Национальный университет Монголии, Монголия
Цэдэндэмын Батбаяр, Институт истории и этнологии Академии наук Монголии, Монголия
Чугункова А.Н., Хакассский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Россия
Шапауов А.К., Кокшетауский университет им. Ш. Уалиханова, Республика Казахстан
Шульга П.И., Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия

Учредители:

Министерство образования и науки Республики Хакасия
 ГБНИУ РХ «Хакассский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»

Адрес редакции:

655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 23
 ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ»
 Телефон: +7 (3902) 22-31-71
 www.sayan-altai.ru
 Email: chertykov@sayan-altai.ru

Техническая поддержка:

Бадаев В.Г.
 Email: badaev@sayan-altai.ru

ISSN 2304-7488

Подписной индекс в каталоге Почты России – ПН098
 © Министерство образования и науки Республики Хакасия, 2023
 © ГБНИУ РХ «ХакНИИЯЛИ», 2023

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования
 Электронная версия журнала размещена на платформе Научной электронной библиотеки: www.elibrary.ru

Журнал зарегистрирован в ФС по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-48678)

Kuban I. Mambetaliev, Ala-Too International University, Kyrgyzstan
Olga N. Morozova, Amur State University, Russia
Lyudmila N. Mylnikova, Institute of Archaeology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia
Iraida V. Nam, Tomsk State University, Russia
Natalya N. Nikolaeva, Institute for Mongolian, Buddha, and Tibet Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia
Bailak Ch. Oorzhak, Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Russia
Takashi Osawa, Osaka University, Japan
Kahramon K. Radjabov, Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan
Valentina G. Semyonova, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Russia
Igor Yu. Slyusarenko, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia
Muratgeldi Soyegov, Magtymguly Institute for Language, Literature, and National Manuscripts of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Turkmenistan
Rozaliya A. Sultangareeva, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Russia
Teng Hai, Shanxi Datong University, China
Nikolai S. Urtegeshev, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia
Dmitry A. Funk, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Russia
Ulugbek A. Khamdamov, Institute for Uzbek Language, Literature, and Folklore of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan
Nerkes A. Khubbitdinova, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, Russia
Turbat Tsagaan, Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences, Mongolia
Batbayar Tsendendambyn, Institute of History and Ethnology of the Academy of Sciences of Mongolia, Mongolia
Alyona N. Chugunekova, N.F. Katanov Khakass State University, Russia
Alibi K. Shapauov, Shoqan Ualikhanov Kokshetau University, Republic of Kazakhstan
Pyotr I. Shulga, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia

Founders:

Ministry of Education and Science of the Republic of Khakassia
 Khakass Research Institute for Language, Literature, and History

Editorial office address:

23 Shchetinkin Str., 655017 Abakan, Russian Federation
 Khakass Research Institute for Language, Literature, and History
 Tel.: +7 (3902) 22-31-71
 www.sayan-altai.ru
 Email: chertykov@sayan-altai.ru

Technical support:

Vladislav G. Badaev
 Email: badaev@sayan-altai.ru

The journal is included in the Russian Science Citation Index
 The electronic version of the journal is available on the platform of the Scientific Electronic Library: www.elibrary.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аткунова Д. А.

Жилище коренных малочисленных народов
таёжной зоны Республики Алтай: традиция
и современность 4

Кривоногов В. П.

Этнические процессы у энцев Таймыра 14

Шульга П. И.

Новые материалы о поясах и поясной фурнитуре
V–III вв. до н. э. культуры янлан (Северный Китай) 33

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Языкознание

Добрынина А. А.

Интонационный анализ алтайского вопросительного
высказывания со словом *канча* 'сколько' 56

Хертек А. Б., Чолдак-оол Ш. В.

Методическая разработка внеурочного занятия
по тувинскому языку с использованием методики
образовательного веб-квеста 61

Чертыкова М. Д.

Экспрессивные слова в языке хакасского юмора 74

Фольклористика

Ефимова Л. С., Абдрахманова А. К.,

Зверева Е. В.

Обрядовая шапка – *дьабака* якутов:
этимология, семиотика 86

Маммадли Г. Й.

Эпос «Байбори улы бейрек батыр» добруджинских
татар и эпос «Китаби деде Коркут» 95

Мирзаева Б. Т.

Ходи Зарифов – исследователь узбекских
бахши-сказителей 98

Литературоведение

Игамуратова Д. Ч.

Особенности перевода небылиц
с русского на узбекский язык 101

Карамашева В. А.

Идейно-тематическое своеобразие басен
И. Г. Котюшева 106

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

Daria A. Atkunova

Dwelling of indigenous small-numbered peoples of the
taiga zone of the Altai Republic: tradition
and modernity 4

Viktor P. Krivonogov

Ethnic processes the Enets of Taimyr 14

Pyotr I. Shulga

New materials on Yanglang culture belts and belt fittings
of the 5th-3rd centuries BC (North China) 33

PHILOLOGICAL SCIENCES

Linguistics

Albina A. Dobrynina

The intonational analysis of Altaic interrogative
sentences with the word *kancha* 'how
many/much' 56

Arzhaana B. Khertek, Shonchalay V. Choldak-ool

Methodological development of an extra-cours lesson
in the Tuvan language using the educational web-quest
technology 61

Maria D. Chertykova

Expressive words in the language of Khakass humor 74

Folklore studies

Lyudmila S. Yefimova, Alina K. Abdrakhmanova,

Yevdokiya V. Zvereva

The ceremonial hat – the Yakuts' *dyabaka*: etymology,
semiotics 86

Gullu Y. Mammadli

The epic "Baibori Uly Beirek Batyr" of the Dobruja Tatars
and the epic "Kitabi Dede Korkut" 95

Barno T. Mirzaeva

Khodi Zarifov – the researcher of Uzbek bakhshi-
storytellers 98

Literary studies

Dilrabo Ch. Igamuratova

Features of the translation of fables from Russian into
Uzbek 101

Viktoriya A. Karamasheva

Ideological and thematic originality of I. G. Kotyushev's
fables 106

ЖИЛИЩЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ТАЁЖНОЙ ЗОНЫ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Д. А. Аткунова

Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова, ул. Социалистическая, 6, Горно-Алтайск, 649000, Россия; email: Russlana06@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8721-8613

В статье описаны разные конструкции и основные типы жилищ коренных малочисленных народов таёжной зоны Республики Алтай (тубаларов, челканцев, кумандинцев). Теоретической основой послужили разработки в области традициологии, где традиция сама в себе имеет механизм саморазвития, и развитие является естественным свойством традиции и выступает, в свою очередь, механизмом развития общества. Показана постепенная трансформация традиционного жилища, смена конструкции и постепенное замещение на избы срубного типа. Дается характеристика современного традиционного жилища как личного домашнего пространства, описана сакральность традиционного айыла. Особое внимание уделяется вопросам процесса интеграции традиционного жилища в сферу туризма. Приведены примеры использования традиционного жилища в качестве туристических учреждений, таких объектов, как этнографические музеи, визит-центры, кафе. Этнографический музей – способ познакомить туристов с образом жизни коренных малочисленных народов. Визит-центры – неотъемлемая часть заповедников, национальных парков. Кафе – место, где можно познакомиться с национальной кухней. С целью сохранения традиционного жилища предложен проект «Этнодеревни», который может стать эффективным средством экономического развития территории и сохранения культуры коренных малочисленных народов таёжной зоны Республики Алтай. В заключении кратко констатируется, что в настоящее время сформировалась определенная система использования традиционного жилища как инфраструктуры этнокультурного туризма. В результате включенного наблюдения и опроса в научный оборот введен ранее не использованный полевой этнографический материал автора.

Ключевые слова: жилище, айыл, коренные малочисленные народы, челканцы, тубалары, кумандинцы, этнографический музей, этнический компонент.

DWELLING OF INDIGENOUS SMALL-NUMBERED PEOPLES OF THE TAIGA ZONE OF THE ALTAI REPUBLIC: TRADITION AND MODERNITY

Daria A. Atkunova

S.S. Surazakov Research Institute of Altai Studies, 6 Sotsialisticheskaya Str., Gorno-Altai, Russia; email: Russlana06@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8721-8613

The article describes different constructions and main types of dwellings of indigenous peoples of the taiga zone of the Altai Republic (Tubalars, Chelkans, Kumandins). The theoretical basis was the developments in the field of traditiology, where tradition itself has a mechanism of self-development, and development is a natural property of tradition and acts, in turn, as a mechanism for the development of society. The gradual transformation of the traditional dwelling, the change of construction and the gradual replacement of log cabins is shown. The characteristic of the modern traditional dwelling as a personal home space is given, the sacredness of the traditional ayyl is described. Particular attention is paid to the process of integrating traditional housing into the tourism sector. Examples of the use of traditional housing as tourist institutions, such objects as ethnographic museums, visitor centers, cafes are given. Ethnographic Museum, as a way to introduce tourists to the way of life of indigenous peoples. Visit centers, as an integral part of nature reserves, national parks. Cafe as a place where you can get acquainted with the national cuisine. In order to preserve the traditional dwelling, the project "Ethnic Villages" has been proposed, which can become an effective means of economic development of the territory and preservation of the culture of the indigenous small-numbered peoples of

the taiga zone of the Altai Republic. In conclusion, it is briefly stated that at present a certain system of using traditional housing as an infrastructure of ethno-cultural tourism has been formed. As a result of the included observation and survey, previously unused field ethnographic material of the author was introduced into scientific circulation.

Keywords: dwelling, айыл, indigenous peoples, Chelkans, Tubalars, Kumandins, ethnographic museum, ethnic component.

В настоящее время народы таёжной зоны Республики Алтай юридически закрепили за собой статус коренных малочисленных народов, к которым относятся кумандинцы, тубалары, челканцы. По переписи населения 2020 г. численность тубаларов в Российской Федерации составила 3675 чел., кумандинцев – 2456 чел., челканцев – 1314 чел. [Результаты Всероссийской переписи...]. Таёжная зона – темнохвойные леса из кедра, пихты, ели; геосреда черневой тайги подробно описана в монографии Е. Е. Ямаевой, И. Н. Апёнышевой [Ямаева, 2014]. Территориальными рамками черневой тайги являются Телецкое озеро и его бассейн, именуемые Прителецкой тайгой Аба-Йыш, представляющие уникальную природную среду, горно-таежную растительность [Ямаева, 2014, с. 5]. В рамках муниципального устройства республики в границах таёжной зоны расположены Турочакский, Чойский и Майминский районы.

Архитектурный облик современных традиционных жилищ народов черневой тайги во многом связан с ассимиляционными процессами, поскольку материальная культура представляет собой механизм адаптации общества к условиям природной и социальной среды его существования [Коровушкин, 2006, с. 53].

Этнографическое изучение традиционного жилища народов таёжной зоны рассмотрено в трудах: В. И. Вербицкого, В. В. Радлова, Г. Н. Потанина, Л. П. Потапова, Ф. Н. Сатлаева, Е. П. Кандараковой и др. [Вербицкий, 1993; Радлов, 1989; Потапов, 2008; Сатлаев, 1974].

В этнографическое время жилища, принадлежавшие разным группам алтайцев, были постоянными, сезонными и временными, стационарными и переносными, разной конструкции [Соколов, 1998, с. 120]. Специалист по жилищам народов Сибири З. П. Соколов выделяет следующие типы жилья по конструкции: наземное пирамидообразное каркасное жилище; наземное усеченно-пирамидообраз-

ное; каркасное двускатное из жердей и коры и четырехскатное; нерешетчатое цилиндрико-каноническое; прямоугольное четырехстенное из жердей и коры с канонической корьевогой крышей. Согласно последним исследованиям, к этому списку жилищ можно добавить ещё целый ряд: полуземлянки – четырехугольная, каркасная, с двускатной крышей (кумандинцы), плетневая каркасная с двускатной или плоской крышей (кумандинцы, телеуты), сруб с двускатной крышей (кумандинцы, телеуты), сруб с крышей «костром» и отапливаемыми канами (кумандинцы), плетневый наземный дом с двускатной крышей (кумандинцы) [Соколов, 1998, с. 120].

Срубное жилье получило широкое распространение у коренного населения Горного Алтая, обитавшего в зоне черневой тайги. Из-за влажного климата и малого количества овец у них было мало войлочных юрт. В XIX в. в основном были распространены зимние прямоугольные срубные бревенчатые юрты с коническими стропильными и многогранными каркасными крышами. Тубаларская срубная юрта *кереге* имела вид пирамидообразный или пирамиды усеченной формы. *Кереге* имела каркас – остов из четырех вертикальных столбов с развилками или выемками и перекладами в них, наклонные жерди крыши соединялись наверху, оставляя отверстие для дыма, рама упиралась в вертикальные столбы [Тюхтенева]. Срубные постройки постепенно вытеснили нерешетчатые юрты, которые превратились в промысловые и хозяйственные.

Основным типом зимнего жилища у кумандинцев считалась землянка *черг уг*. Исследователь Ф. А. Сатлаев выделил распространение двух типов землянок. Первый тип: половина постройки находилась в земле, в крыше было окошечко *кузбек*, переплетенное прутьями и затянутое брюшиной. В землянке имелась глинобитная печь, у кумандинцев очаг назывался *кебе/кибее* и имел чувал,

сплетенный из тальниковых прутьев, по типу верши – *суген*, и обмазанный глиной. Внутри землянки стены были бревенчатые или обшиты досками, обмазанные глиной и побеленные. Крыши обычно делали двускатными, обкладывали дерном, иногда покрывали ещё берестой, которую в свою очередь придавливали кольями. Вторым типом землянки было зимнее жилище *кыспа уг* – строение с деревянным каркасом, обложенное дерном от основания до перекрытия, пол был деревянным, два-три окна, также имелась в землянке глинобитная печь, стены и потолок в таких домах обычно белили [Сатлаев, 1974, с. 118].

Летние юрты рубили из тонкого леса в четыре стены, используя древесину сосны и пихты. Все летние юрты имели двухскатные крыши. Коренное население, жившее в зоне черневой тайги, имело и конические юрты, как у алтайцев-скотоводов. Если последние эти юрты покрывали корой лиственницы, то в черни – берестой [Тюхтенева]. Чумообразные строения тубаларов, кумандинцев, челканцев (*аланчык*, *чадыр*, *соолгу*) тюркского типа: в основе каркаса 4 шеста длиной свыше 7 м, 2 из которых – с развилками наверху, которые устанавливаются в виде пирамиды (жерди с развилками ориентированы на запад и восток, жерди без развилки на север и юг. Восточная жердь – правый косяк дверного проёма). Затем ставили жерди на месте левого косяка двери и напротив неё, потом – пару жердей около северной и южной жерди и наконец – ещё 4 жерди друг против друга. Получался каркас – *озок*. Снаружи его скрепляли двумя обручами и приставляли остальные жерди длиной до 4,5 м. Чаше его покрывали берестой или корой лиственницы [Соколов, 1998, с. 121].

С середины XIX в. у коренного населения Горного Алтая в миссионерских селениях появилось жилье русского типа – изба. Путешествуя летом 1860 г. по Северному Алтаю, В.В. Радлов заметил: «В деревне тубаларов Кузен 20 домов, большинство сложено из бревен вполне по русскому образцу, а некоторые лица и до сих пор ещё живут в остроконечных корьевых юртах» [Радлов, 1989, с. 215]. Другой исследователь В.И. Вербицкий писал: «Юрты

северных алтайцев составляют уже переход к избам и по внешнему виду, и по внутреннему устройству. Летние юрты или делаются из стоек, обтянутых берестой, или срублены из тонкого леса в четыре стены, как те, так и другие покрыты в два ската берестой. У зимних юрт бревна положены на мох. Много юрт пятистенных с двумя дверями (одна против другой на расстоянии 2 аршин (1 аршин – 71, 12 см), между которыми находится предюртие для поклажи хозяйственных принадлежностей. Вход в юрту закрыт тесовой дверью, которая вращается на ремешках. На одной стороне с дверью, по левую её сторону – сбитый из глины очаг, который, протянувшись через все бревна, вышел сверху крыши. Иногда в этом глиняном столбе делается полукруглая пещера, вроде печи для жарения кандыка или печения пресных лепешек. По бокам пещеры просверлены дыры для вложения палок, на которые вешаются чайники и котелки. Пол юрты большею частью настлан досками с оставлением земляного полукруга около очага» [Вербицкий, 1993, с. 26–29].

Наземные каркасные промысловые сооружения также были различных форм. Народы черневой тайги занимались и продолжают заниматься большей частью собирательством, рыболовством, кедровым промыслом, охотой.

Охотничий шалаш для зимнего промысла у народов таёжной зоны представляет два типа: первый – более прочный и теплый, построен из толстых колотых досок и тонких бревен, жердей, поставленных стоймя и наклонно к перекладинам вытянутой четырехугольной рамы. Она охватывает передним концом дерево, под которым устраивается шалаш. Рама держится на четырех столбах с развилками. Такой шалаш служит охотникам много лет. Его только иногда чинят. Этот тип охотничьего жилища обычно имеет деревянную дверь, которая называется у тубаларов *кастак айыл*. Второй тип жилища у тубаларов, как и у южных алтайцев, – облегченный тип охотничьего шалаша – носит название *чадыр*. Он хорошо известен у различных кочевых народов как палатка, шатер. Зато совсем легкий и временный охотничий шалаш у туба-

ларов называется *japaши*, служащий местом обитания охотников на один или несколько ночлегов [Потапов, 2008, с. 110].

Пространство в юрте было строго разграничено на следующие сектора: в половом отношении – на мужской и женский, социальном – на престижный и менее престижный, в сакральном – на чистый (почитаемый) и обыденный (профанный) [Торушев, 2014, с. 223]. Женская половина (левая сторона) – это кухня и дети, тут находились предметы, связанные с хозяйственной деятельностью женщины. Мужская половина (правая сторона) – оружие, седло, орудия труда и т. п.

В этнографической литературе зафиксирована тесная связь *айыла* и семьи. Например, запрет на строительство дома для ребенка, юноши, который еще не женился. Новый *айыл* – это новая семья. Заранее готовясь к такому мероприятию, ты предвещаешь несчастье «*ыралантран*». Только женившись, мужчина получает статус «с домом и семьей» – «*айылду-юртту*». Свой *айыл* нельзя разрушать и ставить новый – тем самым укорачивается жизнь хозяина дома [Тадышева, 2018, с. 387].

Алтайская юрта, как и у других тюркомонгольских народов, представляет собой маленькую модель космоса, микромир кочевника. В традиционной культуре *айыл* имеет особо маркированную символику, соотносимую со структурой Вселенной. Согласно космологическим представлениям тюрков, купол *айыла* олицетворяет небо. «Дымовым отверстием неба» называлась Полярная звезда – мифический центр неба, служивший проходом в иной мир. Юрта ориентировалась по сторонам света, имела центральную ось, проходившую через очаг и дымовое отверстие. Внутри в центре *айыла* располагался очаг, таган-треножник – *очок*. Очаг – чрезвычайно ёмкий мифопоэтический символ. Будучи постоянным центром жилища, он определял статус освоенного пространства, являлся тем организующим началом, вокруг которого группировалось культурное окружение [Ойноткинова, 2021, с. 466].

В настоящее время коренные малочисленные народы таёжной зоны живут в типо-

вых срубных домах в больших современных сёлах. Основным материалом для строительства современных домов служат дерево, кирпич, сибит (газобетонные блоки) и др. Любой из перечисленных материалов имеет свои достоинства и недостатки. В ходе этнографической экспедиции было выявлено, что каждая семья в соответствии со своими приоритетами выбирает, из чего строить дом для постоянного проживания. Это зависит от ряда факторов, в первую очередь от экономического положения семьи. Активно привлекаются и новые технологии обшивки дома: сайдинг, термопанели, керамическая или каменная плитка, блок-хаус, деревянная вагонка [ПМА, 2022].

В 1990-е гг. на территории Республики Алтай развернулось движение за возрождение национальной культуры и языка. В настоящее время многие элементы традиционного жилища исчезли, другие же стали своего рода этническим компонентом в современной материальной культуре народа. В условиях растущего потока туристов в регионе традиционные жилища народов таёжной зоны используются в качестве визит-центров, этномузеев, кафе и др., например, визит-центр Алтайского государственного заповедника, этнографический музей «Ортош», музей алтайского сказителя Н. У. Улагашева, этномастерская «Айчус» и др.

Музей как *айыл*, музей как туризм и культурное явление рассмотрен в диссертации Д. В. Маслова «Локальные музеи и репрезентации этнической культуры алтайцев». Автор диссертации отмечает, что необычный облик локальных музеев «традиционного» жилища является визитной карточкой, привлекающей внимание туристов. По мнению автора, дегустация национальной кухни, в том числе в музеях, изобретается как новый культурный факт [Маслов, 2017, с. 150–151].

Традиционные жилища сохраняются в качестве летних кухонь, чаще всего встречается шестигранная конструкция, хотя бывает и четырёх-, и пятигранная. В современных юртах есть окна, вход в *айыл* делают с восточной стороны. Дверь юрты всегда «смотрит» на солнечную, восточную сторону. Восток, где

Рис. 1. Традиционное жилище, с. Кебезень Турочакского района, ноябрь 2022 г. (фото автора).

Fig. 1. Traditional dwelling, Kebezen village, the Turochak District, November 2022 (the author's photo)

встает солнце, ассоциируется с жизнью и считается благоприятной стороной света. Внутри юрты напротив дверей находится почетное место *тор*, снаружи эта сторона направлена на запад [Ойроткина, 2021, с. 466]. Традиционное жилище в качестве этнического компонента стало часто встречаться в сфере развития туризма, где жилища функционируют и в зимнее время года (рис. 1).

К преимуществам традиционного айыла информант отнёс: надёжность, использование экологически чистых материалов, выглядит юрта очень привлекательной, не оставляет равнодушных гостей, летом в юрте прохладно и комфортно [ПМА, 2022]. По расчетам информанта, строительство зимней юрты на приусадебном участке с обеспечением необходимой коммуникации и пр. обходится около 500 тыс. руб.

Так как юрты используются в качестве летних кухонь, то и внутренняя планировка их напоминает кухню, где находятся стол, стулья, плитка, холодильник, шкаф, диван и т. п. Айылы отличаются друг от друга: в некоторых остался традиционный земляной пол, в других он стал деревянным. В одних юртах сохранилось место под очаг (посередине юрты), над

которым ставят *казан* или подвешивают котёл для приготовления пищи, в других – место под очаг заменила газовая плитка. Очаг, домашний огонь – это связующее звено между Верхним миром, предками и потомками, символ преемственности поколений, поэтому дымоход (*тунук*) делают открытым, т. к., по верованиям алтайцев, через него спускаются все дары и душа ребёнка, получаемая от божества [Ойроткина, 2021, с. 466]. Встречаются юрты, обогреваемые печкой, которая обычно строится сбоку от входной двери. Информант подчеркнула, что в традиционном айыле дыма много и копченые стены, а современные юрты оснащаются печкой, которая предотвращает появление дыма, он становится герметичным и сохраняет тепло [ПМА, 2022].

В ходе этнографического наблюдения было отмечено, что в современное время утратилась функция разделения айыла на две половины: мужскую и женскую. Условно данного разделения айыла придерживаются во время современной свадебной церемонии.

Традиционное жилище в сфере туризма. В последние годы Республика Алтай стала приоритетным направлением современной индустрии российского туризма. Этническая культура заняла специфическое место на образовавшемся рынке туристических впечатлений, большинство из которых создаются практиками потребления природы, как альтернативы городской повседневности [Маслов, 2017, с. 108]. Дополнительным фактором туристской привлекательности становится уникальная природа таёжной зоны республики.

В 2007 г. в п. Яйлю Турочакского района Республики Алтай состоялось официальное открытие визит-центра этно-экологического направления Алтайского государственного заповедника в виде традиционного жилища айыла тубаларов. Выбор формы здания не случаен: помимо природного наследия, администрация заповедника стремится сохранить и самобытную культуру коренного населения Алтая (тубаларов), передать традиции и обычаи подрастающему поколению. На открытии внутри айыла можно было познакомиться с творческими поделками местных жителей: сшитыми

подушками, бижутерией из бисера, рисунками на камнях и многим другим [Начал работу первый...].

В настоящее время при визит-центре в п. Яйлю открыт этнографический музей, посвященный культуре тубаларов. Музеем были приобретены красочные алтайские национальные костюмы, чайные сервизы, изготовлены вывески и стенды. Здесь же располагается информация об эколого-просветительских маршрутах Алтайского заповедника [Аткунова, 2019, с. 123].

18 марта 2013 г. в с. Паспаул Чойского района открылся музей сказителя Н. У. Улагашева (из тубаларского рода *сёока кузен*), который является филиалом Национального музея имени А. В. Анохина. На территории культурного комплекса располагаются несколько строений: здание музея Н. У. Улагашева, трехглавый *айыл*, представляющий собой экспозицию алтайской культуры, мастерская народных ремесел и большой *айыл*, который служит местом для различных культурно-массовых мероприятий. Цель открытия музея заключалась не только в собирании и экспозиции работ алтайского сказителя *кайчи*, но и в изучении и сохранении культуры исчезающих народов: тубаларов, челканцев, кумандинцев. В настоящее время в экспозициях и выставках музея представлена жизнь и творчество Н. У. Улагашева, история, материальная и духовная культура коренных малочисленных народов: тубаларов, челканцев, кумандинцев. На базе музея осуществляется экскурсионное обслуживание, проводятся этнографические праздники, разрабатываются туристические маршруты [Музей алтайского сказителя...].

В 2015 г. в с. Артыбаш Турочакского района С. О. Анатпаевой был основан «Этно-парк на Телецком». Этно-парк состоит из нескольких юрт: юрты-музея «Алтай Аил», корьевой юрты «Содон Аил», юрты-галереи «Киис Аил». В каждой юрте есть своя программа мероприятий. Юрта-музей «Алтай Аил» предлагает экскурсию, дегустацию и фото в национальных костюмах (стоимость экскурсии составляет 450 руб. с человека); в корьевой юрте «Содон Аил» проводятся мастер-классы «Алама-шикир алтайские сладости» (стои-

мость 400 руб. с человека); в юрте-галерее «Киис Аил» можно посетить мастер-класс по валянию войлока «Алтай фэлтинг» (стоимость 400 руб. с человека), по предварительной договоренности сотрудники этно-парка организуют творческий музыкальный вечер с участием сказителей Республики Алтай [Этно-парк на Телецком...].

Этно-парк функционирует в теплое время года, так как юрта построена с открытым очагом внутри, открытый огонь постоянно поддерживается, и если его не поддерживать, то в юрте будет прохладно. В ходе беседы с создателем этно-парка с С. О. Анатпаевой выяснилось, что юрта-музей была построена своими «силами» (помогал муж, папа и свёкор). Информант отметил: «Вывести основание национального жилища сможет не каждый строитель, который никогда не строил традиционное жильё. А мужчинам в нашей семье это передается из поколения в поколение. Это не просто квадратное сооружение, а шестиугольное, коническое. Тут свои моменты есть. При строительстве национального жилища очень много нюансов. *Айыл* начинают строить на растущую луну. Когда стены поднимают, обязательно вырезают либо дверь, либо окно. Бытует мнение, что если айыл будет закрыт, то туда проберутся темные силы и останутся там. Дверь или окно появились в современных *айылах*. Со всеми особенностями знакомы мужчины, занимающиеся строительством национального жилища. Примерная цена, затраченная на строительство *айыла* на Телецком, составила около 300 тыс. руб. На цену влияет материал, из которого изготовлено жилище. Используются различные виды пиломатериалов: брус или полубрус. В настоящее время при строительстве применяют современные материалы, например, вместо коры берут мягкую черепицу. В прошлом использовали кору, которую снимали с лиственницы. Сейчас кору можно попросить на пилорамах или у знакомых, у кого выделена деляна на заготовку дров. Мы делали так: везли кору лиственницы с Онгудайского района, так как в Турочакском районе нет лиственницы» [ПМА, 2022].

В юрте-музее представлены также экспонаты, характеризующие культуру коренных малочисленных народов таёжной зоны.

Рис. 2. Юрта на Карасукском перевале Чойского района, ноябрь 2022 г. (фото автора).

Fig. 2. Yurt on the Karasuk Pass of the Choi District, November 2022 (the author's photo)

Во время экскурсии создатель этно-парка рассказывает, как строятся традиционные жилища, останавливаясь на причинах, почему так ставили юрты. В таёжной местности во влажном климате северного Алтая невозможно построить войлочную юрту, и используют берёзу. Для коренных малочисленных народов кедр является священным деревом, поэтому жилища не строят из кедра. В разных частях Алтая традиционные жилища строятся по-разному, не только потому, что это дерево тут растёт, а там нет, а есть более важные законы, например, духовные, связанные с верой, об этом важно говорить при строительстве жилища [ПМА, 2022].

В с. Артыбаш Турочакского района расположен краеведческий музей «Эрми-Таш». В музее собран разносторонний материал по истории и культуре Горного Алтая. Для знакомства с традициями коренного населения в музее представлены *айыл* в миниатюре, предметы быта и народного промысла [Краеведческий музей «Эрми-Таш»].

Другой этнографический музей под открытым небом «Ортош» находится в с. Кебезень Турочакского района, руководитель этнокультурного комплекса – Сатлаева Пана Ивановна, представительница коренного малочисленного народа. Во время экскурсии по комплексу

можно посетить традиционное жилище тубаров *айыл*. Посещение этнографического музея «Ортош» также входит в этно-тур с насыщенной программой по всему Алтаю – «Большой Алтай» [Этно-тур «Большой Алтай»].

Летом 2022 г. в рамках реализации программы по поддержке экономического и социального развития коренных малочисленных народов Севера и Дальнего Востока проведены работы по благоустройству перевала Карасук Чойского района, где был построен *айыл* (рис. 2).

Благоустройство проведено согласно мероприятиям по обустройству культовых мест на территории традиционного расселения коренных малочисленных народов. На площадке есть информация для каждого: здесь можно познакомиться с информацией о культуре малых народов – тубаларов и кумандинцев, проживающих в Чойском районе [На Карасукском перевале...].

В с. Артыбаш Турочакского района функционируют несколько кафе, построенных в форме традиционного жилища *айыла* – «Туба аил», «Айсулу» и др. В них гости региона могут попробовать на заказ блюда из национальной кухни коренных малочисленных народов таёжной зоны. Основу традиционного питания тубаларов, кумандинцев и челканцев составляют мясные, молочные и рыбные блюда, а также мучные изделия и напитки. В отзывах посетители особенно отмечают вкусную выпечку: «все чисто и уютно на кухне, выпечка пальчики оближешь». Ресторан авторской кухни «Чага» в с. Кебезень Турочакского района также построен в форме *айыла*.

Дегустация традиционных блюд и десертов кумандинцев представлена в другом авторском проекте А. В. Набутовой в этномастерской «Айчус», расположенной в с. Манжерок Майминского района. Мастерская расположена в алтайском *айыле* и монгольской юрте. По сообщению информанта, есть в планах постройка кумандинского *чадыра* [ПМА, 2022].

Большая часть этнографических музеев, визит-центров, этномастерских, кафе работает сезонно, в основном 6 месяцев в году (май – октябрь).

С целью сохранения традиционного жилища народов таёжной зоны предлагаем макет проекта «Этнодеревни», который направлен на развитие туризма с учетом региональных традиций этнической архитектуры и особенностей естественного ландшафта. Появление небольшой этнодеревни поможет более сплоченно заниматься возрождением традиций, языка, развитием ремесел и организовывать работу в туристическом и сувенирном бизнесе. Решится ещё одна задача для района – этнодеревня может стать местом проведения традиционных праздников *Жылгайак*, *Тюрюк-Байрам*. На территории обязательно планируется строительство традиционных жилищ, сцены для проведения традиционных праздников и других мероприятий. В проекте будут задействованы старейшины из числа тубаларов, челканцев, кумандинцев. Своими знаниями, умениями и навыками они будут делиться с подрастающим поколением, что, в свою очередь, приведет к укреплению связи поколений, восстановлению преемственности. Это особенно актуально в период урбанизации.

Таким образом, традиционное жилище народов таёжной зоны Республики Алтай отличалось разнообразием архитектурных форм и конструкций, что обусловлено их хозяйственно-культурной деятельностью и природно-климатическими условиями. Процесс изменения традиционного жилища был закономерен: с изменениями конкретных исторических условий (христианизация, создание СССР, распад СССР и др.) менялся и тип жилища коренных малочисленных народов. В 90-е г. XX в. на фоне национального возрождения тубаларов, челканцев и кумандинцев, несмотря на то, что многие элементы традиционного жилища исчезли, наблюдается тенденция к возрождению утраченной культуры, в том числе и традиционного жилища. Современные летние кухни, этнографические музеи, визит-центры, построенные в виде традиционного жилища, активно включены в туристический рынок региона, привлекая внимание туриста своим особым видом. И потому развитие этнического туризма будет способствовать возрождению подлинной

аутентичной традиционной культуры народов таёжной зоны региона.

Список сокращений

ПМА 2022 – полевые материалы автора, собранные в Республике Алтай в 2022 г.

Литература

- Аткунова Д.А.** Этнокультурная адаптация коренных народов Северного Алтая в условиях национального возрождения (конец 19 – начало 21 в.). Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2019. 171 с. [Электронный ресурс] URL: http://elib.gasu.ru/index.php?option=com_abook&view=book&id=3431:950&catid=18:history&Itemid=172 (дата обращения: 18.03.2023).
- Вербицкий В.И.** Алтайские инородцы. Горно-Алтайск: Репринт, 1993. 270 с.
- Коровушкин Д.Г.** Жилище поздних переселенцев в Западной Сибири: трансформация как результат адаптации // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 3. С. 53–58.
- Краеведческий музей «Эрми-Таш». [Электронный ресурс] URL: <http://kedrogor.ru/chto-posetit/dostoprimechatelnosti-rajona-teleckogo-ozera/kulturnye/kraevedcheskij-muzej-ermi-tash.html> (дата обращения: 18.03.2023).
- Маслов Д.В.** Локальные музеи и репрезентации этнической культуры алтайцев: дис... канд. ист. наук. Москва, 2017. 266 с.
- Музей алтайского сказителя Н. У. Улагашева. [Электронный ресурс] URL: <https://altaitg.ru/catalog/interesnye-mesta/muzei/muzey-altayskogo-skazitelya-n-u-ulagasheva/> (дата обращения: 15.03.2023).
- На Карасукском перевале в Чойском районе благоустроена площадка. [Электронный ресурс] URL: <https://minregion-ra.ru/about/info/news/2563/> (дата обращения: 18.03.2023).
- Начал работу первый визит-центр Алтайского заповедника [Электронный ресурс]. URL: <https://wwf.ru/resources/news/arkhiv/nachal-rabotu-pervyy-vizit-tsentr-altayskogo-zapovednika/> (дата обращения: 15.03.2023).
- Ойроткинова Н.Р.** Мифологический словарь алтайцев. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 600 с.
- Потапов Л.П.** Охотничий промысел тубаларов // Туба (черневые татары). Этническая история. Традиционная хозяйственная деятельность. Культура. Этноэкология. Сборник научных статей (очерков и материалов), извлечений из трудов исследователей территории и населения

- Алтая XIX–XX вв. Барнаул: ОАО «ИПП «Алтай», 2008. С. 83–129.
- Радлов В. В.** Из Сибири. М.: Наука, 1989. 718 с.
- Результаты Всероссийской переписи населения 2020 г. по национальному составу среди коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: <https://raipon.info/press-tsentr/novosti/rezultaty-vserossiyskoy-perepisi-naseleniya-2020-po-natsionalnomu-sostavu-sredi-korennykh-malochisl/> (дата обращения: 23.03.2023).
- Сатлаев Ф. А.** Кумандинцы (историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX века). Горно-Алтайск: Алтайское кн. изд-во, 1974. 200 с.
- Соколов З. П.** Жилище народов Сибири (опыт типологии). М.: ИПА «ТриЛ», 1998. 288 с.
- Тадышева Н. О.** Сакральное пространство: алтайский традиционный айыл // Мир Большого Алтая. 2018. 4(3). С. 385–391.
- Торушев Э. Г.** Жилища // Алтайцы: Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2014. С. 214–228.
- Тюхтенева С. П.** Тубалары. Материальная культура. [Электронный ресурс] URL: https://ataskmns.ru/page/ru/people_tubalary_matcult.html (дата обращения: 26.03.2023).
- Этно-тур «Большой Алтай». [Электронный ресурс] URL: <http://ukok-tour.ru/index.php?t=39http://strana.ru/places/23774856/info> (дата обращения: 15.03.2023).
- Этно-парк на Телецком. Частные музеи России. [Электронный ресурс] URL: <http://privatemuseums.ru/o-proekte/geografiya/altaj/etno-park-na-teletskom/> (дата обращения 15.03.2023).
- Ямаева Е. Е., Апёнышева И. Н.** Телецкое озеро – территория традиционного природопользования. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. 144 с.
- Etno-park na Teletskom. Chastnye muzei Rossii [Ethno-park on Teletskoye. Private museums in Russia]. URL: <http://privatemuseums.ru/o-proekte/geografiya/altaj/etno-park-na-teletskom/> (accessed on March 15, 2023). (In Russian).
- Etno-Tur “Bol’shoi Altai” [“Big Altai” Ethnic Tour]. URL: <http://ukok-tour.ru/index.php?t=39http://strana.ru/places/23774856/info> (accessed on March 18, 2023). (In Russian).
- Korovushkin D. G.** Zhilishche pozdnikh pereselentsev v Zapadnoy Sibiri: transformatsiya kak rezultat adaptatsii [The housing of late settlers in Western Siberia: transformation as a result of adaptation]. *Humanities in Siberia*, 2006, no. 3, pp. 53–58. (In Russian).
- Kraevedcheskii muzei “Ermi-Tash” [Ermi-Tash Museum of Local Lore]. URL: <http://kedrogor.ru/chto-posetit/dostoprimechatelnosti-rajona-teleckogo-ozera/kulturnyie/kraevedcheskij-muzej-ermi-tash.html> (accessed on March 18, 2023). (In Russian).
- Maslov D. V.** Lokal’nye muzei i reprezentatsii etnicheskoi kul’tury altaitsev [Local museums and representations of the Altaians’ ethnic culture]. The author’s summary of the thesis for the degree of Candidate of History. Moscow, 2017, 266 p. (In Russian).
- Muzei altaiskogo skazitelia N. U. Ulagasheva [Museum of the Altai storyteller N. U. Ulagashev]. URL: <https://altaitg.ru/catalog/interesnye-mesta/muzei/muzey-altayskogo-skazitelya-n-u-ulagasheva/> (accessed on March 15, 2023). (In Russian).
- Na Karasukskom perevale v Choiskom raione blagoustroena ploshchadka [A playground has been landscaped at the Karasuk pass in the Choi district]. URL: <https://minregion-ra.ru/about/info/news/2563/> (accessed on March 18, 2023). (In Russian).
- Nachal rabotu pervyi vizit-tsentr Altaiskogo zapovednika [The first visit center of the Altai Nature Reserve]. URL: <https://wwf.ru/resources/news/arkhiv/nachal-rabotu-pervyy-vizit-tsentr-altayskogo-zapovednika/> (accessed on March 15, 2023). (In Russian).
- Oinotkinova N. R.** Mifologicheskii slovar’ altaitsev [Mythological dictionary of the Altaians]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 2021, 600 p. (In Russian).
- Potapov L. P.** Okhotnichii promysel tubalarov [The Tubalars’ hunting]. In: Tuba (the black Tatars). Ethnic history. Traditional economic activity. Culture. Ethnoecology. Collection of scientific articles (essays and materials), extracts from the works of researchers of the territory and population

References

Atkunova D. A. Etnokul’turnaia adaptatsiia korennykh narodov Severnogo Altaia v usloviakh natsional’nogo vozrozhdeniia (konets XIX – nachalo XXI v.) [Ethnocultural adaptation of the indigenous peoples of the Northern Altai in the conditions of national revival (late 19th – early 21st century)]. Gorno-Altai, BITs GAGU, 2019. URL: http://elib.gasu.ru/index.php?option=com_abook&view=book&id=3431:950&catid=18:history&Itemid=172_ (accessed on March 18, 2023). (In Russian).

- of Altai of the 19th – 20th centuries. Barnaul, “Altai” OAO, 2008, pp. 83–129. (In Russian).
- Radlov V. V.** Iz Sibiri [From Siberia]. Moscow, Nauka, 1989, 718 p. (In Russian).
- Rezultaty Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2020 po natsionalnomu sostavu sredi korennykh malochislennykh narodov Severa. Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossiyskoy Federatsii [Results of the All-Russian Population Census 2020 by national composition among the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation]. URL: <https://raipon.info/press-tsentr/novosti/rezultaty-vserossiyskoy-perepisi-naseleniya-2020-ponatsionalnomu-sostavu-sredi-korennykh-malochisle/> (accessed on March 23, 2023). (In Russian).
- Satlaev F. A.** Kumandinty (istoriko-etnograficheskii ocherk XIX – pervoi chetverti XX veka) [The Kumandins (historical and ethnographic essay of the 19th – first quarter of the 20th century)]. Gorno-Altaysk, Altai Book Publishing House, 1974, 200 p. (In Russian).
- Sokolov Z. P.** Zhilishche narodov Sibiri (opyt tipologii) [Dwelling of the Siberian peoples (typology experience)]. Moscow, “TriL” IPA, 1998, 288 p. (In Russian).
- Tadysheva N. O.** Sakralnoye prostranstvo: altayskii traditsionnyi aiyl [Sacred space: Altai traditional aiyl]. *The World of the Big Altai*, 2018, no. 4(3), pp. 385–391. (In Russian).
- Torushev E. G.** Zhilishcha [Dwellings]. In: The Altaians: Ethnic History. Traditional culture. Modern development. Gorno-Altaysk, S. S. Surazakov Research Institute of Altai Studies, 2014, pp. 214–228. (In Russian).
- Tyukhteneva S. P.** Tubalary. Materialnaya kul'tura [The Tubalars. Material culture]. URL: https://atlaskmns.ru/page/ru/people_tubalary_matcult.html (accessed on March 26, 2023).
- Verbitskii V. I.** Altaiskie inorodtsy [The Altai indigeneous dwellers]. Gorno-Altaysk, “Reprint”, 1993, 270 p. (In Russian).
- Yamayeva E. E., Apenysheva I. N.** Teletskoe ozero – territoriya traditsionnogo prirodopolzovaniya [The Teletskoe Lake – territory of traditional nature management]. Gorno-Altaysk, The Editorial and Publishing Department of Gorno-Altai State University, 2014, 144 p. (In Russian).

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У ЭНЦЕВ ТАЙМЫРА

В.П. Кривоногов

Сибирский федеральный университет, пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Россия; email: victor950@yandex.ru

Исследования, проведенные в 1992 г., 2002 г. и 2022 г., показали характер и динамику происходящих среди энцев Таймыра этнических процессов. Основная часть энцев проживает в двух посёлках – Потапово и Воронцово, но в последнее время в результате миграций все больше энцев покидают эти поселки и разъезжается по Таймыру. Сами поселки – смешанные по национальному составу, энцы составляют в них меньшинство. Это определяет характер происходящих процессов – энцы всё больше забывают свой язык и традиционную культуру и переходят на русский язык. Произошел прорыв эндогамии: большинство семей у энцев – смешанные по национальному составу, чаще всего с ненцами, но также и с другими национальностями: русскими, долганами, эвенками и др. Доля лиц смешанного происхождения среди энцев составляет большинство, а среди детей и молодежи практически все – метисы.

Ключевые слова: энцы, этнические процессы, этнодемография, языковые процессы, этническое самоопределение, национально-смешанные браки, метисация.

ETHNIC PROCESSES THE ENETS OF TAIMYR

Viktor P. Krivonogov

Siberian Federal University, 660041, Russia, Krasnoyarsk, 79 Svobody Ave., Russia; email: victor950@yandex.ru

The research, which had been conducted three times (in 1992, 2002 and 2022), showed the nature and dynamics of ethnic processes among the Enets of Taimyr. The main part of the Enets lives in two settlements, Potapovo and Vorontsovo. However, recently, as a result of migrations, more and more Enets are leaving these settlements and moving across Taimyr. The settlements themselves are of mixed ethnic composition, Enets are a minority there. This determines the nature of ongoing processes – the Enets gradually forget their language and traditional culture and switch to the Russian language.

There has been a breakthrough of endogamy – the majority of Enets families are ethnically mixed, most often with the Nenets, but also with other nationalities – Russians, Dolgans, Evenks, etc. The share of people of mixed ethnicity among the Enets is the majority, and almost all of them are mestizo among children and young people.

Keywords: Enets, ethnic processes, ethnodemography, language processes, ethnic self-determination, ethnic-mixed marriages, miscegenation.

Энцы после перехода от кочевого образа жизни к оседлому поселились в основном в двух посёлках – Воронцово (к северу от Дудинки) и Потапово (к югу от Дудинки). Можно условно считать эти два поселка основной этнической территорией энцев. В последние десятилетия значительная часть разъехалась по соседним ненецким посёлкам, немало перебралось и в Дудинку [Кривоногов, 2005, с. 328–330]. Однако нигде за пределами двух посёлков энцы не составляют заметного компонента. Да и в самих «энецких» посёлках энцы составляют весьма незначительный

процент. Наши исследования, проведённые в 1992 г., 2002 г. и 2022 г. (охват опросом – 100% энцев) [Кривоногов, 1997, с. 137–143; Кривоногов, 1998, с. 46–47; Кривоногов, 1998, с. 7–8; Кривоногов, 2001, с. 91–104; Кривоногов, 2004, с. 167–171; Кривоногов, 2007, с. 3–6; Кривоногов, 2005, с. 99–102; Кривоногов, 2019, с. 54–71], дали такую численность энцев:

- В Воронцово было 57 энцев, и составляли они в посёлке всего 13,9% (остальные – в основном ненцы – 58,9%, русские – 15,7%), спустя 10 лет энцев стало 43 чел. (12,4%). Спустя еще 20 лет энцев осталось всего 13 человек

(5%). Главная причина такого радикального сокращения – выезд из посёлка, в основном в Дудинку.

• В Потапово в 1992 г. энцев было 96 чел. (18,4%), в 2002 г. стало 99 чел. (23,8%, остальные – русские, ненцы, эвенки, долганы, немцы и др.) [Кривоногов, 2005, с. 326–327]. В 2022 г. их оказалось 69 чел., но при этом доля их поднялась до 34,3%, т.к. остальное население посёлка сократилось еще больше. И здесь также главная причина сокращения населения – урбанизация, выезд в Дудинку.

Мужчины среди энцев двух посёлков в настоящее время составили 53,7%, женщины – 46,3%, преобладание мужчин связано с тем, что женщины чаще мигрируют в города и в другие посёлки.

Половозрастной состав энцев говорит о том, рождаемость у энцев достаточна для воспроизводства этноса, хотя последние 10 лет значительно снизилась (табл. 1). Это значит, что уменьшение численности энцев в двух посёлках связано исключительно с миграциями.

Таблица 1

Половозрастной состав энцев пп. Воронцово и Потапово (по данным экспедиции 2022 г., в %)

Table 1

**Gender and age composition of the Enets in Vorontsovo and Potapovo villages
(according to the 2022 expedition data, %)**

Возраст	Мужчины	Женщины
70 и старше	1,2	2,4
60–69	3,7	4,9
50–59	4,9	6,1
40–49	7,3	6,1
30–39	4,9	9,7
20–29	3,6	–
10–19	18,3	11,0
0–9	9,8	6,1

Средний размер семьи составил 3,4 чел., детной семье. Большинство семей энцев – 2–4 чел. (табл. 2).

Таблица 2

Размер семей энцев

Table 2

Enets family size

	Размер семьи (чел.)						
	1	2	3	4	5	6	7
Кол-во семей	8	14	10	7	2	3	2

В 1992 г. семьи были более многочисленны, средний размер составлял 4,7 чел. на семью. Если семей из 6 чел. (и более) сейчас всего 5, то ранее было 19.

В ближайшее время миграции, видимо, будут продолжаться, среди мужчин потенциальные мигранты, согласно нашему опросу, составили 12,5%, среди женщин – 29,2%.

Но среди молодёжи до 30 лет их доля оказалась 50%. Миграционные настроения постепенно усиливаются: 30 лет назад потенциальных мигрантов было 10,5% среди мужчин и 22,5% – женщин, то есть явно меньше.

Уровень образования у женщин заметно выше, чем у мужчин (табл. 3), однако надо иметь в виду, что покидают посёлки чаще

люди с высоким образованием, – это значит, что реальный уровень образования в среднем по Таймыру выше, чем в двух посёлках.

По этой же причине в двух посёлках общий уровень образования за 30 лет почти не изменился.

Таблица 3

Уровень образования энцев (по данным опроса 2022 г., в %)

Table 3

Education level of the Enets (according to the 2022 survey, %)

	Уровень образования					
	Неграмотные	Начальное	Неполное среднее	Среднее общее	Среднее специаль.	Высшее
Мужчины	4,2	20,8	37,5	37,5	–	–
Женщины	–	–	45,8	12,5	29,2	12,5

Значительная часть мужчин сохранила традиционные занятия, около половины – оленеводы, охотники и рыбаки, вторая половина – безработные. Безработные также активно

занимаются охотой и рыболовством, так что можно сказать, что в целом мужчины остались привержены традиционным занятиям, в отличие от женщин (табл. 4).

Таблица 4

Социально-профессиональный состав энцев (по данным опроса 2022 г., в %)

Table 4

Social occupational composition of the Enets (according to the 2022 survey, %)

	Социально-профессиональные группы						
	олeneводь	охотники, рыбаки	неквалифици. рабочие	квалиф. рабочие	спец-ты	д/хозяйки	безраб.
Мужчины	20,0	25,0	5,0	–	–	–	50,0
Женщины	5,5	–	50,0	5,6	33,3	5,6	–

За 30 лет доля занятых в традиционном хозяйстве у мужчин почти не изменилась, а вот рабочих, служащих специалистов стало явно меньше, они перешли в разряд безработных. Среди женщин, занятых в традиционных отраслях, стало в 4 раза меньше, но возросла доля специалистов и занятых неквалифицированным трудом.

Помимо основной работы, на досуге почти все мужчины занимаются традиционными промыслами (согласно опросу – 95,8%), прежде всего рыболовством и охотой, из них лишь 20,8% сохранили навыки оленеводства. Большинство женщин также сохранили некоторые навыки традиционной женской работы – 70,8%. У мужчин этот показатель сохраняется на прежнем уровне, у женщин – медленно снижается. Среди пожилых женщин владеют

навыками традиционной работы практически все, молодых – только половина.

Энецкая национальная одежда исчезла у энцев около 30 лет назад (в Воронцово в то время мы застали лишь один комплект традиционной одежды у одной пожилой женщины) [Кривоногов, 1998, с. 192], однако уже давно энцы заимствовали ненецкую одежду, особенно это характерно для Потапово [Кривоногов, 1998, с. 192]. В настоящее время, согласно опросу, ненецкая одежда есть у 22,7% мужчин и 28,9% женщин (в основном у пожилых). В 1992 г. ненецкую одежду имели 49,3% мужчин и 30,8% женщин.

Национальная кухня стойко сохраняется: практически все энцы имеют в своём рационе традиционные блюда, причем 95,8% мужчин и 87,5% женщин при опросе отметили, что

используют их регулярно. За 30 лет эти показатели не только не упали, но даже возросли.

Различные традиционные самодельные вещи, как правило, связанные с промыслами, имеются в 38,9% семей – этот показатель за 30 лет не снизился.

Родным признают энецкий язык явное меньшинство, а в качестве основного разговорного он почти перестал использоваться (табл. 5, 6, 7). Сокращается использование энцами и ненецкого языка, которым до недавнего времени энцы владели неплохо. Оба языка заменяются русским языком.

Таблица 5

Родной язык энцев (по данным опросов, в %)

Table 5

Native language of the Enets (according to surveys, %)

Годы	Признали своим родным языком						
	энецкий язык	русский язык	ненецкий язык	энецкий и русский языки	энецкий и ненецкий языки	ненецкий и долганский языки	долганский язык
1992	49,0	44,4	4,6	–	1,3	0,7	–
2002	24,7	68,3	2,1	2,1	2,1	–	0,7
2022	9,8	84,1	1,2	3,7	1,2	–	–

Таблица 6

Основной разговорный язык энцев (по данным опросов, в %)

Table 6

The main spoken language of the Enets (according to surveys, %)

Годы	Основной разговорный язык						
	энецкий язык	русский язык	ненецкий язык	энецкий и русский языки	энецкий и ненецкий языки	русский и ненецкий языки	энецкий, ненецкий и русский языки
1992	9,8	78,4	4,6	3,3	0,7	–	3,2
2002	2,8	88,0	0,7	5,7	0,7	0,7	1,4
2022	–	95,1	–	2,5	1,2	–	1,2

Таблица 7

Родной язык энцев в разных возрастных группах (по данным опроса 2022 г., в %)

Table 7

Native language of the Enets among different age groups (according to the 2022 survey, in 2022, %)

Возраст	Родной язык				
	энецкий язык	энецкий и русский языки	русский язык	ненецкий язык	энецкий и ненецкий языки
60 лет и старше	70,0	10,0	10,0	10,0	–
50–59	11,1	11,1	77,8	–	–
40–49	–	9,1	81,8	–	9,1
30–39	–	–	100	–	–
20–29	–	–	100	–	–

Продолжение таблицы

Возраст	Родной язык				
	энецкий язык	энецкий и русский языки	русский язык	ненецкий язык	энецкий и ненецкий языки
10–19	–	–	100	–	–
до 10 лет	–	–	100	–	–

Уменьшается уровень компетенции как в энецком, так и ненецком языках. Эта динамика проявляется как при сравнении показателей трёх опросов, так и при сравнении показателей в разных возрастных группах (табл. 8, 9, 10, 11, рис. 1, 2, 3)

Таблица 8

Степень владения энецким языком
(по данным опросов, в %)

Table 8

Command of the Enets language (according to surveys, %)

Годы	Степень владения языком				
	владеют свободно	владеют с некоторыми затруднениями	владеют со значительными затруднениями	понимают, но не говорят	не владеют
1992	43,8	4,6	3,9	19,0	28,7
2002	24,7	2,1	5,6	23,2	44,4
2022	13,4	1,2	2,5	20,7	62,2

Таблица 9

Степень владения энецким языком в разных возрастных группах
(по данным опроса 1992 г., в %)

Table 9

Command of the Enets language among different age groups
(according to the 1992 survey, %)

Возраст	Владеют языком				
	владеют свободно	владеют с некоторыми затруднениями	владеют со значительными затруднениями	понимают, но не говорят	не владеют
60 лет и старше	91,7	8,3	–	–	–
50–59	100	–	–	–	–
40–49	100	–	–	–	–
30–39	76,7	13,3	3,3	6,7	–
20–29	33,3	4,8	19,0	28,6	14,3
10–19	10,7	3,6	3,6	32,1	50,0
до 10 лет	7,1	–	–	28,6	64,3

Таблица 10

**Степень владения энецким языком в разных возрастных группах
(по данным опроса 2002 г., в %)**

Table 10

**Command of the Enets language among different age groups
(according to the 2002 survey, %)**

Возраст	Владеют языком				
	владеют свободно	владеют с некоторыми затруднениями	владеют со значительными затруднениями	понимают, но не говорят	не владеют
60 лет и старше	75,0	–	–	25,0	–
50–59	70,0	10,0	–	20,0	–
40–49	72,0	4,0	12,0	12,0	–
30–39	27,8	–	16,6	38,9	16,7
20–29	7,4	3,7	7,4	48,2	33,3
10–19	–	–	–	17,5	82,5
до 10 лет	–	–	–	–	100

Таблица 11

**Степень владения энецким языком в разных возрастных группах
(по данным опроса 2022 г., в %)**

Table 11

**Command of the Enets language among different age groups
(according to the 2022 survey, %)**

Возраст	Владеют языком				
	владеют свободно	владеют с некоторыми затруднениями	владеют со значительными затруднениями	понимают, но не говорят	не владеют
60 лет и старше	70,0	–	10,0	20,0	–
50–59	22,2	–	11,1	44,5	22,2
40–49	18,2	9,1	–	45,4	27,3
30–39	–	–	–	33,3	66,7
20–29	–	–	–	–	100
10–19	–	–	–	4,2	95,8
до 10 лет	–	–	–	7,7	92,3

Среди детей появилось небольшое количество тех, кто начал понимать энецкий язык. Связано это с опытом преподавания энецкого языка в школе. Свободно владеют русским языком 98,8% энцев (1,2% – с некоторыми

затруднениями). Ненецкий язык больше распространен в п. Воронцово, чем в п. Потапово, так как там относительно больше ненцев (табл. 12, 13).

Таблица 12

Степень владения ненецким языком в п. Потапово (по данным опросов, в %)

Table 12

Command of the Enets language in Potapovo village (according to the survey, %)

Годы	Степень владения языком				
	владеют свободно	владеют с некоторыми затруднениями	владеют со значительными затруднениями	понимают, но не говорят	не владеют
1992	12,5	1,0	2,1	16,7	67,7
2002	4,0	1,0	6,1	13,1	75,8
2022	1,4	1,5	5,8	10,1	81,2

Таблица 13

Степень владения ненецким языком в п. Воронцово (по данным опросов, в %)

Table 13

Command of the Enets language in Vorontsovo village (according to the survey, %)

Годы	Степень владения языком				
	владеют свободно	владеют с некоторыми затруднениями	владеют со значительными затруднениями	понимают, но не говорят	не владеют
1992	52,6	3,5	5,3	17,5	21,1
2002	30,2	4,7	2,3	25,6	37,2
2022	15,4	–	7,7	23,1	53,8

В разных сферах общения русский язык используется шире, чем энецкий (табл. 14, 15, 16).

Таблица 14

Использование энцами основных языков региона в разных ситуациях (по данным опроса 1992 г., в %)

Table 14

Use of the main languages of the region by the Enets in different situations (according to the 1992 survey, %)

Языки	Разговаривают					
	с родителями	с братьями, сёстрами	с друзьями	с супругами	с детьми	на производстве
Энецкий	35,8	9,8	2,3	20,3	7,9	3,8
Русский	40,5	65,1		46,9	73,0	68,7
Ненецкий	1,4	2,4	1,6	12,5	4,8	2,5
Энецкий и ненецкий	3,4	0,8	1,5	3,1	–	–
Энецкий и русский	12,8	17,9	11,7	6,2	9,5	12,5
Энецкий, ненецкий и русский	2,7	2,4	8,6	3,1	1,6	7,5
Долганский	0,7	1,6	1,6	1,6	1,6	2,5
Ненецкий и русский	2,0	–	0,8	4,7	1,6	2,5
Энецкий, ненецкий и эвенкийский	–	–	–	1,6	–	–
Энецкий и долганский	0,7	–	–	–	–	–

Таблица 15

**Использование энцами основных языков региона в разных ситуациях
(по данным опроса 2002 г., в %)**

Table 15

**Use of the main languages of the region by the Enets in different situations
(according to the 2022 survey, %)**

Языки	Разговаривают					
	с родите- лями	с братьями, сёстрами	с друзьями	с супру- гами	с детьми	на производстве
Энецкий	18,3	9,8	2,2	6,9	1,7	–
Русский	62,7	78,8	81,7	75,9	83,3	91,6
Ненецкий	0,7	1,5	1,5	5,2	3,3	1,2
Энецкий и ненецкий	1,4	2,3	5,1	–	1,7	3,6
Энецкий и русский	12,0	6,8	8,0	8,6	8,3	2,4
Энецкий, ненецкий и русский	4,2	–	–	1,7	1,7	–
Ненецкий и русский	0,7	0,8	1,5	1,7	–	1,2

Таблица 16

**Использование энцами основных языков региона в разных ситуациях
(по данным опроса 2022 г., в %)**

Table 16

**Use of the main languages of the region by the Enets in different situations
(according to the 2022 survey, %)**

Языки	Разговаривают					
	с родите- лями	с братьями, сёстрами	с друзьями	с супругами	с детьми	на произ- водстве
Энецкий	4,9	3,7	1,2	3,1	–	–
Русский	74,4	91,4	89,0	90,7	97,0	97,8
Энецкий и ненецкий	1,2	–	–	–	3,0	–
Энецкий и русский	14,6	3,7	6,1	3,1	–	2,2
Энецкий, ненецкий и русский	3,7	1,2	2,5	–	–	–
Ненецкий и русский	1,2	–	1,2	3,1	–	–

Своей письменности у энцев нет, хотя некоторые представители энецкой интеллигенции пытаются её создать. Предпринимаются попытки преподавания энецкого языка в школе Потапово. Сами энцы относятся к идее создания письменности и её преподавания в школе неоднозначно. Поддержали эту идею при опросе 2002 г. 49,7% опрошенных, сомневаются в этом, хотя и не против, 12,2%, затруднились в ответе 14,3%, не видят в этом необходимости 23,8%. Более активно поддер-

жали эту идею в п. Потапово (71,4%), меньше сторонников – в п. Воронцово (39,3%).

Низкий уровень владения энецким языком ведёт к забвению разных видов духовной культуры, связанных с языком. На энецком языке поют песни всего 1,2% опрошенных (пожилые люди), на двух языках – 8,2%, остальные 90,4% – только на русском (данные по взрослым и детям школьного возраста). Помнят энецкие песни всего 16,4% опрошенных, в том числе только 5,5% – свыше трёх

песен. С национальными сказками знакомы 35,6% опрошенных, но только 5,5% помнят их настолько, что могут рассказать сами, причем более 3-х сказок помнят всего 2,8%.

Многие традиционные обряды уже ушли из жизни энцев. Например, о свадебных обрядах слышали всего 13,0% взрослых, однако никто не наблюдал их воочию. Выше показатели по наиболее консервативному обряду – похоронному. Похоронный обряд знают 37,0% опрошенных взрослых, в том числе 23,9% наблюдали его в жизни.

Коренные изменения происходят и в других областях духовной культуры. Лишь 20,9% определили себя как сторонники традиционной религии, еще 7,0% одновременно разделяют ценности как традиционного культа, так и православной религии. Еще 32,6% определили себя как православные, а остальные 39,5% выразили равнодушие к любой религии.

Смешанная система расселения привела к полному прорыву эндогамии у энцев, смешанные семьи значительно преобладают

над однонациональными (табл. 17, 18). Если в недалёком прошлом браки заключались в основном с родственными ненцами и нганасанами, то впоследствии круг брачных партнёров расширился [Васильев, 1979; Долгих, 1962]. За 10 лет между исследованиями (1992 и 2002 гг.) доля смешанных семей не выросла и даже немного уменьшилась, но их остается так много, что этническая трансформация энцев под их влиянием не вызывает сомнения. Кстати, число однонациональных семей выросло чисто формально – просто некоторые смешанные семьи в результате смерти одного из супругов или развода автоматически превратились в однонациональные. К 2022 г. доля смешанных семей осталась примерно на таком же уровне.

В 1992 г. в обоих поселках было 9 однонациональных и 48 национально-смешанных семей, или 84,2%, спустя 10 лет – соответственно 16 и 43, то есть 72,9%, спустя 20 лет – 8 и 20 (71,4%). По каждому поселку более подробно семьи показаны в табл. 1 и 2.

Таблица 17

Национальный состав семей энцев в п. Потапово (по данным опросов)

Table 17

Ethnic composition of Enets families in Potapovo village (according to surveys)

Национальный состав семей	Количество семей		
	1992	2002	2022
Энецкие	8	12	7
Энецко-ненецкие	9	5	7
Энецко-долганские	3	4	1
Энецко-эвенкийские	5	6	2
Энецко-нганасанские	–	1	–
Энецко-русские	3	5	4
Энецко-украинские	1	1	–
Энецко-коми	1	1	–
Энецко-немецкие	1	1	–
Энецко-ненецко-эвенкийские	–	1	–
Энецко-эвенкийско-русские	–	1	–
Энецко-белорусские	–	–	1
% смешанных семей	74,2	68,4	68,2

Таблица 18

Национальный состав семей энцев в п. Воронцово (по данным опросов)

Table 18

Ethnic composition of Enets families in Vorontsovo village (according to surveys)

Национальный состав семей	Количество семей		
	1992	2002	2022
Энецкие	1	4	1
Энецко-ненецкие	17	12	2
Энецко-долганские	3	1	–
Энецко-русские	3	3	1
Энецко-белорусские	1	1	–
Энецко-украинские	1	–	–
Энецко-ненецко-долганские	–	–	1
Энецко-ненецко-русские	–	–	1
% смешанных семей	96,2	81,0	83,3

Обратимся к показателям по супружеским парам. Среди женатых мужчин в двух поселениях 5 были женаты на энках, 14 – на женщинах иных национальностей (73,7%), спустя 10 лет показатели были 5 и 9 (64,3%), т.е. доля смешанных несколько уменьшилась. А спустя ещё 20 лет соответственно 1 и 6, или 85,7%, рост налицо. У женщин показатели выше, чем у мужчин. В 1992 году замужем за энцами были 5 замужних энок, за мужчинами других национальностей – 26, или 83,9%. В 2002 г. мы обнаружили показатели 5 и 23, или 82,1%. Спустя еще 20 лет 1 и 12, или 92,3%, рост весьма заметный. Однонациональная пара обнаружена всего одна на весь народ. Приводим более подробные сведения об этих браках в разрезе национальностей и отдельно по каждому посёлку.

В Потапово в 1992 г. было 11 женатых мужчин – энцев, из них женаты на энках – 4, на ненках – 2, на эвенкийках – 2, на долганках – 2, на коми – 1, итого состоит в смешанных браках 63,6% энцев-мужчин. Из 16 замужних женщин-энок: 4 замужем за энцами, 5 – за ненцами, 3 – за русскими, по 1 – за эвенком, долганом, немцем и украинцем. Доля состоящих в смешанных браках – 75%.

Спустя десять лет немного уменьшилась доля мужчин, состоящих в смешанных браках, до 58,3%. Женаты на энках 5 чел., на нен-

ках и эвенкийках – 2 чел., на долганках, нганасанке и коми – 1 чел.

У женщин доля осталась прежней – 75%, 5 замужем за энцами, 3 – за ненцами, 4 – за эвенками, 5 – за русскими, по 1 – за украинцем, немцем и долганом.

В 2022 г. из женатых мужчин 1 был женат на энке, 3 – на ненках, 1 – на эвенкийке, 1 – на русской, в смешанных браках состоит 83,3%. Из числа замужних женщин 1 замужем за энцем, 4 – за ненцами, 1 – за эвенком, 3 – за русскими, 1 – за белорусом (90,0%) (рис. 4).

В Воронцово показатели выглядят следующим образом: 1 мужчина-энец в 1992 г. был женат на энке, в то время как на ненках – 6 и еще один – на долганке (доля имеющих жен иной национальности – 87,5%). Спустя 10 лет мы встретили лишь двух женатых мужчин, причем оба – на ненках (100%). В 2022 г. мы обнаружили лишь одного мужчину, женатого на ненке (100%).

Из числа женщин-энок в 1992 г. 1 вышла замуж за энца, 8 – за ненцев, 3 – за русских, по одной – за долгана, украинца и белоруса (в смешанных браках – 93,3%). Спустя 10 лет все женщины состояли в браке с мужчинами иных национальностей, в т.ч. 5 – за ненцами и 3 – за русскими (100%). В 2022 г. 2 женщины были замужем за русскими, одна – за долганом (100%).

В результате такого большого количества смешанных браков большинство энцев оказались метисами, т.е. имеют среди ближайших предков сразу две или более национальностей. Всего по двум посёлкам лишь 11,3% энцев оказались «чистокровными», т.е. в ближайших 3-4 поколениях по восходящим линиям нет представителей иных национальностей. У

54,9% энцев среди ближайших предков есть представители монголоидных, чаще всего соседних народов (ненцев, долган, эвенков и др.). Ещё у 33,8% среди предков, кроме монголоидных народов, есть представители европеоидных народов (русских, а также украинцев, чувашей и др.). Подробнее данные генеалогии по каждому посёлку показаны в табл. 19 и 20.

Таблица 19

Этнорасовый состав энцев п. Потапово по данным генеалогии (по данным опроса 2022 г.)

Table 19

Ethno-racial composition of the Enets in Potapovo village according to genealogy (according to the 2022 survey)

Национальность ближайших предков по данным генеалогий	Количество, человек
Энцы	4
Энцы и ненцы	16
Энцы и эвенки	4
Энцы, ненцы и эвенки	1
Энцы, ненцы, эвенки и долганы	5
Энцы, ненцы и русские	14
Энцы, эвенки и русские	2
Энцы, ненцы и мордва	2
Энцы, ненцы, эвенки и русские	8
Энцы, ненцы, русские и украинцы	2
Энцы, эвенки, русские и украинцы	2
Энцы, ненцы, селькупы, русские и немцы	3
Энцы, эвенки и коми	2
Энцы и русские	2
Энцы и коми	2

Таблица 20

Этнорасовый состав энцев Воронцово по данным генеалогии (по данным опроса 2022 г.)

Table 20

Ethno-racial composition of the Enets in Vorontsovo village according to genealogy (according to the 2022 survey)

Национальность ближайших предков по данным генеалогий	Количество, человек
Энцы	1
Энцы и ненцы	4
Энцы, ненцы и нганасаны	2
Энцы, ненцы и долганы	1
Энцы, ненцы и русские	1
Энцы, ненцы, нганасаны и русские	1
Энцы, ненцы, нганасаны и татары	2
Энцы и русские	1

Сгруппируем всех метисов по разным типам в зависимости от принадлежности предков к местным северным и к европейским национальностям. В первом случае антропологически энцы меняются мало, во втором

явно меняется и внешность (табл. 21, 22). Доля метисов велика в обоих поселках, но в Потапово относительно больше европеоидных метисов, так как доля европейских национальностей в этом посёлке выше, чем в Воронцово.

Таблица 21

**Этнорасовый состав энцев п. Потапово
(по данным опросов, в %)**

Table 21

**Ethno-racial composition of the Enets in Potapovo village
(according to the surveys, %)**

Годы	Этническая принадлежность ближайших предков			
	Энцы	энцы и северные, монголоидные народы	энцы, северные и европеоидные народы	энцы и европеоидные народы
1992	18,7	52,1	25,0	4,2
2002	10,1	49,5	26,3	14,1
2022	5,8	37,7	50,7	5,8

Таблица 22

**Этнорасовый состав энцев п. Воронцово
(по данным опросов, в %)**

Table 22

**Ethno-racial composition of the Enets in Vorontsovo village
(according to the surveys, %)**

Годы	Этническая принадлежность ближайших предков			
	Энцы	энцы и северные, монголоидные народы	энцы, северные и европеоидные народы	энцы и европеоидные народы
1992	29,8	61,4	5,3	3,5
2002	11,6	69,8	14,0	4,6
2022	7,7	53,8	30,8	7,7

Среди энцев до 50 лет вообще нет ни одного чистокровного представителя, все были метисы. Доля детей с европеоидной при-

месью достигла уже 77,8%, то есть энцы уже и внешне начинают всё больше отличаться от предков (табл. 23, 24, рис. 5, 6).

Таблица 23

Этнорасовый состав энцев Воронцово и Потапово (по данным опроса, в %)

Table 23

**Ethno-racial composition of the Enets in Vorontsovo and Potapovo villages
(according to the survey, %)**

Годы	Этническая принадлежность ближайших предков			
	Энцы	энцы и северные, монголоидные народы	энцы, северные и европеоидные народы	энцы и европеоидные народы
1992	22,9	55,6	17,6	3,9
2002	10,6	66,6	22,5	11,3
2022	6,1	40,2	47,6	6,1

Таблица 24

**Этнорасовый состав энцев Потапово и Воронцово в 2022 г. в разных возрастных группах
(по данным опроса, в %)**

Table 24

**Ethno-racial composition of the Enets in Vorontsovo and Potapovo villages in 2022 among
different age groups (according to the survey, %)**

Возраст	Этническая принадлежность ближайших предков			
	Энцы	энцы и северные, монголоидные народы	энцы, северные и европеоидные народы	энцы и европеоидные народы
60 лет и старше	20,0	70,0	10,0	–
50–59	33,3	44,5	11,1	11,1
40–49	–	72,7	18,2	9,1
30–39	–	33,3	50,0	16,7
20–29	–	–	100	–
10–19	–	25,0	70,8	4,2
0–9	–	30,8	69,2	–

В 2022 г. ту или иную степень ненецкого компонента имели 73,9% энцев Потапово и 84,6% энцев Воронцово. Европеоидный компонент наблюдается у 56,5% энцев Потапово и 38,5% Воронцово. Однако среди детей (до 10 лет) ту или иную примесь европеоидного компонента имеют 100% энцев в Воронцово и 66,7% в Потапово (рис.7).

Доля энцев с европеоидным компонентом в своей родословной постепенно растет – это видно и при сравнении результатов трёх исследований (табл. 25), и при анализе распределения метисов с европеоидным компонентом по возрасту (табл. 26–28, рис. 8, 9).

Таблица 25

**Доля метисов с европеоидным компонентом в составе энцев
(по данным опросов, в %)**

Table 25

**Ethno-racial composition of the Enets in Vorontsovo and Potapovo villages
(according to the survey, %)**

Годы	Доля европеоидного компонента			
	нет	менее ½	½	более ½
1992	78,4	13,1	8,5	—
2002	66,2	17,6	14,8	1,4
2022	46,3	37,8	15,9	—

Таблица 26

**Доля метисов с европеоидным компонентом в разных возрастных группах энцев
(по данным опроса 1992 г., в %)**

Table 26

**Proportion of mestizos with a Caucasoid element among different Enets age groups
(according to the 1992 survey, %)**

Возраст	Доля европеоидного компонента			
	нет	менее ½	½	более ½
60 лет и старше	100	—	—	—
50–59	100	—	—	—
40–49	94,1	5,9	—	—
30–39	96,7	3,3	—	—
20–29	71,4	19,1	9,5	—
10–19	78,6	14,3	7,1	—
0–9	54,8	23,8	21,4	—

Таблица 27

**Доля метисов с европеоидным компонентом в разных возрастных группах энцев
(по данным опроса 2002 г., в %)**

Table 27

**Proportion of mestizos with a Caucasoid element among different Enets age groups
(according to the 2002 survey, %)**

Возраст	Доля европеоидного компонента			
	нет	менее ½	½	более ½
60 лет и старше	100	—	—	—
50–59	90,0	10,0	—	—
40–49	96,0	4,0	—	—
30–39	72,2	16,7	11,1	—
20–29	74,1	7,4	18,5	—
10–19	50,0	20,0	25,0	5,0
0–9	22,2	55,6	22,2	—

Таблица 28

**Доля метисов с европеоидным компонентом в разных возрастных группах энцев
(по данным опроса 2022 г., в %)**

Table 28

**Proportion of mestizos with a Caucasoid element among different Enets age groups
(according to the 2022 survey, %)**

Возраст	Доля европеоидного компонента			
	нет	менее ½	½	более ½
60 лет и старше	90,0	10,0	–	–
50–59	77,8	22,2	–	–
40–49	72,7	18,2	9,1	–
30–39	33,3	33,3	33,4	–
20–29	–	100	–	–
10–19	25,0	54,2	20,8	–
0–9	30,8	46,1	23,1	–

Одной из вероятных причин дальнейшего уменьшения численности энцев до недавнего времени являлась небольшая доля детей, относимых родителями к энецкой национальности в смешанных семьях. В 1992 г. в Потапово были отнесены родителями к энецкой национальности 48,1% детей в полных смешанных семьях, в Воронцово – 34,8%, а в 2002 г. – соответственно 30,6% и 30,0%. Но к 2022 г. всё изменилось. В Воронцово все дети в смешанных семьях отнесены к другим национальностям, а в Потапово, наоборот, большинство отнесены к энциам – 84,6%. Это могло бы улучшить демографическую ситуацию у энцев Потапово, если не массовые миграции за пределы посёлка.

Метисы, особенно с европейскими народами, слабее владеют энецким языком и менее знакомы с традиционной энецкой культурой. Например, свободно владеют энецким языком из числа чистокровных энцев в двух энецких посёлках 20,0%, остальные хотя бы понимают. А среди европеоидных метисов свободно им владеют лишь 4,5%, а совсем не понимают его – 81,8%. Традиционный культ признают 40% чистокровных энцев и только 11,8% европеоидных метисов, а к православию приобщены 52,9% метисов, среди чистокровных их не встретилося.

Литература

- Васильев В.И.** Этнические процессы на Нижнем Енисее (к вопросу об этнической самобытности современных энцев) // Полевые исследования Института этнографии, 1977. М.: Nauka, 1979. С. 55–63.
- Долгих Б.О.** Родовая экзогамия у нганасан и энцев // Сибирский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 4. С. 199–200.
- Кривоногов В.П.** Народы Таймыра в начале XXI века. Красноярск: КГПУ, 2007. 419 с.
- Кривоногов В.П.** Национально-смешанные браки у народов Таймыра // Народы Приенисейской Сибири: История и современность. Красноярск: КГПУ, 2001. С. 91–104.
- Кривоногов В.П.** Энци в начале XXI века // Этносы Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б. О. Долгих, 70-летию Красноярского края и Международному 10-летию коренных народов мира, Красноярск, Россия, 11–13 ноября. Красноярск: ИПК КГПУ, 2004. Ч. 2. С. 167–171.
- Кривоногов В.П.** Энци Таймыра: современные этнические процессы // Северные архивы и экспедиции. 2019. Т. 3. № 1. С. 54–71.
- Кривоногов В.П.** Этнические процессы у малочисленных народов Средней Сибири. Красноярск: КГПУ, 1998. 320 с.

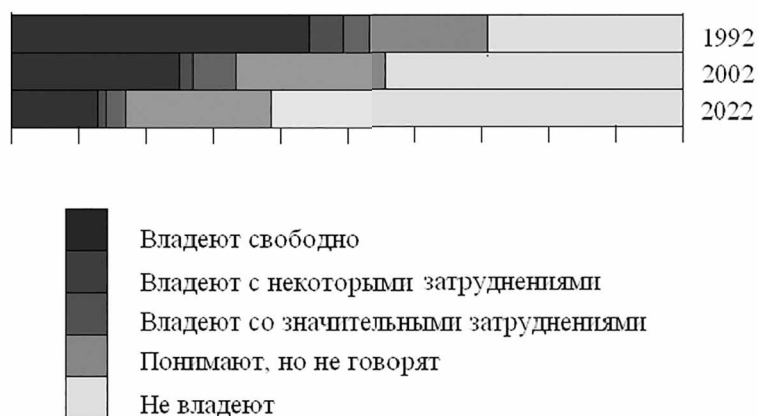

- Кривоногов В. П.** Этнические процессы у энцев // Этнографическое обозрение. 1998. №2. С. 46–57.
- Кривоногов В. П.** Этнодемографические процессы и метисация у энцев // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2005. №3. С. 99–102.
- Кривоногов В. П.** Этносоциальная ситуация у энцев // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск, 1997. Вып. 1. С. 137–143.

References

- Dolgikh B. O.** Rodovaya ekzogamiya u nganasan i entsev [Generic exogamy among the Nganasans and the Enets]. In: The Siberian Ethnographic Collection. Moscow, The USSR Academy of Sciences Publishing, 1962, vol. 4, pp. 199–200. (In Russian).
- Krivanogov V. P.** Etnosotsial'naya situatsiya u entsev [The ethno-social situation among the Enets]. *Ethno-Social Processes in Siberia*. Novosibirsk, 1997, issue 1, pp. 137–143. (In Russian).
- Krivanogov V. P.** Etnicheskie protsessy u entsev [Ethnic processes among the Enets]. *Ethnographic Review*, 1998, no. 2, pp. 46–57. (In Russian).
- Krivanogov V. P.** Etnicheskie protsessy u malochislennykh narodov Srednei Sibiri [Ethnic processes among the small-numbered peoples of Central Siberia]. Krasnoyarsk, State Pedagogical University, 1998, 320 p. (In Russian).
- Krivanogov V. P.** Natsional'no-smeshannyye braki u narodov Taimyra [National-mixed marriages among the peoples of Taimyr]. In: Peoples of Yenisei Siberia: History and Modernity. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Pedagogical University, 2001, pp. 91–104. (In Russian).
- Krivanogov V. P.** Entsy v nachale XXI veka [The Enets at the beginning of the 21st century]. In: Ethnic groups of Siberia. The past. The present. The future: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th Anniversary of B. O. Dolgikh, the 70th Anniversary of the Krasnoyarsk Region and the International 10th Anniversary of the Indigenous Peoples of the World. Krasnoyarsk, Russia, November 11–13. Krasnoyarsk, The Institute of Additional Education and Advanced Training of Krasnoyarsk State Pedagogical University, 2004, part. 2, pp. 167–171. (In Russian).
- Krivanogov V. P.** Etnodemograficheskie protsessy i metisatsiya u entsev [Ethno-demographic processes and miscegenation among the Enets]. *Humanities in Siberia*. Novosibirsk, 2005, no. 3, pp. 99–102. (In Russian).
- Krivanogov V. P.** Narody Taimyra v nachale XXI veka [The peoples of Taimyr at the beginning of the 21st century]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Pedagogical University, 2007, 419 p. (In Russian).
- Krivanogov V. P.** Entsy Taimyra: sovremennyye etnicheskie protsessy [The Enets of Taimyr: modern ethnic processes]. *Northern Archives and Expeditions*, 2019, vol. 3, no. 1, pp. 54–71 (In Russian).
- Vasilev V. I.** Etnicheskie protsessy na Nizhnem Enisee (k voprosu ob etnicheskoi samobytnosti sovremennykh entsev) [Ethnic processes on the Lower Yenisei (on the question of the ethnic identity of the modern Enets)]. In: Field Research of the Institute of Ethnography, 1977. Moscow, 1979, pp. 55–63. (In Russian).

ПРИЛОЖЕНИЯ

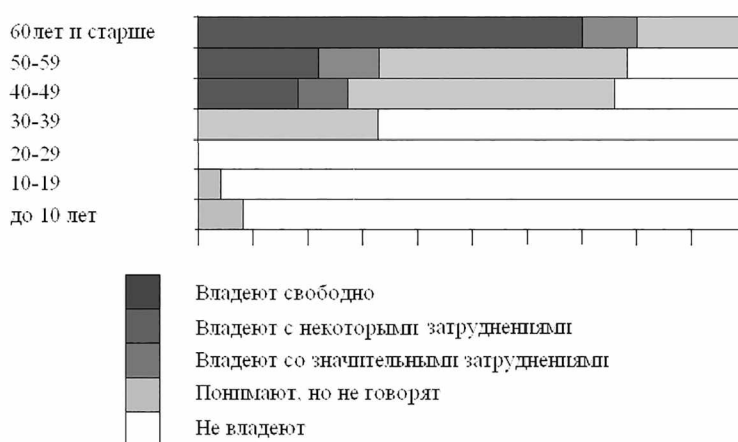
Рис. 1. Степень владения энецким языком (1992, 2002, 2022)

Fig. 1. Command of the Enets language (1992, 2002, 2022)

Рис. 2. Степень владения энецким языком в разных возрастных группах (1992)

Fig. 2. Command of the Enets language among different age groups (1992)

Рис. 3. Степень владения энецким языком в разных возрастных группах (2022 г.)

Рис. 3. Степень владения энецким языком в разных возрастных группах (2022)

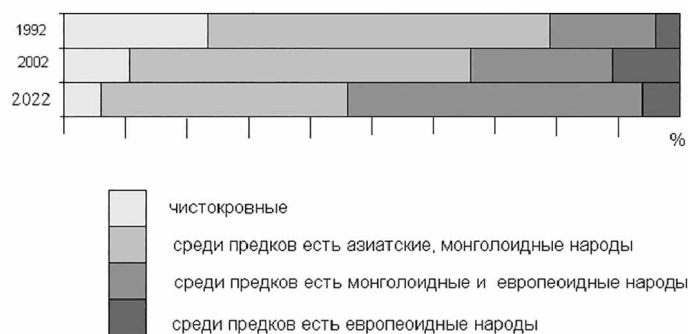
Fig. 3. Command of the Enets language among different age groups (2022)

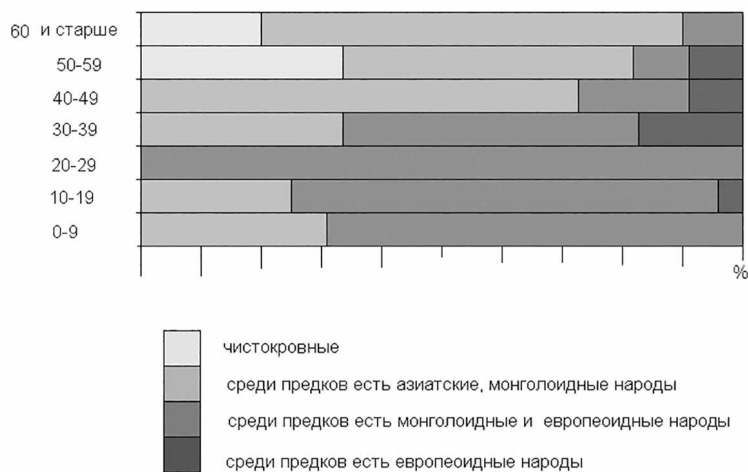
Рис. 4. Национально-смешанные семьи энцев. Муж – русский
Fig. 4. Ethnically mixed families of the Enets

Рис. 7. Энцы-метисы
Fig. 7. The Enets-mestizos

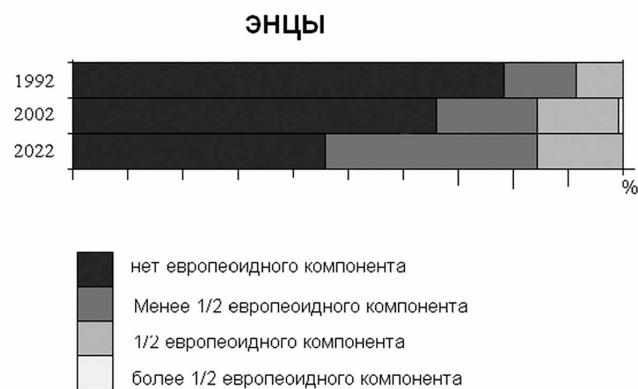

Рис. 5. Доля метисов разного типа в составе энцев
Fig. 5. Proportion of mestizo people among the Enets

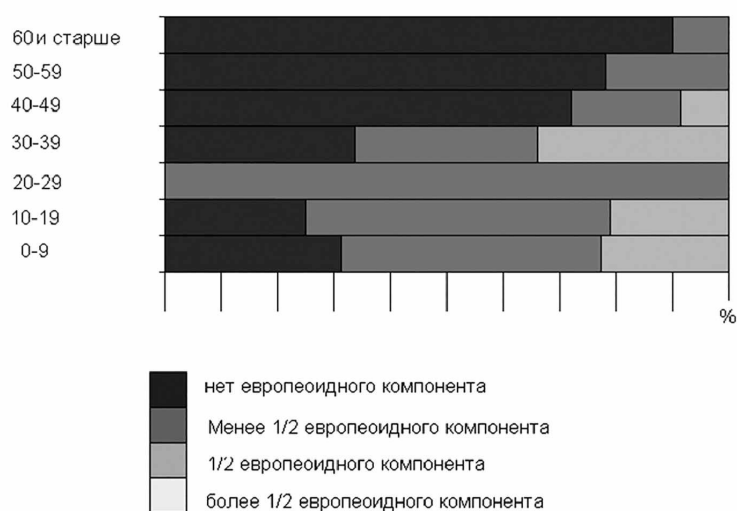
Рис. 6. Доля метисов разного типа в составе энцев разных возрастных групп (2022)
Fig. 6. Proportion of mestizo people of different types among different age groups of the Enets (2022)

Рис. 8. Метисы с европеоидным компонентом в составе энцев

Fig. 8. Mestizos with a Caucasoid element among the Enets

Рис. 9. Метисы с европеоидным компонентом в составе энцев в разных возрастных группах

Fig. 9. Mestizos with a Caucasoid element among different age groups of the Enets (2022)

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ПОЯСАХ И ПОЯСНОЙ ФУРНИТУРЕ V–III вв. ДО Н. Э. КУЛЬТУРЫ ЯНЛАН (СЕВЕРНЫЙ КИТАЙ)

П. И. Шульга

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; email: shulgapi55@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4684-8456>

Накладные поясные бляшки V–III вв. в Южной Сибири и Северном Китае являются ценным хронологическим и культурным индикатором. Однако тема эта почти не изучена. Проблема видится в отсутствии публикаций с подробным описанием поясной фурнитуры V–III вв. до н. э. и обстоятельств её нахождения. Предлагаемая статья является первым опытом введения в научный оборот значительной коллекции поясной фурнитуры культуры янлан (Северный Китай) с реконструкцией мест нахождения поясов в погребениях. Установлено, что в рассмотренных захоронениях людей наборные пояса при погребении укладывались рядом с умершим или продольно на его тело. Рассмотрена крупная коллекция накладных бронзовых бляшек (102 экз.) с выделением четырёх основных групп: бабочковидные, шестисекционные, S-образные, бляшки с зубчатой пластиной. Выделена фурнитура портупейных ремней и ножен, включавшая бронзовые кольцо, трубочку и несколько пуговицевидных бляшек.

Ключевые слова: наборные пояса, накладные бляшки, поясная фурнитура, погребальный обряд, скифское время, культура янлан.

NEW MATERIALS ON YANGLANG CULTURE BELTS AND BELT FITTINGS OF THE 5TH–3TH CENTURIES BC (NORTH CHINA)

Pyotr I. Shulga

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russia; email: shulgapi55@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4684-8456>

According to the available data, patch belt buckles of the 5th–3th centuries in South Siberia and North China are valuable chronological and cultural indicators. However, this topic is almost unexplored. The problem is the lack of publications of the 5th–3th century BC belt fittings detailed description and its finding circumstances. The proposed article is the first experience of introduction into scientific circulation of Yanglang culture (North China) belt fittings significant collection with belts location in burials reconstruction. It was found that at the funeral the set belts were placed next to the deceased or longitudinally on his body in the examined graves of people. A large collection of patch buckles (102 pcs) with four main groups – butterfly-shaped, six-sectional, S-shaped, buckles with a jagged plate – is considered. The sword belt and scabbard fittings including a bronze ring, a tube and several button-shaped plaques were identified.

Key words: set belts, patch buckles, belt fittings, funeral rite, Scythian time, Yanglang culture.

Введение

Поясные накладные бляшки являются довольно частой находкой на памятниках скифоидных культур Южной Сибири (конец VI–IV вв. до н. э.) и Северного Китая (конец VI–III вв. до н. э.). В публикациях по Южной Сибири изображения и краткие описания бляшек встречаются в десятках публикаций, но развёрнутых обобщающих работ по этой теме

пока нет. Проблема происхождения бляшек в Сибири лишь обозначена [Семёнов, 1997, с. 19; Килуновская, Фролов, 2020, с. 130], а региональные (культурные) особенности и эволюция этих изделий вовсе не рассматривались.

Вторым регионом распространения поясных накладных бляшек является Северный Китай. В отличие от Сибири, бляшки там фиксируются в большом количестве в погребениях всех трёх основных скифоидных

культур VI–III вв. до н.э.: маоцингоу, янлан и шацзин. Как и в России, бляшки там пока не стали объектом тщательного изучения, редко публикуются вместе с планами и описаниями погребений. Показательно, что в недавно вышедшей статье по поясной фурнитуре Северного Китая VII–II вв. до н.э., накладные (нашивные) бляшки не рассматриваются, а из памятников раннескифского времени приведены лишь пряжки-застёжки [Пэн Лин, 2016, рис. 10]. Исключениями в Китае являются только достаточно полно изданные материалы могильника Маоцингоу [Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь, 1986; Graberkatalog Maoqinggou ..., 1992], могильников Сиган и Чайваньган культуры шацзин [Институт археологии ..., 2001] и могильника Вандаху культуры янлан [Институт археологии ..., 2016]. Помимо этого, имеется сводка данных на 2008 г. по количеству и местам нахождения поясных бляшек в этих культурах [У Энь, 2008, с. 174–179]. Там же кратко рассматривались и поясные бляшки из Южной Сибири. Из работ англоязычных исследователей представляют несомненный интерес краткие комментарии к публикуемым поясным бляшкам из случайных находок в Северном Китае [Bunker, 1997a, с. 205, 211, 219, 220, 248, 249; она же, 1997b, с. 96–97, 119]. Следует отметить и две работы общего характера с охватом всей территории распространения поясных бляшек от Приуралья до Северного Китая [Воробьёва, 2010; Мацумото, 2021].

Во многих из указанных публикаций предполагается или допускается, что самые ранние поясные накладные бляшки появляются в Северном Китае, откуда они распространились в Южную Сибирь. К сожалению, всё эти мнения приводятся в тезисной форме без развёрнутых обоснований и без опоры на материалы представительных погребальных комплексов. При этом бляшки из Северного Китая рассматриваются как одно целое, что не соответствует действительности. Судя по имеющимся данным, поясные бляшки археологических культур Северного Китая (маоцингоу, янлан и шацзин) существенно различаются между собой. Отличаются они и от бляшек

Южной Сибири. Изучение этих особенностей, на наш взгляд, позволит понять происхождение, эволюцию и распространение накладных бляшек, а также других деталей поясной фурнитуры скифского времени. Для получения искомого результата необходимо вводить в научный оборот максимальное количество экземпляров обнаруживаемой поясной фурнитуры с планами и описаниями погребений, с учётом культурной принадлежности и датировок объектов. Такая возможность появилась после издания в Китае первой в своём роде двухтомной работы с полной публикацией материалов нескольких могильников культуры янлан, содержащих захоронения с поясами [Институт археологии ..., 2016]. В представленной статье вводятся в научный оборот, обобщаются и анализируются данные по поясам и погребениям из упомянутого двухтомника.

Основная часть.

Характеристика культуры янлан

До недавнего времени культура янлан оставалась практически не известной археологам на постсоветском пространстве. Не привлекала она внимания и «западных» исследователей, хотя материалы публиковались [Bunker, 1997a, с. 41–46]. Ситуация изменилась после раскопок элитных захоронений на могильнике Мацзяюань III–II вв. до н.э. [Институт археологии ..., 2014; Yang Jianhua, K. M. Linduff, 2013; Xiaolong Wu, 2013; и др.]. Это пока единственные обнаруженные «княжеские» захоронения в местах обитания скотоводов, окружавших с запада и севера царства Древнего Китая в IX–III вв. до н.э. В Мацзяюань найдены разнообразные колесницы, погребённые вместе с полными тушами лошадей, а также многочисленные изделия китайского производства. Своеобразный звериный стиль из Мацзяюань породил идеи об опосредованных связях с сакской культурой [Yang Jianhua, K. M. Linduff, 2013]. Появились даже предположения о проникновении групп сакских мастеров в Северный Китай. Там эти мастера, якобы, создали

замечательные украшения в Мацзяюань и в Синьчжуантоу (M30) [Kan In Uk, 2018, с. 410]¹.

На данное время культура янлан является наиболее представительной скифоидной культурой VI–III вв. в Северном Китае. Только там выявлены элитные захоронения (могильник Мацзяюань), и присутствуют все составляющие «триады»: звериный стиль, оружие и конское снаряжение. Носителей культуры янлан обоснованно связывают с западными жунами, столетиями соседствовавших с царством Цинь, и достаточно хорошо известных по древним китайским источникам. Основная часть известных могильников культуры янлан находится в южной части Нинся-Хуэйского автономного района, а также в прилегающем уезде Циньян восточной части Ганьсу² (рис. 1: 1, 2) [Сюй Чэн и др., 1993; Институт археологии ..., 2016; Варёнов, 2011; Шульга, Шульга, 2019; др.]. Не останавливаясь на сложном вопросе контактов древнего населения, отметим, что за пределы своего ареала отдельные группы носителей культуры янлан распространялись к северу только до района озера Дайхай [Шульга и др., 2014].

В отличие от вытесненных или ассимилированных скотоводов в Ордосе (внутри дуги р. Хуанхэ), жуны на востоке Ганьсу (район с центром в Мацзяюань) в V–IV вв. до н.э. сохраняли независимость. Для этого времени в культуре янлан фиксируются достаточно однородные захоронения, в том числе погребения колесничих на могильнике Вандаху с большим количеством жертвенных животных, оружием, конским снаряжением и деталями колесниц. После присоединения этой территории в начале III в. до н.э. к царству Цинь и строительства в 271 г. до н.э. оборонительной стены, обитавшие в этом районе жуны не ушли. По всей видимости, они органично встроилась в новые отношения, осуществляя посреднические поставки лошадей в Цинь от скотоводов с запада. Вполне естественно,

что во многих захоронениях культуры янлан представлено конское снаряжение и поясная фурнитура (рис. 3). Конское снаряжение включает многочисленные детали уздечек и упряжи, с удилами, псалиями, разнообразными распределителями и бляхами. Преимущественно это было снаряжение колесничных лошадей, на что указывает и наличие деталей колесниц уже в ранних погребениях VI–V вв. до н.э. (рис. 3: 11, 12). Показательно, что в элитных гробницах могильника Мацзяюань III–II вв. до н.э. выявлено несколько разновидностей колесниц, в том числе для войны, охоты и церемониальных выездов [Xiaolong Wu, 2013, с. 126; Чжао Учэн. 2018; др.]. Вместе с тем, уже на начальном этапе (VI–V вв. до н.э.) население культуры янлан хорошо знало верховую езду. На это указывает нахождение бронзовых «восточных» удил с выделенной рамкой повода. Удила этого типа были широко распространены в уздечках VI в. до н.э. на территории от Минусинской котловины до Северного Китая. В V–III вв. до н.э. в культуре янлан наряду с колесничными псалиями (рис. 3: 3) сохраняются и универсальные двудырчатые псалии без центрального отверстия (рис. 3: 4). За пределами Китая последние обычно использовались в уздечках верховых лошадей³. Особый интерес представляет большое количество поясной фурнитуры, подобной найденной в Южной Сибири. Например, поясные бабочковидные бляшки культуры янлан из рядовых погребений имеют аналогичные размеры, петельку на обороте и похожие стилизованные изображения «грифона» на лопастях (рис. 3: 16–20). Многочисленные аналогии с материалами скифского времени Южной Сибири обнаружены и в элитном могильнике Мацзяюань, где поясные бляшки сочетают

¹ Более взвешенной представляется позиция У Сяолун, указавшей на хорошо заметные в Мацзяюань характерные особенности погребального обряда и звериного стиля культуры янлан [Xiaolong Wu, 2013].

² Название культуры происходит от волости Янлан уезда Гуюань в Нинся-Хуэйском автономном районе.

³ В культуре янлан, как и в погребениях других культур Северного Китая до III в. до н.э. включительно отсутствуют седла и сидельные ремни с фурнитурой, которые бы достоверно указывали на наличие верховых лошадей. Вместе с тем, по письменным источникам и составу терракотовой армии Цинь Шихуанди, известно, что кавалерия распространяется в армиях китайских царств с IV в. до н.э., а у кочевников ещё раньше [Шульга и др., 2022]. Причина тому видится в ограничениях погребального обряда на данной территории.

особенности скифо-сибирской и китайской традиций.

Погребальный обряд культуры янлан является одной из основных её особенностей. При устройстве рядовых погребений первоначально выкапывалась подквадратная в плане яма глубиной около 1 м. В её восточной стенке (чаще посередине) устраивалась небольшая катакомба, направленная в восточный сектор. В катакомбу помещался один умерший в положении на спине, вытянуто, головой в восточный сектор (рис. 2: 1). Рядом с человеком выкладывалось оружие, сбруйная и поясная фурнитура, украшения. После частичной засыпки катакомбы, во входной яме в определённом порядке мордами к человеку (на восток) размещали многочисленные черепа лошадей, крупного рогатого скота, овец и коз. В захоронениях воинов колесничих в первом (нижнем) ряду над ногами человека укладывали 4-5 черепов колесничных лошадей (рис. 2: 2, 3). Иногда среди черепов встречаются детали конского снаряжения, колесниц и оружие. Элитные захоронения в могильнике Мацзяюань отличаются более крупными внутримогильными сооружениями, богатством инвентаря, наличием цельных колесниц и заимствованиями из китайской обрядности, но сохраняют традиционную основу, характерную для рядовых погребений (Институт археологии ..., 2014).

Поясная фурнитура и накладные бляшки

Пояса с накладными бляшками у кочевников Северного Китая появляются внезапно (примерно в конце VI–V вв. до н.э.) и в большом количестве. Поясная фурнитура культуры янлан, как в Южной Сибири и в культуре маоцингоу Северного Китая, включала три основных группы изделий. 1) Нефункциональные накладные металлические бляшки длиной около 4,5–6 см, крепившиеся вразрядку на поясном ремне в количестве от 4–6 до 13 экз. (рис. 3: 13). В эту группу входит подавляющее большинство деталей поясной фурнитуры. 2) Одна или две крупные концевые металлические бляхи длиной 10-14 см, при помощи

которых пояс затягивался. Как правило, на этих бляхах представлена условная сцена терзания. Хищник изображался в виде тигра или волка, а жертва в виде копытного животного (барана или лани). 3) Пряжки-застёжки длиной около 5 см со шпеньком на кольце приёмника (рис. 4: 17; 5: 2; 7: 16, 19; 9: 27). Помимо этого, в культуре янлан встречаются и необычные концевые бляхи типа найденных в могильниках Вандаху (рис. 3: 13–15; 4: 1) и Чжунчжуан (рис. 6: 9). Иногда при поясах имеются бронзовые рифлёные трубочки с расширением посередине (рис. 6: 16, 12–17). Они могли относиться к портупейным ремешкам, или нашивались на пояс как в соседней культуре шацзин из Ганьсу (рис. 10: 6/8). В скоплениях поясной фурнитуры часто встречаются пуговицевидные бляшки. Они могли использоваться по-разному, в том числе для украшения поясного ремня. В Вандаху при лежавших у пояса кинжалах и ноже рифлёные трубочки и пуговицевидные бляшки находились вместе с одиночными кольцами диаметром 3–5 см. По всей видимости, они крепились на портупейных ремешках и ножнах (рис. 2: 1а; 4: 18а–24; 5: 1а, 18–23; 6: 10, 11).

Наборные пояса культуры янлан, как правило, встречаются в мужских погребениях, но известны и в женских (рис. 5). При умерших в рядовых погребениях обычно находят остатки одного пояса в двух основных положениях: 1) в нескольких случаях детали встречаются в районе таза – возможно, пояса затягивались на бёдрах, т.е. находились в «рабочем» положении, как в культуре маоцингоу (рис. 10: 3–5); 2) пояс укладывался рядом с умершим (рис. 2: 1; 4: 18; 5: 1) или на его тело (рис. 6: 1). В элитных захоронениях могильника Мацзяюань имелись отличия. Судя по опубликованным фото, там на костяке умершего из могилы М16 в Мацзяюань могло находиться до трёх поясов [Институт археологии ..., 2014, фото на с. 58–59]. Некоторые пояса в Мацзяюань (могилы М4 и М16), предположительно, не затягивались на поясе, а укладывались поверх одежды в районе тазовых костей лицевой стороной вверх. При этом концевые бляхи располагались не по центру костяка, а по краям [Институт археологии ..., 2014, фото на

с. 34]. Похожий обряд зафиксирован в соседней культуре шацзин (рис. 1: 1; 10: 4). Например, на могильнике Сиган культуры шацзин в погребении женщины 40–45 лет (могила М140) обнаружено не менее трёх поясов, уложенных поперёк тела в районе таза (рис. 10: 6). Лишь на одном из них по центру находилась пряжка-застёжка (рис. 10: 6/8).

В обобщающей работе по скифоидным культурам Северного Китая известный археолог У Энь отметил 6 памятников культуры янлан, где им учтено более 190 поясных бабочковидных бляшек: могильники Мацжуан (25 экз.); Юйцзячжуан (36 экз.); Самэнь и Шантай (57 экз.); Чжанцзецунь (69 экз.); Ченьянчуань (количество бляшек не указано) [U En, 2008, с. 177, рис. 108]. За прошедшие годы количество опубликованных бляшек существенно увеличилось.

К настоящему времени автору известно около 400 накладных поясных бляшек из 17 памятников культуры янлан, без учёта многочисленных подобных изделий из элитного могильника Мацзяюань (опубликованы только выборочные фотографии) [Институт археологии ..., 2014]. Не включены в эту сводку и бляшки из коллекций, поскольку места их обнаружения, как правило, достоверно не установлены [Bunker, 1997a]. Поясные бляшки в полном объёме с планами могил, описаниями, рисунками и фото опубликованы только по могильникам Вандаху, Чжунчжуан и Цзюлуншань [Институт археологии ..., 2016]. В этот же двухтомник включены все бляшки из ограбленного могильника Мигоу. Данная информация представляет большую ценность, поскольку впервые позволяет учесть все экземпляры бляшек и особенности их нахождения в захоронениях. Приводим их краткое описание.

Могильник Вандаху находился у деревни Вандаху, примерно в 35 км к северо-западу от уездного города Пэнъян, и в 5–7 км к юго-востоку от г. Гуюань Нинся-Хуэйского автономного района (рис. 1: 2). Исследовано семь непо потревоженных могил, из которых в шести (М1-3, М5-7) оказались детали поясной фурнитуры. Предположительно, наборные пояса были и во многих других захоронениях на этом могиль-

нике, но все они были разрушены или полностью ограблены.

Могила М1 содержала непо потревоженное захоронение мужчины воина-колесничего 40–45 лет, уложенного в катакомбе на спину, вытянуто, головой на восток–северо-восток. Сопроводительные предметы располагались в катакомбе по сторонам от умершего (рис. 2: 1). Вдоль правой руки находился наосник колесницы (рис. 3: 11) и детали уздечек четверки лошадей (рис. 3: 1–10), из которых две уздечки имели характерные колесничные псалии (рис. 3: 3), а две – универсальные двудырчатые псалии (рис. 3: 4). У левого плеча сохранились остатки кожаного ремня, украшенного бронзовыми бляхами и бронзовый кинжал в одних ножнах с бронзовым ножом (рис. 1: 4, 5; 2: 13–20). В катакомбе также обнаружены бронзовый клевец 29 и роговые наконечники стрел (рис. 1: 6, 7). Во входной яме могилы расчищено 25 черепов животных, уложенных в два слоя. В нижнем слое над ногами человека находилось пять уложенных в ряд черепов взрослых лошадей (рис. 2: 2, 3). По всем данным, это захоронение колесничего с оружием и символической колесницей (черепа лошадей, сбруя с колесничными псалиями и наосник колесницы).

Могила 2 содержала захоронение ребёнка (мальчика ?) 2–3 лет. Ребёнка захоронили как воина-колесничего: с черепами четырёх жеребят, упряжью и оружием (уменьшенные копии копья и кинжала). В районе пояса справа находились бронзовые полноразмерный нож с вотивным кинжалом, а также поясная бляха с приёмным отверстием и шпеньком на обороте (рис. 4: 1). Во входной яме зафиксированы черепа животных.

Могила 3 содержала погребение ребёнка (мальчика ?) 1,5 лет. Его также сопровождал комплект вотивного бронзового оружия воина-колесничего: кинжал, копье и кельт, детали сбруи. В районе пояса найдены бронзовые вотивный кинжал, а также две поясные накладные бляшки и кольцо (4: 2–3). Во входной яме зафиксировано 11 плохо сохранившихся черепов животных (4 лошади, 3 крс, 4 мрс), уложенных в один слой.

Могила М5 содержала захоронение мужчины 35–40 лет. С ним лежали роговые концевые накладки лука, вотивные бронзовые кинжал и чекан, а также одна сбруйная бляха. Поясная фурнитура включала три детали: одну шестисекционную и две зигзаговидные бляшки (рис. 4: 5–7). Они обнаружены в разных местах, но одна – недалеко от правой тазовой кости. В катакомбе также найдены кольцо и две бляшки (рис. 4: 8–10). Они могли относиться к портупее или ножнам. Во входной яме находилось 23 черепа животных (4 черепа крс и 19 черепов мрс).

Могила М6 содержала захоронение подростка мужского пола 12–13 лет с комплектом воина-колесничего, включавшего бронзовые уменьшенные кинжал, секиру, кельт (рис. 4: 18). Там же были бронзовые и роговые втульчатые наконечники стрел, шило и детали сбруи с колесничным псалием. Поясная фурнитура состояла из шестисекционных бляшек (6 экз.) и пряжки-застёжки (рис. 4: 11–17). Они находилась к югу от умершего вместе с кинжалом у левой локтевой кости руки на участке длиной около 30 см. В этом же скоплении расчищено семь пуговицевидных бляшек, лежавших двумя рядами вдоль кинжала (рис. 4: 18а, 22–24). Вероятно, они располагались на ножнах, с которыми было связаны и бронзовое кольцо с трубкой, лежавших у навершия кинжала (рис. 4: 19, 20). Во входной яме найдено 25 черепов, в том числе 4 черепа лошади (3 жеребёнка и взрослая особь).

Могила М7. Погребение женщины 25–35 лет (рис. 5: 1). Помимо поясной фурнитуры в захоронении обнаружено: бронзовые фигурки ланей, нож, шило, три иглы и керамический сосуд. Фигурки ланей полые, имеют по четыре отверстия в основании для крепления к какой-то деревянной (?) основе. Предварительно могут быть отнесены к украшениям колесницы. В целом они подобны полым фигуркам ланей, находившихся вместе с деталями сбруи в могиле М1 могильника Чжунчуан (рис. 6: 1). К северу от коленного сустава правой ноги умершей на участке около 30х15 см расчищено скопление бронзовых деталей поясной фурнитуры (11 шестисекционных бляшек, пряжка-застёжка и зооморфная бляшка)

и нож (рис. 5: 2–13, 16, 24). Рядом с ножом, как и у кинжала из М6, лежали бронзовые кольцо, рифлёная трубочка и две пуговицевидных бляшки (рис. 5: 18, 19, 22, 23). Там же находилась S-образная бляшка с петелькой на обороте (рис. 5: 21). Она определена как застёжка [Институт археологии ..., 2016, с. 222]. Ещё две шестисекционные бляшки лежали обособлено, к юго-востоку от коленного сустава левой ноги (рис. 5: 1, 14, 15). Вероятно, изначально они относились к одному набору. Во входной яме обнаружен 31 череп животных (5 крс и 26 мрс).

Из описанных пяти могил расположение пояса устанавливается в могилах М1, М6 и М7. Из этих же погребений происходит наибольшее количество деталей поясной фурнитуры. Поясная фурнитура располагается компактно у левой руки (М1, М6) или у правой ноги человека (М7) на участках длиной не более 35–40 см. Очевидно, что пояса в этих погребениях не надевались на бёдра умерших. Вместе с подвешенными к ним кинжалами (мужские могилы М1, М6) или ножом (женская могила М7), пояса помещались рядом с человеком, но не разворачивались по всей длине вдоль тела. В могиле М7 пояс был уложен кольцом, как если бы он был на поясе человека. Важно отметить, что в могилах М6 и М7 в скоплении поясных бляшек мы можем выделить детали портупейных ремней и ножен: кольцо, длинная рифлёная трубочка и несколько пуговицевидных бляшек. В этот комплекс в М7 входили также S-образная бляшка (застёжка ?) и две бусины (рис. 5: 17–23).

Пояс из могилы М1. Пояс украшался 13 бронзовыми бабочковидными бляхами (рис. 3: 13–20). Там же найдено и две концевые бляхи. Считается, что они находились на концах пояса, и служили для затягивания ремня. Полностью сохранившаяся концевая бляха-застёжка изображает копытное животное с подогнутыми ногами (рис. 3: 14). Тело его орнаментировано S-образным поясом, заполненным спиралевидными фигурами. На лицевой стороне бляхи (в районе шеи) имеется небольшой шпенёк для застёгивания. На оборотной стороне бляхи в районе крупа животного находится петля прямоугольной

формы для фиксации к поясному ремню. От второй бляхи сохранилась половина, на которой видна передняя часть хищного существа с двумя когтистыми лапами (рис. 3: 15). Если вторая бляха, действительно, была концевой, то на затянутом поясе она противостояла бляхе-застёжке в виде копытного. Такое оригинальное решение сцены терзания (или нападения) в виде отдельных существ на поясе еще не встречалось. Ширина пояса составляла около 4 см. Накладные бляшки на сохранившихся участках прихватывались к поясному ремню пропущенным с оборотной стороны тонким ремешком (рис. 3: 13, 20). Крепивший бляшки ремешок захватывал по несколько бляшек, или был общим для всех. Судя по интервалам между местами крепления бабочковидных бляшек (6 см), длина пояса была не менее 1 м.

Все накладные бляшки однотипные. Размеры почти одинаковые: длина 4,4 см, ширина 2,6 см (рис. 3: 16–20). Различия составляют 1–2 мм. Наибольшая ширина на торцевых сторонах, наименьшая в приталенной средней части. Контур и орнаменты лопастей даны по принципу центральной симметрии. Каждая лопасть бляшки представляет собой стилизованное изображение свернувшегося «хвостатого грифона», у которого кончик хвоста выходит на угол и несколько выступает за пределы бляшки. Внешне орнамент представляет фигуру в виде «запятой» с круглой точкой в центре, обращённой «хвостиком» вверх или вниз. У некоторых бляшек на месте точки сквозное отверстие. По всей видимости, бляшки отливались в формах с одинаковым орнаментом, а видимые различия между ними произошли в ходе отливки. По центру приталенной средней части лицевой стороны находится круглая полушарная выпуклость диаметром 7–8 мм. На фото лицевых сторон бляшек в приталенной части с двух сторон имеется по выступающему овальному «зубчику», не выделенному с оборотной стороны (Институт археологии ..., 2016, табл. 2–23). Вероятно, эти «зубчики» имеются у всех бляшек, но на рисунках они показаны только у четырёх экземпляров (см. рис. 3: 16, 17). На оборотной стороне по центру (над ямкой) имеется

одна арочная (иногда несколько уплощённая) продольная узкая петелька, в которую пропущен ремешок, крепивший бляшки к поясу.

Пояс из могилы М6. Фурнитура пояса включала 6 накладных бляшек и одну пряжку-застёжку. В этом же скоплении находились бронзовый кинжал с деталями портупейных ремней: кольцом, рифлёной трубкой и семью пуговицевидными бляшками, расположенными двумя рядами вдоль кинжала (рис. 4: 11–24). Пряжка-застёжка состоит из плоской приёмной части в виде кольца с узким круглым отверстием посередине диаметром около 1 см. Щиток пряжки округлый и выпуклый в виде пуговицевидной бляшки, но без петельки на обороте. Между щитком и приёмником находится отверстие диаметром 3–4 мм для крепления к ремню. В передней части кольца с лицевой стороны находился шпенёк. Обратная сторона плоская. Общая длина пряжки составляет 5 см (рис. 4: 17). Особенностью пряжки является разнонаправленные выпуклости щитка и шпенька на приёмнике¹.

Поясные бляшки накладные шестисекционные прямоугольной формы, одинаковых размеров, длиной около 3,4 см, шириной 2,1 см (рис. 4: 11–16). Петельки на оборотной стороне таких бляшек отсутствуют, поскольку они пришивались к основе через отверстия. Бляшки состоят из двух фигурных пластин, соединённых перемычками в торцах. На каждой пластине имеется по три одинаковых выпуклых секции. Лицевая сторона каждой секции выпуклая с орнаментом, а внутренняя – вогнутая, не орнаментирована. Орнамент на лицевой стороне довольно сложный. На каждой из двух пластин имеется по две совмещённых S-видных фигуры. В двух ячейках внизу левого и вверху правого рядов расположены S-образные фигуры с полными спиралями на концах. В центральных ячейках они смыкаются с двумя другими S-образными фигурами, у которых во внешних ячейках спирали полные, а во внутренние ячейки выходят только «хвостики», соединяющиеся

¹ Обычно в поясных и сбруйных пряжках шпенёк застёжки находится на внешней (лицевой) стороне. На эту же сторону обращены различные пуговицевидные выпуклости и орнаментированные сегменты.

с полными спиралями. По всей видимости, они копируют орнамент на поясных обоях более раннего могильника Юйхуанмяо (рис. 10: 2) [Шульга, 2015, рис. 100].

Пояс из могилы М7. Фурнитура пояса включала 13 накладных бляшек (как и в М1) и одну пряжку-застёжку. В этом же скоплении находились бронзовый нож с деталями портупейных ремней: кольцом, рифлёной трубкой, S-образной бляшкой (застёжкой) тремя пуговицевидными бляшками и двумя бусинами (рис. 5). Пряжка-застёжка включает приёмную часть в виде кольца и подтреугольное ушко с отверстием для фиксации к ремню. В передней части кольца с лицевой стороны находился небольшой шпене́к и орнамент в виде расположенных по кругу в одну строчку подквадратных бугорков. Обратная сторона пряжки плоская. Диаметр кольца 3,7 см. Общая длина составляет 5 см (рис. 5: 2).

Поясные бляшки накладные шестисекционные, прямоугольной формы, подобны найденным в могиле М6. Размеры одинаковые: длина около 3,5 см, ширина 2,4 см (рис. 5: 3–15). В отличие от бабочковидных бляшек из М1, поясные шестисекционные бляшки не имели петелек на оборотной стороне и пришивались к основе через отверстия.

S-образная бляшка (застёжка?). По форме, размерам и конструкции является накладной поясной бляшкой (см. рис. 5: 21; 9: 1–22), но в М7 она могла выполнять функцию застёжки. На лицевой стороне обеих лопастей видна разделительная грань. В средней части на лицевой стороне бляшки имеется округлая выпуклость. На оборотной стороне находится округлое углубление и петелька для пришивания. Обратная сторона вогнутая. Длина составляет 4,2 см, ширина в центральной части около 1,6 см. В могиле также была найдена бронзовая литая бляшка в виде свернувшегося животного (рис. 5: 16).

Могильник Чжунчжуан. Находился на окраине деревни Чжунчжуан, примерно в 30 км к ССВ от уездного города Пэнъян Нинся-Хуэйского АР (рис. 1: 2). [Институт археологии ..., 2016, с. 10–11]. Исследовано два захоронения. Могила М2 была почти полностью разрушена. Поясная фурнитура обнаружена

в непогребённой могиле М1. Устройство захоронения и погребальный обряд в М1 полностью соответствует зафиксированному в могильнике Вандаху (рис. 6: 1). Умерший человек 35–45 лет¹ был уложен в наклонной катакомбе на спину, вытянуто, головой на северо-восток. Во входной яме могилы М1 находились черепа 63 домашних животных (в том числе 4 черепа лошадей), последовательно уложенных в несколько слоёв.

К северу от правой тазовой кости человека и под ней находилось скопление сбруйных блях. На левой тазовой кости и рядом лежали бронзовые нож, четыре бабочковидных бляшки, две рифлёные трубочки, подвеска и две пуговицевидные бляшки (рис. 6: 1а). Последние, предположительно, относились к портупейным ремешкам. Эти находки как будто указывают на наличие поясного ремня, расположенного на бёдрах в «рабочем» положении. Вместе с тем, к востоку на костяке в одну линию обнаружено ещё семь бронзовых деталей поясной фурнитуры: своеобразная концевая бляха, четыре рифлёные трубочки и две подвески (рис. 6: 1а, 1б). Такие наборы характерны для поясов соседней культуры шацзин (рис. 10: 6/8). По-видимому, во время погребения пояс был уложен продольно на тело умершего. Бабочковидные бляшки однотипные длиной около 3,5 см, шириной 1,5 см (рис. 6: 2–5). Лопастей бляшек представляют собой розетки, украшенные по кругу девятью округлыми бугорками. На оборотной стороне бляшки имеют сплошную планку по всей длине, за которую они крепились к поясу. По этим характеристикам, бляшки полностью соответствуют одному из типов поясных бляшек культуры шацзин. Однако, имеется очень важная особенность – в центральной части бляшек из Чжунчжуан на месте перехвата находится выпуклый сегмент с остроугольными окончаниями. Этот сегмент,

¹ В описании указано, что умерший «идентифицирован как мужчина» [Институт археологии ..., 2016, с. 453]. В пользу этого, видимо, говорит наличие четырёх черепов лошадей, конского снаряжения и украшений колесницы (?) в виде полых фигурок лани. Однако, отсутствие вооружения и наличие в районе шеи ожерелья из бус может указывать на захоронение женщины.

по-видимому, является вариацией, характерной для культуры янлан, на котором часто присутствуют звериные личины с остроугольными мордочкой и ушами.

Могильник Цзюлуншань. Могильник находился на склоне горы Цзюлун, примерно в 5 км к юго-западу от уездного города Пэнъян [Институт археологии ..., 2016, с. 12–13]. После получения известий о фактах разграбления могил, в 2009 г. на памятнике исследовано 11 погребений. Все они были сильно разрушены злоумышленниками. Большая часть инвентаря из могил похищена, кости людей выброшены из ямы или смещены. Черепа домашних животных в основном сохранились на месте их первоначального расположения в восточных частях катакомб (рис. 7: 1). Авторы раскопок полагают, что черепа животных были отброшены туда грабителями [Институт археологии ..., 2016, с. 575]. Но это не так. Действительно, многие из черепов животных смещены, но очевидно, что они были в восточной части катакомбы изначально. Если бы черепа находились во входной яме или в верхней части погребальной камеры, то они были бы выброшены вверх и в стороны уже при первом ограблении. Можно предположить, что грабители хотели скрыть свои действия, для чего сбрасывали вниз раскопа кости животных и людей. Но в этом случае все они лежали бы вперемешку не в восточном углу камеры (в катакомбе), а внизу камеры по всей площади перекопа. Важно подчеркнуть, что в непотревоженных частях всех входных ям черепа животных отсутствовали. Очевидно, все черепа жертвенных животных изначально помещали в восточный конец катакомбы (рис. 7: 1). Расположение умерших людей не вполне ясно. По устройству ориентированных в широтном направлении погребальных камер в подквадратных входных ямах, а также наличию черепов жертвенных животных, исследованные в Цзюлуншань могилы могут быть отнесены к культуре янлан. Однако, имеются и существенные отличия (размещение черепов животных в восточном конце катакомбы; возможно, противоположная ориентация умерших и др.), указывающие на местные особенности и влияние соседних культур.

Поясная фурнитура сохранилась в четырёх могилах в перемещённом состоянии, в восточной части рядом с черепами животных и отброшенными костями человека. Соответственно, о первоначальном расположении поясов нет информации, но сохранившиеся детали представляют несомненный интерес. Во всех четырёх могилах найдено восемь накладных бляшек одного типа с зубчатыми пластинами и пуговицевидными окончаниями (рис. 7: 2–4, 12–15, 20). Такие бляшки не встречаются в культуре янлан, но в значительном количестве представлены в культуре шацзин. В небольшом количестве известны они и в культуре маоцингоу. Например, на опубликованном могильнике Маоцингоу таких найдено 47 экз. в трёх погребениях (рис. 10: 4). В отличие от бляшек из могильника Чжунчжуан они крепились к поясу через петельки двух пуговицевидных окончаний. Вместе с бляшками в двух могилах найдено две целых поясных пряжки типа известных в культуре шацзин и обломки третьей (рис. 7: 16, 17, 19). К поясной фурнитуры могли относиться три пуговицевидные бляшки, колечко и пять раковин каури (рис. 7: 5, 7–11; 18, 21, 22).

Мигоу. Могильник Мигоу располагался на склоне холма к востоку от деревни Мигоу, примерно в 25 километрах к северу от уездного города Пэнъян. Датирован периодом Чуньцю [Институт археологии ..., 2016, с. 762], но однозначно ранних материалов VII–VI вв. до н.э. там нет. По месту расположения, набору и особенностям инвентаря могильник должен относиться к культуре янлан. Материал предварительно можно датировать V–III вв. до н.э. Могильник раскапывался грабителями, но в 2008 г. местные власти изъяли у них 202 бронзовых изделия: клевцы гэ (2 экз.), секиры (3 экз.), копье с ромбическим наконечником и втульчатый наконечник стрелы, ножи (8 экз.), кельты и тёсла (10 экз.), поясные накладные бляшки (51 экз.), поясная пряжка, малые портупейные (?) пуговицевидные бляшки (47 экз.), различные детали конского снаряжения (около 80 экз.) и другие изделия. Научного обследования ограбленного могильника в Мигоу, по-видимому, не проводилось, устройство захоронений не установлено. Несомненно,

мненный интерес представляет поясная фурнитура – составлявшая четвертую часть от всех изделий.

Поясные накладные бляшки (51 экз.). Большинство бляшек из Мигоу относится к трём типам, но в единичных вариантах представлены и другие.

1. Шестисекционные бляшки прямоугольной формы, без петелек на обороте (12 экз.). Украшены спиральным орнаментом (рис. 8: 1–12). Размеры одинаковые – длина 3,8 см, ширина 2,6 см. Вероятно, происходят от одного пояса. Аналогичны подобным накладным бляшкам из Вандаху (рис. 4: 3, 11–16; 5: 3–15).

2. Бабочковидные бляшки с «реалистичными» изображениями «хвостатых грифонов» на лицевой стороне, расположенных по принципу центральной симметрии (12 экз.). Каждая лопасть бляшки представляет собой стилизованное изображение свернувшегося «хвостатого грифона», у которого кончик хвоста выходит на угол и значительно выступает за пределы бляшки (рис. 8: 13–24). Головка грифона имеет круглые глаз и ухо, клюв изогнут, ротовая щель дуговидная. Хвост украшен узкой канавкой. Между головкой и хвостом у всех бляшек имеется прорезь в виде запятой или дуги. В приталенном центре бляшки расположена небольшая круглая выпуклость. Обратная сторона бляшек плоская с расположенной по центру небольшой петелькой. Под петелькой незначительное округлое углубление. Бляшки одинаковые по изображению и размерам: длина 4,2 см, ширина 2,1 см. Вероятно, происходят от одного пояса.

3. S-образные бляшки (22 экз.). Подобные бляшки обычно трактуются как обращённые в противоположные стороны стилизованные головки грифонов с общим глазом – округлой выпуклостью по центру диаметром около 1 см (рис. 9: 1–22). Загнутые клювы образуют лопасти, расположенные по принципу центральной симметрии. Лопасти в поперечном сечении несколько изогнуты. На выступающей лицевой стороне некоторых лопастей видна разделительная грань. По центру оборотной стороны имеется небольшая петелька, перекрывающая округлое углубление. Размеры

почти всех бляшек одинаковы до миллиметра – длина 4,4 см, ширина 1,6 см. Контуры бляшек несколько различаются в центральной части. Судя по количеству бляшек и различиям контуров, они происходят от 2–3-х поясов. К этой группе бляшек отнесено похожее изделие с петелькой на обороте (рис. 9: 28). Возможно, это литейный брак.

4. S-образные плоские бляшки с поперечной петелькой на оборотной стороне (2 экз.). Размеры одинаковые – длина 4,8 см, ширина 2,3–2,6 см. Основной их особенностью является поперечное расположение петелек (рис. 9: 23, 24).

5. Плоская бляшка в виде условного (по контуру) изображения свернувшегося «хвостатого грифона», у которого кончик хвоста выходит на угол и несколько выступает за пределы бляшки (рис. 9: 25). Длина 4,8 см, ширина 2,6 см. На оборотной стороне имеется продольная петелька. Особенности бляшки являются наличие лунок на лицевой стороне, а также отсутствие центральной выпуклости (и ямки на оборотной стороне) и приталенности в средней части.

6. Бабочковидная бляшка с центральной округлой выпуклостью и своеобразным орнаментом на лопастях (рис. 9: 26). Края бляшки с утратами, но размеры устанавливаются – длина 4,6 см, ширина 2,8 см. На оборотной стороне по центру имеется продольная петелька, перекрывающая округлое углубление.

Поясная пряжка-застёжка (1 экз.) Включает приёмную часть в виде кольца и подтрапециевидного щитка с отверстием для фиксации к ремню. В передней части кольца с лицевой стороны находился небольшой отогнутый вперёд шпенёк. По кругу кольцо пряжки и щиток украшены узкими валиками (рис. 9: 27). Обратная сторона плоская. Диаметр кольца 3,1 см. Общая длина пряжки составляет 5,1 см.

Помимо пряжки-застёжки и накладных бляшек в Мигоу обнаружены встречающиеся в поясных наборах рифлёные трубочки длиной до 5 см (3 экз.) и малые пуговицевидные бляшки (11 экз.) (рис. 8: 28–30; 9: 29). Они могли относиться к фурнитуре пояса или портупейных ремешков, как в могильниках Ван-

даху и Чжунчжуан. Назначение трубочек длиной 10–11 см (рис. 8: 25–27) пока не ясно.

Итоги

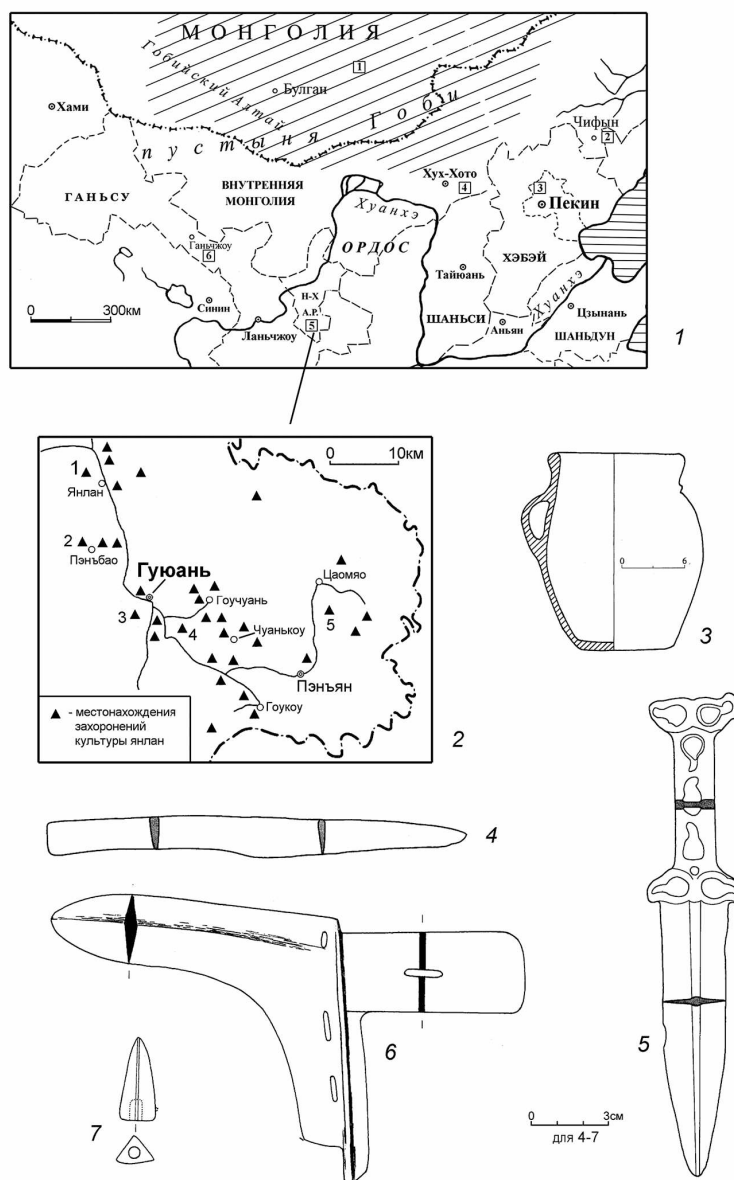
В ходе анализа материалов могильников Вандаху и Чжунчжуан было установлено, что в захоронениях людей пояса при погребении укладывались рядом с умершим (рис. 2: 1; 4: 18; 5: 1) или продольно на его тело (рис. 6: 1а, 1б). Это расположение поясов отличается от известного в синхронно существовавшей в Северном Китае культуре маоцингоу (рис. 10: 3–5), но имеет некоторые аналогии в соседней культуре шацзин (рис. 10: 6). При этом, на могильнике Чжунчжуан поясная фурнитура соответствовала культуре шацзин, а человек был захоронен по обряду культуры янлан (рис. 6: 1). Как видим, расположение поясов и состав поясных наборов у скотоводов Северного Китая существенно различались. Эти данные позволяют с большей точностью определять культурную принадлежность или специфику того или иного памятника. Например, в погребениях разграбленного могильника Цзюлуншань обнаружены накладные бляшки одного типа с зубчатыми пластинами и пряжки, характерные для культуры шацзин (рис. 7). Конструкция могил с небольшой катакомбой там в целом относится к культуре янлан, тогда как погребальный обряд с размещением черепов животных в восточном конце катакомбы вообще пока не имеет аналогий в Китае. Очевидно, в Цзюлуншань имела место смешение трёх традиций: культуры шацзин, культуры янлан и пока неизвестной культурной группы.

Наборные пояса культуры янлан, как правило, встречаются в мужских погребениях, но известны и в женских (рис. 5). При умерших в рядовых погребениях достоверно пояс укладывался рядом с умершим или на его тело. В нескольких случаях пояса могли затягивать. Подписи.

лись на бёдрах, как это было в культуре маоцингоу (рис. 10: 3–5); 2). Материалы элитного могильника Мацзяюань демонстрируют ещё одно положение пояса – сверху поперёк тела человека, как в культуре шацзин (рис. 10: 6).

Особый интерес представляет коллекция деталей поясной фурнитуры из четырёх описанных выше памятников (Вандаху, Чжунчжуан, Цзюлуншань и Мигоу). Наиболее полно там представлены накладные поясные бляшки. Всего найдено 102 накладных бляшки: 39 экз. в Вандаху; 4 экз. в Чжунчжуан; 8 экз. в Цзюлуншань; 51 экз. в Мигоу. Это более половины того, что было учтено в культуре янлан на 2008 г. [U En, 2008]. Бляшки подразделяются на четыре группы: 1) Бабочковидные бляшки (32 экз.). Обнаружены в Вандаху, Чжунчжуан и Мигоу. Типологически наиболее разнообразны; 2) Шестисекционные бляшки (33 экз.). Обнаружены в Вандаху и Мигоу. Все однотипные; 3) S-образные бляшки (27 экз.). Почти все однотипные и найдены в Мигоу; 4) Бляшки с зубчатой пластиной двух типов (10 экз.). Обнаружены в Вандаху и Цзюлуншань. Для культуры янлан наиболее распространёнными являются бабочковидные и шестисекционные бляшки.

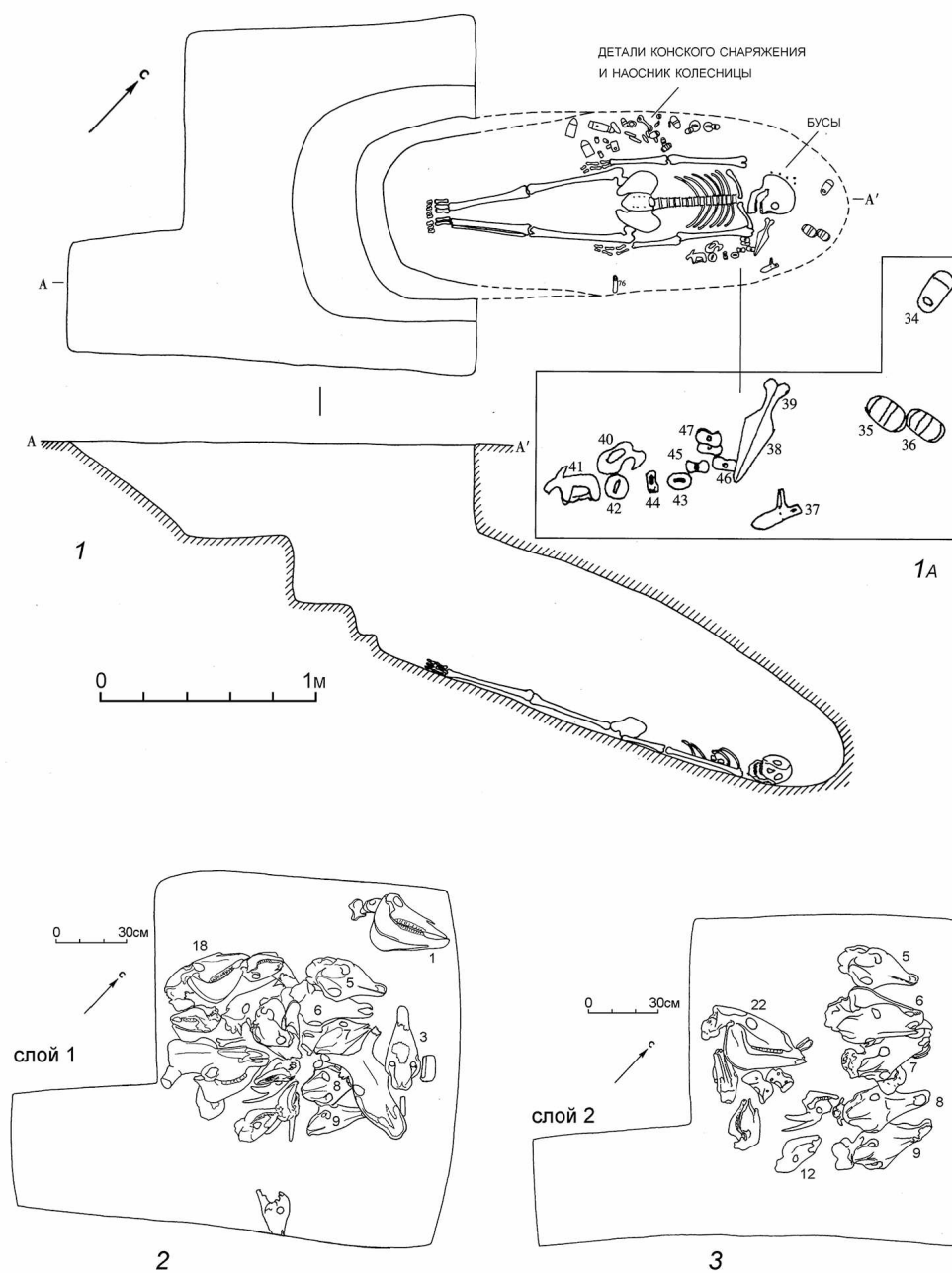
Важное значение имеет выделение деталей от портупейных ремней и ножен. Это удалось сделать впервые благодаря наличию полностью опубликованных планов и описаний погребений с фотографиями и рисунками всех изделий. В могиле М7 из Вандаху эти детали (кольцо, рифлёная трубочка, пуговицевидные бляшки и др.) находились с бронзовым ножом (рис. 5: 1а, 17–24), а в могиле М6 того же могильника кольцо – с кинжалом (рис. 4: 18а). Ранее эти изделия относились обобщённо к поясной фурнитуры или к украшениям одежды.

Рис. 1. Культура янлан и находки из М1 могильника Вандаху (3–7): 1 – карта расположения скифоидных культур в Северном Китае и Монголии (1 – культура плиточных могил, 2 – культура «верхнего слоя Сяцзядянь», 3 – культура юйхуанмяо, 4 – культура маоцингю, 5 – культура янлан, 6 – культура шацзин), 2 – карта местонахождений захоронений культуры янлан в южной части Нинся-Хуэйского АР (1 – Мачжуан, 2 – Юйцзячжуан, 3 – Цзюлуншань, 4 – Вандаху, 5 – Чжунчжуан); 3 – керамический сосуд; 4–6 – бронзовые нож, кинжал и клевец гэ; 7 – роговой наконечник стрелы.

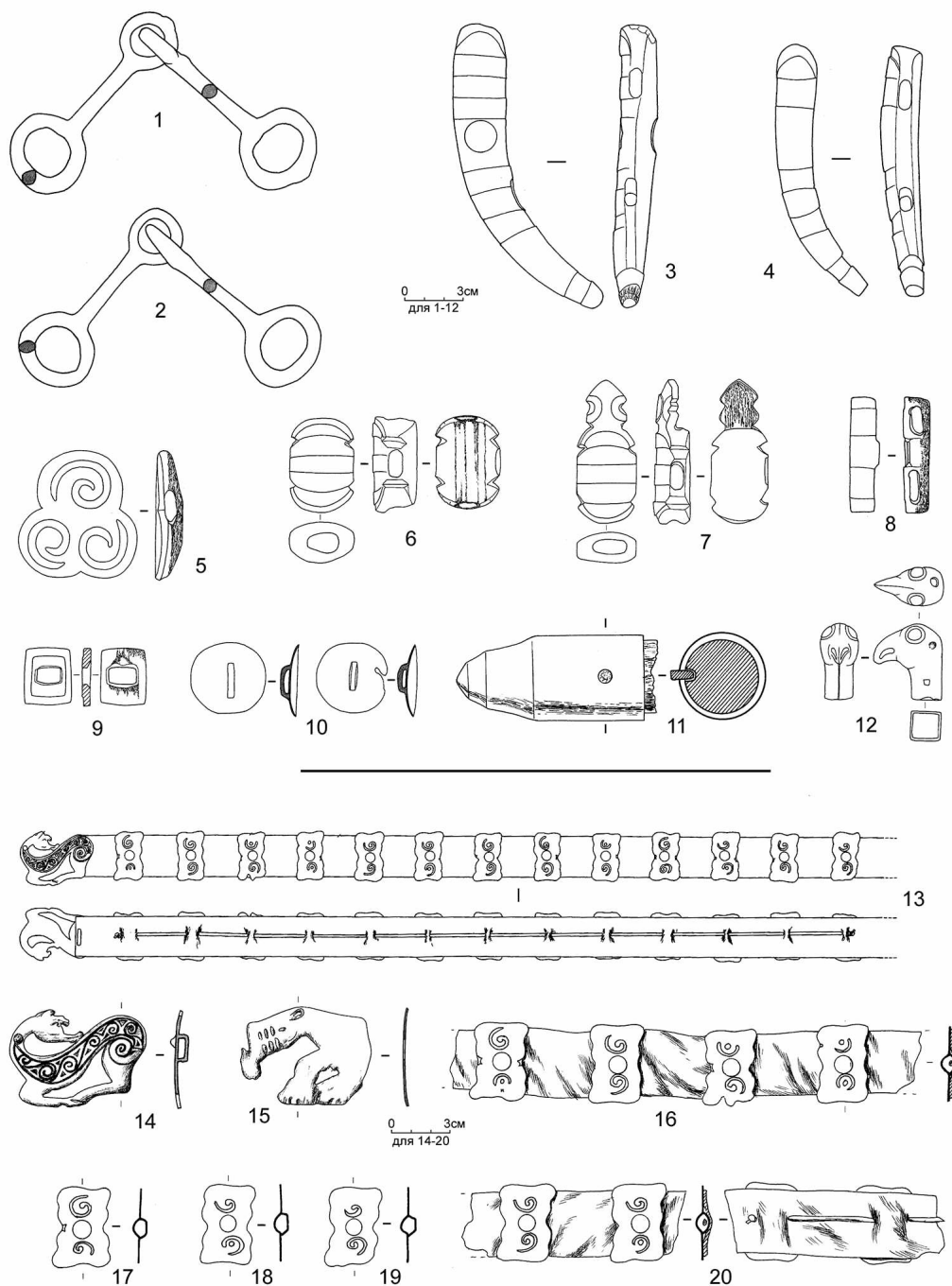
Fig. 1. Yanglang culture and finds from Wangdahu burial ground M1 (3–7): 1 – map of the Scythian-like cultures location in Northern China and Mongolia (1 – the slab graves culture; 2 – the “Xiajiadian upper layer” Culture; 3 – the Yuhuangmiao Culture; 4 – the Maoqinggou Culture; 5 – the Yanglang Culture; 6 – the Shajing Culture); 2 – a map of the Yanglang Culture burials locations in the southern part of the Ningxia Hui Autonomous Region (1 – Mazhuang; 2 – Yujiazhuang; 3 – Jiulongshan; 4 – Wangdahu; 5 – Zhongzhuang), 4–6 – bronze knife, dagger and dagger-axe “ge”; 7 – a horn arrowhead

Рис. 2. Могильник Вандаху, могила M1: 1, 1a – план и разрез могилы; 2, 3 – планы расположения черепов жертвенных животных в первом и втором слоях.

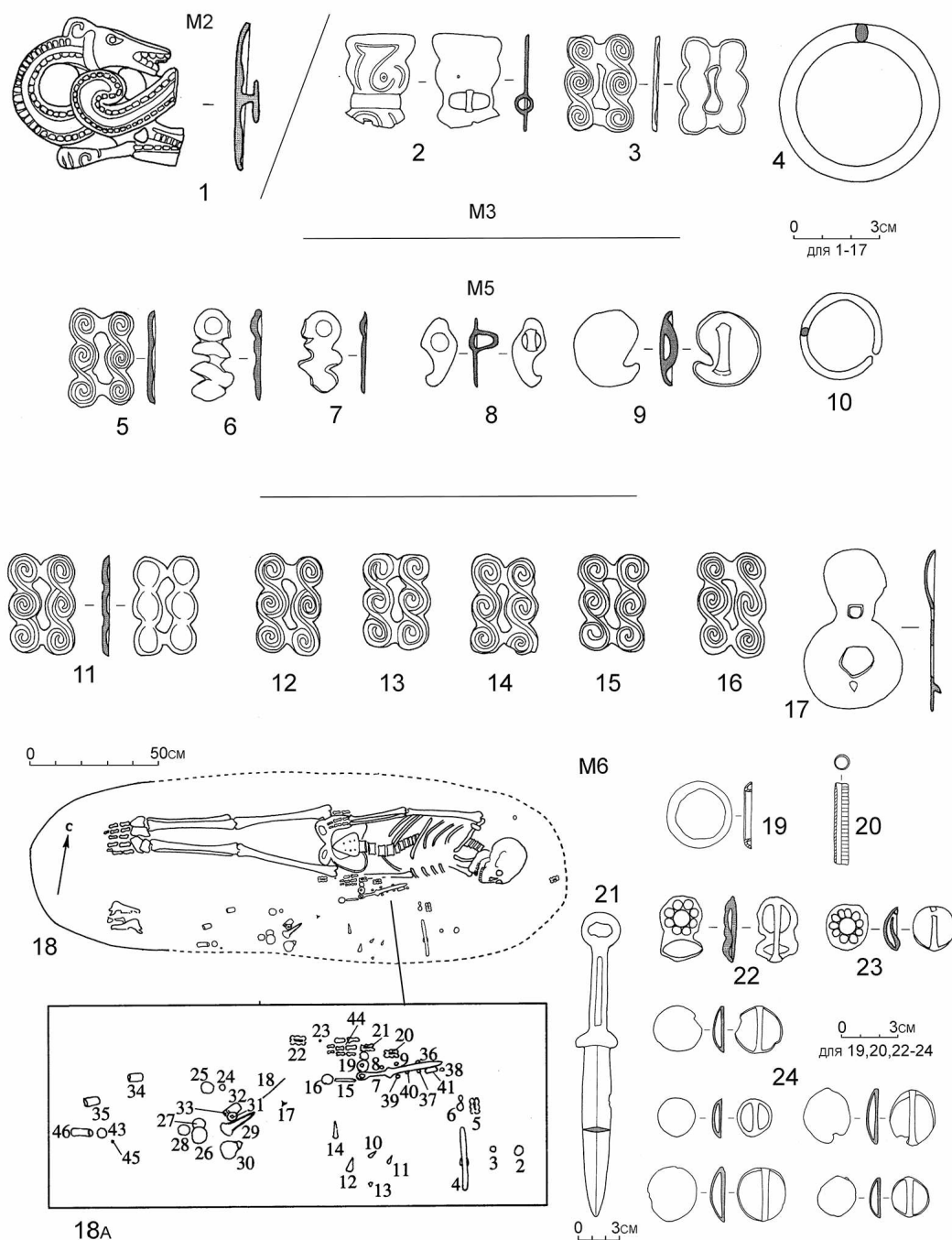
Fig. 2. Wangdahu burial ground, grave M1: 1, 1a — plan and section of the grave; 2, 3 – plans for the location of the sacrificial animals' skulls in layers 1 and 2

Рис. 3. Могильник Вандаху, могила М1: 1–10 – снаряжение колесничных лошадей; 11 – наосник колесницы; 12 – навершие в виде головки хищной птицы; 13 – реконструкция пояса; 14–20 – поясные бляхи и сохранившиеся фрагменты ремня. 1, 2, 10, 12, 14, 15, 17–19 – бронза; 3–9 – кость (рог); 11 – бронза, дерево; 16, 20 – бронза, кожа.

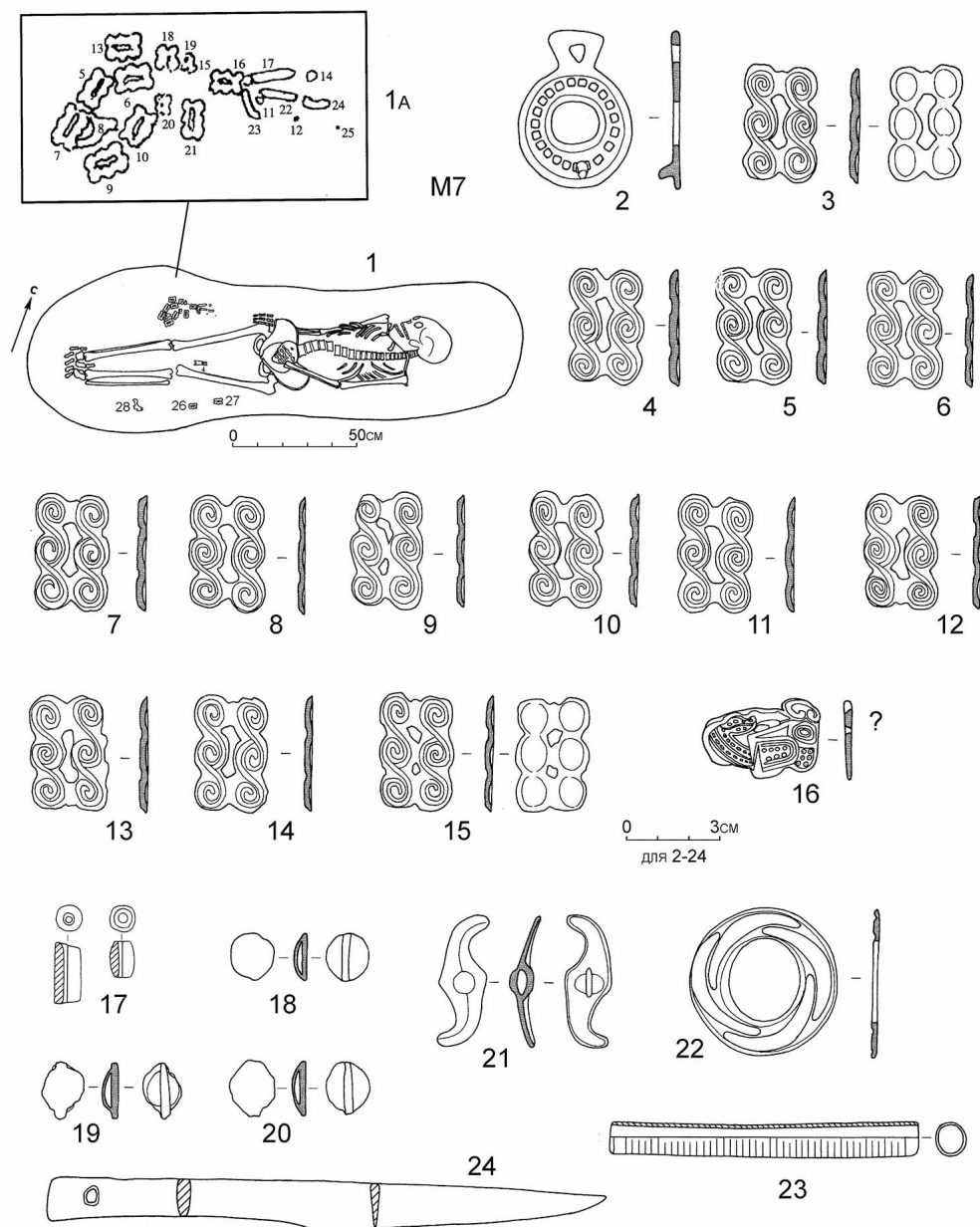
Fig. 3. Wangdahu Burial ground, grave M1: 1–10 – chariot horse equipment, 11 – bronze chariot axle limiter, 12 – predatory bird head end-piece, 13 – belt reconstruction, 14–20 – belt buckles and belt fragments. 1, 2, 10, 12, 14, 15, 17–19 – bronze; 3–9 – bone (horn); 11 – bronze, wood; 16, 20 – bronze, leather.

Рис. 4. Могильник Вандаху: 1 – поясная бляха из M2; 2–4 – поясные бляхи и кольцо из M3; 5–10 – поясные и портупейные детали из M5; 11, 17 – поясные бляшки и пряжка из M6; 18, 18a – план M6; 19–24 – портупейные детали из M6. 1–17, 19–24 – бронза.

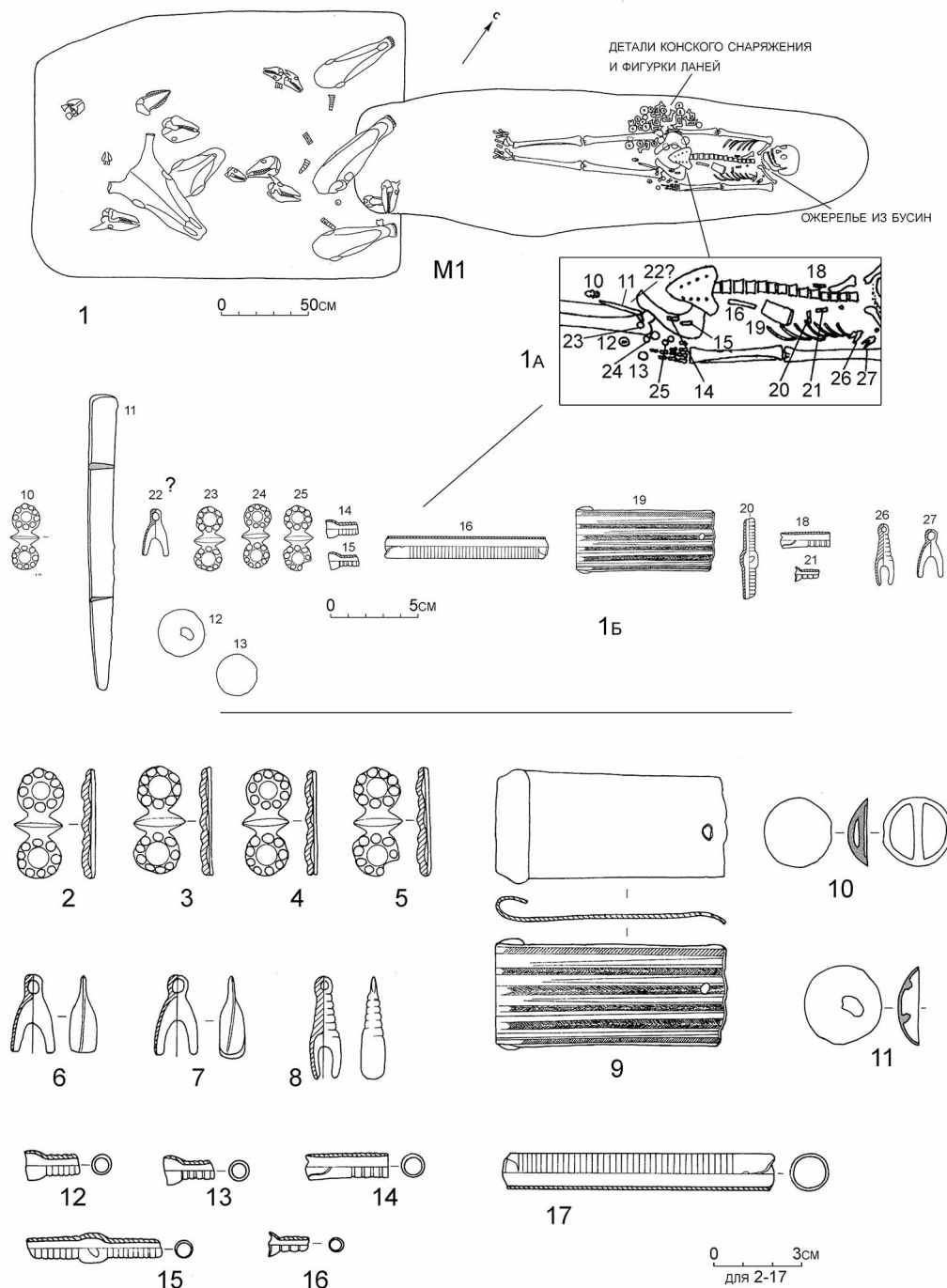
Fig. 4. The Wangdahu Burial Ground: 1 – belt buckle from M2; 2–4 – belt buckles and ring from M3; 5–10 – belt and sword belt parts from M5; 11, 17 – belt buckle and clasp from M6; 18, 18a – lan of M6; 19–24 – sword belt parts from M6. 1–17, 19–24 – bronze

Рис. 5. Могильник Вандаху, могила М7: 1–1а – план могилы М7; 2–15 – поясные пряжка и бляшки; 16 – нашивная бляшка; 17–24 – детали портупейной фурнитуры и нож. 2–16, 18–24 – бронза.

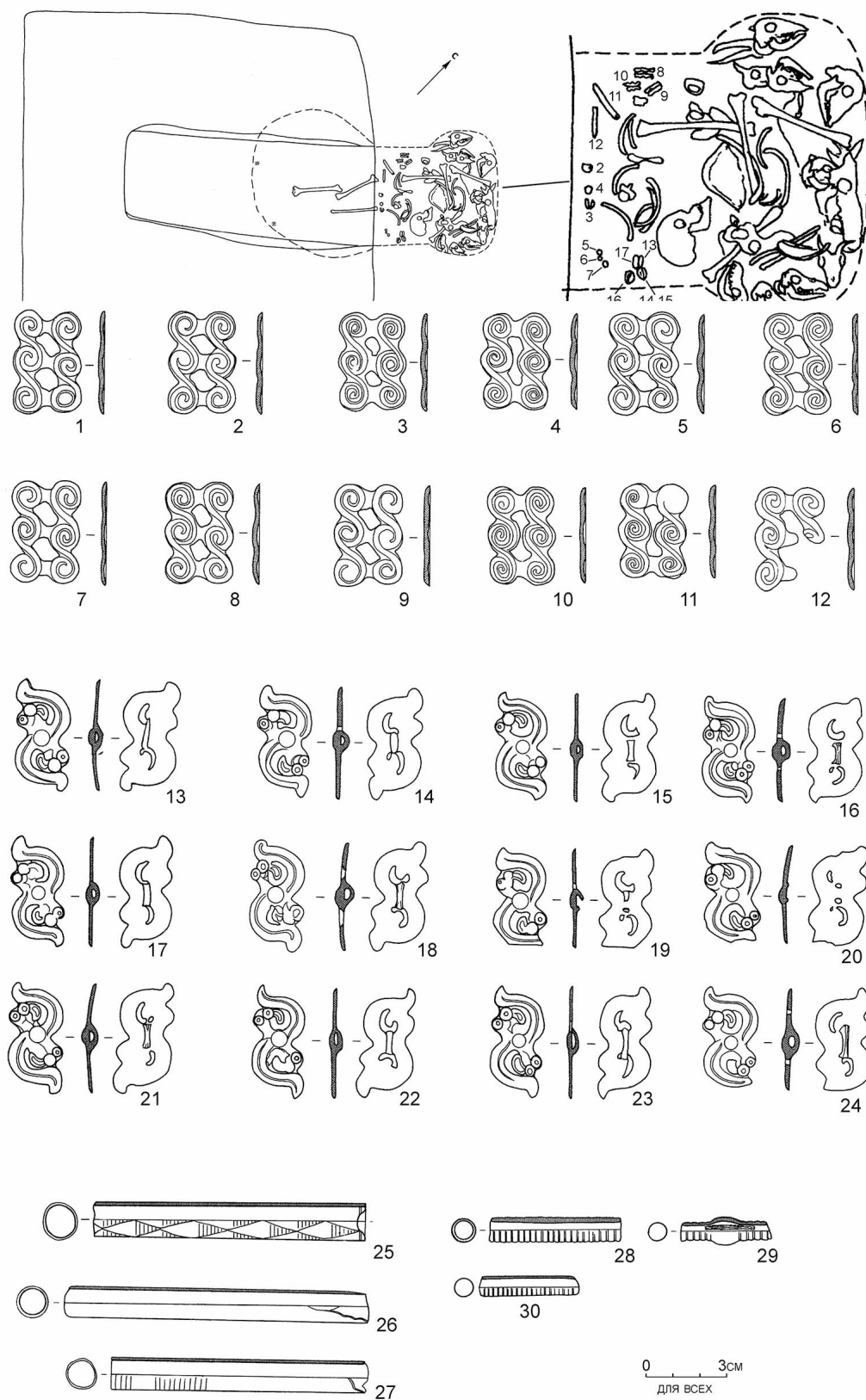
Fig. 5. Wangdahu Burial Ground, Grave M7: 1–1а – grave M7 plan; 2–15 – belt clasp and buckles; 16 – sewing buckle; 17–24 – sword belt details and knife. 2–16, 18–24 – bronze.

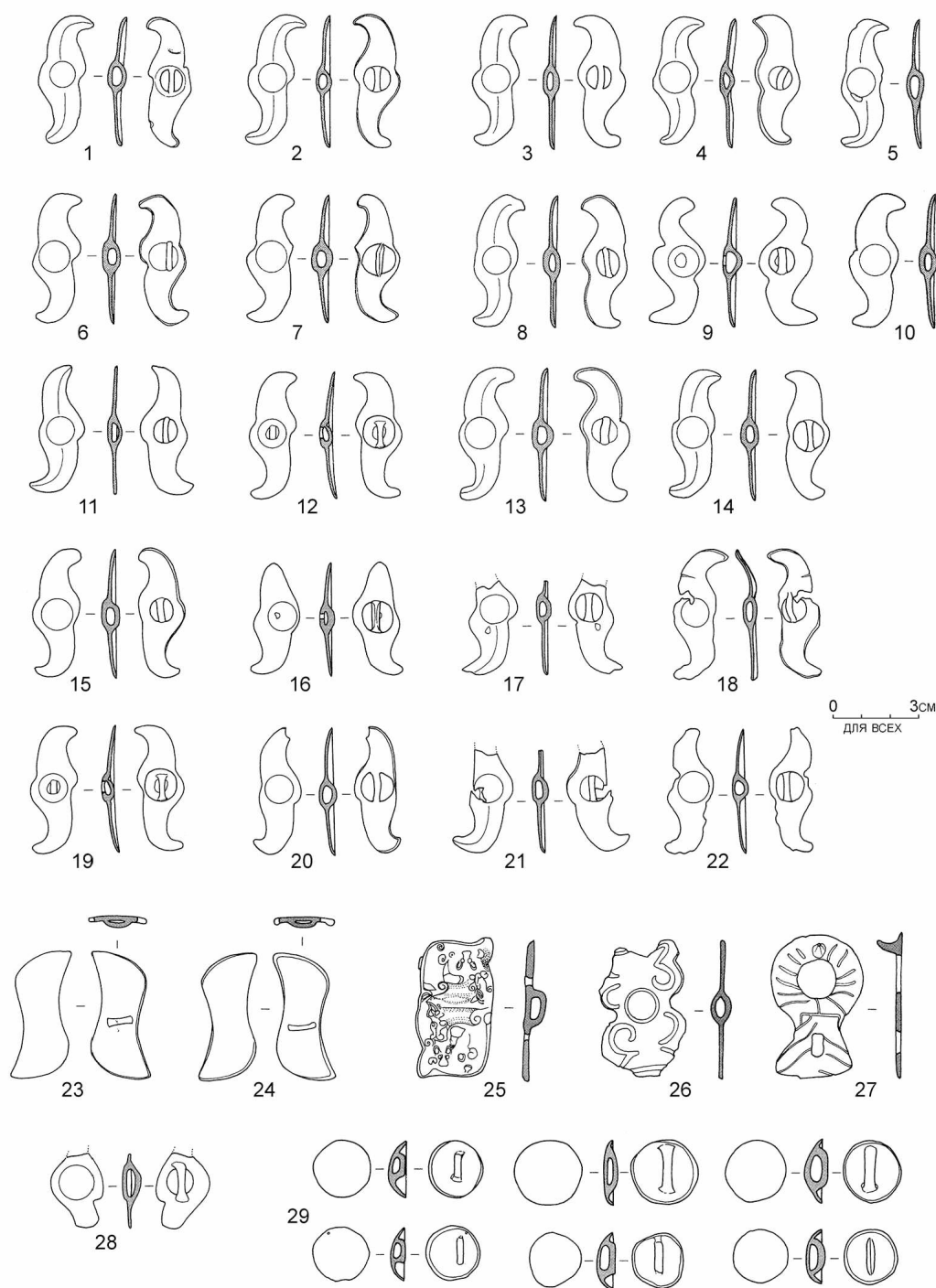
Рис. 6. Могильник Чжунчжуан, могила M1: 1-1a – план могилы M1; 1b – схема расположения поясной и портупейной фурнитуры с ножом на костяке человека; 2-5 – поясные бляшки; 6-8 – подвески; 9-11 – пряжка и пуговицевидные бляшки; 12-17 – рифлёные трубочки. 17-24 – детали портупейной фурнитуры и нож. 2-17 – бронза.

Fig. 6. Zhongzhuang Burial Ground, Grave M1: 1-1a – grave plan M1; 1b – layout of belt and sword belt fittings with knife on human bone; 2-5 – belt buckles; 6-8 – pendants; 9-11 – clasp and button-shaped buckles; 12-17 – corrugated tubes. 17-24 – details of sword belt fittings and knife. 2-17 – bronze.

Рис. 8. Могильник Мигуу. 1–24 – поясные бляшки; 25–30 – трубочки. 1–30 – бронза.

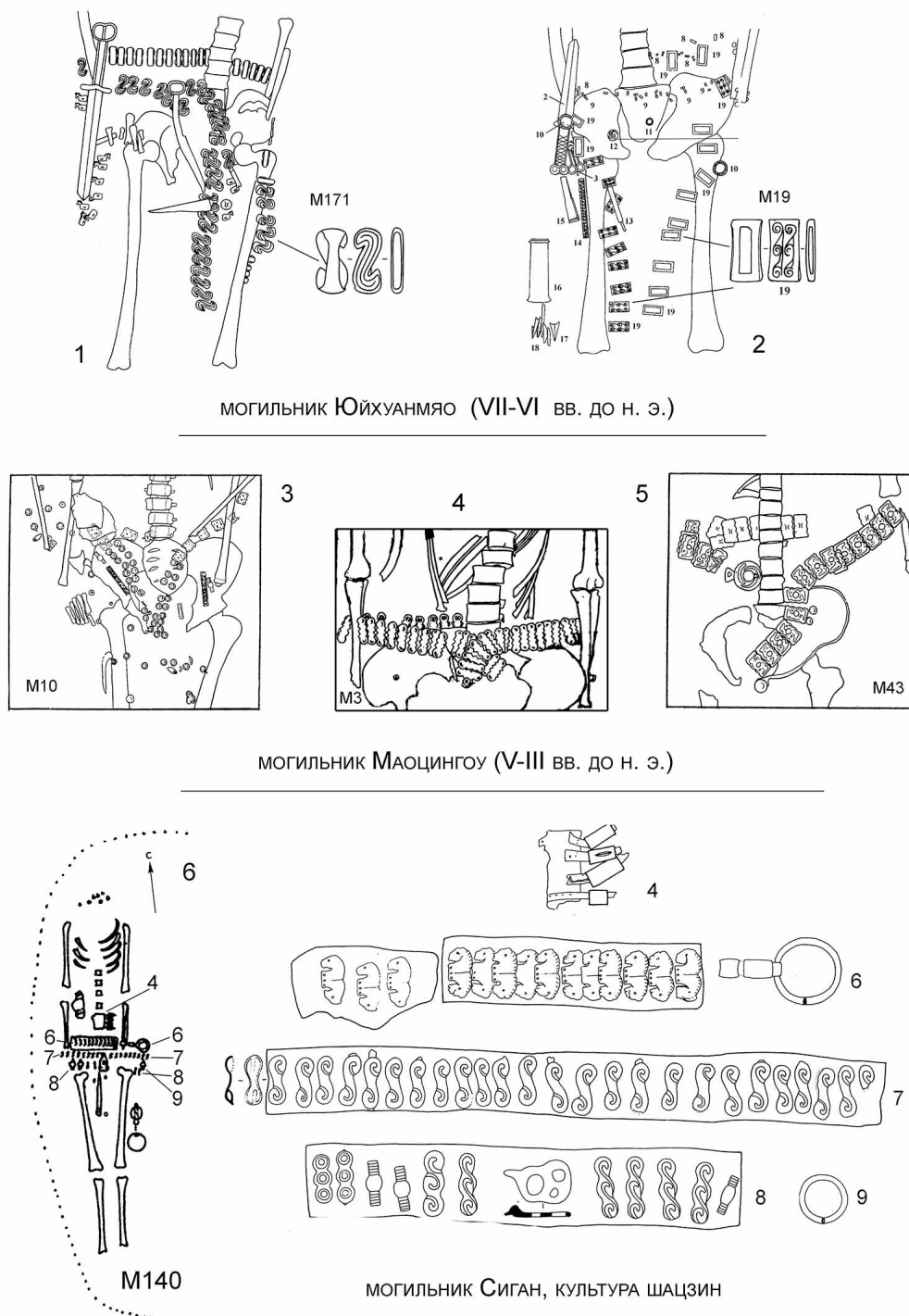
Fig. 8. Migou Burial Ground. 1–24 – belt buckles; 25–30 – tubes. 1–30 – bronze.

Рис. 9. Могильник Мигуу. 1–26, 28 – поясные бляшки; 27 – поясная пряжка; 29 – пуговицевидные бляшки. 1–29 – бронза.

Fig. 9. Migou Burial Ground. 1–26, 28 – belt buckles, 27 – belt clasp, 29 – button-shaped buckles. 1–29 – bronze.

Рис. 10. Захоронения с поясами культур юйхуанмяо (1, 2), маоцингоу (3–5) и шацзин (6).

Fig. 10. Burials with belts (Yuhuangmiao (1, 2), Maoqinggou (3–5) and Shajing (6) cultures).

Литература

Ван Пэн. Взаимодействие культур бронзового и раннего железного века Южной Сибири, Синьцзяна и Северного Китая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 17. №4: Востоковедение. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2018. С. 16–29.

Варёнов А.В. Погребальные памятники скифосакского времени на южном склоне гор Яньшань, в Нинься и Ганьсу // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 10. №4: Востоковедение. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2011. С. 27–35.

Воробьёва С.Л. Поясные накладки с изображением грифона: к вопросу о происхождении и

- времени появления в лесостепи Приуралья // Уфимский археологический вестник. Вып. 10. Уфа: Изд-во «Гилем», 2010. С. 56–63.
- Кан Ин Ук.** Распространение золотой культуры саков и формирование великого шёлкового пути // Золото властелинов Казахских степей. Совместный каталог Республики Корея и Республики Казахстан. Сеул: Национальный научно-исследовательский Институт культурного наследия Республики Корея. 2018. С. 376–417.
- Килуновская М.Е., Фролов Я.В.** Сравнительный анализ поясных украшений скифского времени Барнаульского Приобья и Тувы // Вещь в контексте погребального обряда: Материалы международной научной конференции. М.: РГГУ, 2020. С. 126–138.
- Мацумото К.** Мелкие поясные украшения с «загадочными картинками» в скифо-сибирских культурах // Материалы Международного симпозиума хакасского эпоса, VIII Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий». Абакан: Хакасское книжное издательство им. В.М. Торосова, 2021. С. 16–19.
- Семёнов В.А.** Монгун-Тайга (археологические исследования в Туве 1994–1995 гг.). СПб., 1997. 48 с.
- Шульга П.И.** Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII–VI века до нашей эры). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 304 с.
- Шульга П.И., Шульга Д.П.** Могильник Вандаху культуры янлан в Нинся-Хуэйском автономном районе КНР // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 25. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 649–656.
- Шульга П.И., Шульга Д.П., Гирченко Е.А.** Происхождение скифоидной культуры маоцингоу (Северный Китай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 20. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. С. 321–324.
- Шульга П.И., Гирченко Е.А., Хорват В.** О верховой езде, всадничестве и колесничестве в Северном Китае во II–I тыс. до н.э. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 28. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2022. С. 817–822.
- Pan Ling.** A Study on the Binding Parts of North China Belts during ast Zhou Period // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая: материалы VII Международной. научной конференции в 2 т. Т. 1. Красноярск: Сибирский. Федеральный университет, 2016. С. 333–346. (на кит. яз.)
- Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь.** Могильник Маоцингоу // Бронзы ордосского стиля. Пекин, Вэньу, 1986. С. 227–315. (на кит. яз.)
- Институт археологии и культурного наследия Нинся-Хуэйского АР, Управление по делам культурного наследия уезда Пэнъян.** Вандаху и Цюлуншань – могильники культуры северных бронз (в 2-х т.). Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2016. [= 宁夏文物考古研究所、彭阳县文物管理所·王大户与九龙山—北方青铜文化墓地。北京: 文物出版社] (на кит. яз.).
- У Энь.** Бэйфан цао юань каогусюэ вэньхуа бицзяо яньцзю – цинтун шидай чжи цзаоци сюнну шици [Сравнительные исследования археологических культур северных степей: с эпохи бронзы до периода ранних сюнну]. Пекин: Кэсюэчубаньшэ, 2008. 364 с. [乌恩岳斯图·北方草原考古学文化比较研究-青铜时代至早期匈奴时期] (на кит. яз.)
- Институт археологии и культурного наследия пров. Ганьсу.** Юнчан Сиган Чайваньган: Шацзин вэньхуа муцзан фацзюэ баогао [Сиган и Чайваньган в уезде Юнчан: отчет о раскопках культуры Шацзин. Ланьчжоу]: Ганьсу жэньминь чубаньшэ, 2001. 270 с. [甘肃省文物考古研究所·永昌西岗柴湾岗: 沙井文化墓葬发掘报告] (на кит. яз.)
- Институт археологии и материальной культуры пров. Ганьсу.** Археологические находки западных жунов периода Чжаньго по материалам могильника Мацзяюань [甘肃省文物考古研究所·西戎遗珍马家塬战国墓地出土文物]. Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2014. 247 с.
- Сюй Чэн, Ли Цзиньцзэн, Вэй Чжун, Хань Сяоман, Янь Шичжун.** Нинся Гуюань Янлан вэньхуа муди [Могильник бронзовой культуры Янлан в у. Гуюань, Нинся] // Каогу сюэбао. № 3. 1993. С. 13–56. [许成·李进增·卫忠·韩小忙·延世忠·宁夏固原杨郎青铜文化墓地 // 考古学报] (на кит. яз.)
- Сюй Тяньцзинь, Мэн Юэху, Ли Сятин, Чжан Куй.** Пятый сезон раскопок на Северном кладбище Чжао Цзиньхоу в руинах Тяньма—Цюйцун [天马— 曲村遗址北赵晋侯墓地第五次发掘·北京大学考古学系山西省考古研究所] // Вэнь У. 1995. №7. С. 4-39.
- Чжао Учэн.** Реставрация колесницы в гробнице Мацзяюань эпохи Чжаньго, пров. Ганьсу (продолжение два) // Вэньу. № 6. 2018. 44–57. [甘肃马家塬战国墓马车的复原(续二) // 文物] (на кит. яз.)

Graberkatalog Maoqinggou // Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Graberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei). Materialien zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. Bd. 50 Mainz am Rhein: von Zabern, 1992. 127 c.

Bunker E. C. Ancient bronzes of the Eastern Eurasian Steppes. New York, 1997. 373 c.

Bunker E. C. Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes. New York, 1997.

Yang Jianhua, Katheryn M. Linduff. A Contextual Explanation for “Foreign” or “Steppic” Factors Exhibited in Burials at the Majiayuan Cemetery and the Opening of the Tianshan Mountain Corridor // Asian Archaeology. Vol. 1. Beijing: Research Center for Chinese Frontier Archaeology of Jilin University Science Press Beijing, 2013. C. 73–84.

Xiaolong Wu. Cultural hybridity and social status: elite tombs on China's Northern Frontier during the third century BC // Antiquity. Vol. 87:335. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. C. 121–136.

References

Bunker E. C. Ancient bronzes of the Eastern Eurasian Steppes. New York, 1997a, 373 p. (In English).

Bunker E. C. Nomadic art of the Eastern Eurasian Steppes. New York, 1997b. (In English).

Chzhao Uchen. Restavratsiya kolesnitsy v grobnitse Matszyayuan' epokhi Chzhan'go, prov. Gan'su (prodolzhenie dva) [Restoration of the chariot in the Majiayuan tomb of the Zhanguo Era, the Gansu Province (part 2)]. Wenu, 2018, no. 6, pp. 44–57. (In Chinese).

Graberkatalog Maoqinggou. In: Maoqinggou. Ein eisenzeitliches Graberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei). Materialien zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. Bd. 50 Mainz am Rhein: von Zabern, 1992, 127 p. (In German).

Institut arkheologii i kul'turnogo naslediya Ninsya-Khueyskogo AR. Upravlenie po delam kul'turnogo naslediya uезда Pen'yan. Vandakhu i Tszyulunshan' – mogil'niki kul'tury severnykh bronz (v 2-kh t.) [The Institute of Archaeology and Cultural Heritage of Ningxia Hui Autonomous Region, Department of Cultural Heritage Affairs of the Peng County. Wangdahu and Jiulongshan – burial grounds of Northern Bronze culture (in 2 volumes)]. Beijing, Wenu Chubanshe, 2016. (In Chinese).

Institut arkheologii i kul'turnogo naslediya prov. Gan'su. Sigan i Chayan'gan v uезде Yunchan: otchet o raskopkakh kul'tury Shatszin [The Institute of Archaeology and Cultural Heritage of the

Gansu Province. Shigang and Chaigang in the Yongcheng County: report on the excavations of Shajing culture]. Lanzhou, Gansu Zhenmin Chubanshe, 2010, 270 p. (In Chinese).

Institut arkheologii i material'noi kul'tury prov. Gan'su. Arkheologicheskie nakhodki zapadnykh zhunov perioda Chzhan'go po materialam mogil'nika Matszyayuan' [The Institute of Archaeology and Material Culture of the Gansu Province. Archaeological finds of the Western Zhong of the Zhanguo period based on the materials of Majiayuan burial ground]. Beijing, Wenu Chubanshe, 2014, 247 p. (In Chinese).

Kan In Uk. Rasprostranenie zolotoy kul'tury sakov i formirovanie velikogo shyolkovogo puti [The spread of the the Saks' golden culture and the formation of the Great Silk Road]. In: Gold of the rulers of the Kazakh steppes. Joint catalog of the Republic of Korea and the Republic of Kazakhstan. Seul, National Research Institute for Cultural Heritage of the Republic of Korea, 2018, pp. 376–417. (In Chinese).

Kilunovskaya M.E., Frolov Ya. V. Sravnitel'nyy analiz poyasnykh ukrasheniy skifskogo vremeni Barnaul'skogo Priob'ya i Tuvy [Comparative analysis of belt ornaments of the Scythian period of the Barnaul Ob and Tuva]. In: A thing in the context of the funeral rite: Proceedings of the International Scientific Conference. Moscow, The Russian State University for the Humanities, 2020, pp. 126–138. (In Russian).

Matsumoto K. Melkie poyasnye ukrasheniya s «zagadochnymi kartinkami» v skifo-sibirskikh kul'turakh [Small belt ornaments with “mysterious pictures” in Scythian-Siberian cultures]. In: Proceedings of the International Symposium of Khakass Epic, the 8th International Scientific Conference “Peoples and Cultures of the Sayan-Altai and Bordering Territories”. Abakan, V. M. Torosov Khakass Book Publishing House, 2021, pp. 16–19. (In Russian).

Pan Ling. A Study on the Binding Parts of North China Belts during ast Zhou Period. In: Ancient Cultures of Mongolia, Baikal Siberia, and North China: Proceedings of the 7th International Scientific Conference in 2 volumes. Vol. 1. Krasnoyarsk, Siberian Federal University, 2016, pp. 333–346. (In Chinese).

Semyonov V.A. Mongun-Taiga (arkheologicheskie issledovaniya v Tuve 1994–1995 gg.) [Mongun-Taiga (archaeological research in Tuva 1994–1995)]. Saint Petersburg, 1997, 48 p. (In Russian).

Shulga P.I. Mogil'nik Yuykhuanyao v Severnom Kitae (VII–VI veka do nashey ery) [Yuhuangmiao

- burial ground in North China (the 7th–6th centuries BC)]. Novosibirsk, Publishing House of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2015, 304 p. (In Russian).
- Shulga P.I., Girchenko E.A., Khorvat V.** O verk-hovoy ezde, vsadnichestve i kolesnichestve v Severnom Kitae vo II–I tys. do n.e. [On horseback riding, horsemanship and charioteering in North China in the 2nd–1st millennium BC]. Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories. Vol. 25. Novosibirsk, Publishing House of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2022, pp. 817–822. (In Russian).
- Shulga P.I., Shulga D.P.** Mogil'nik Vandakhu kul'tury yanlan v Ninsya-Khueyskom avtonomnom raione KNR [Wangdahu burial ground of Yanglang culture in the Ningxia-Hui Autonomous Region of China]. Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories. Vol. 25. Novosibirsk, Publishing House of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2019, pp. 649–656. (In Russian).
- Shulga P.I., Shulga D.P., Girchenko E.A.** Proiskhozhdenie skifoidnoy kul'tury maotsingou (Severnyi Kitai) [Origin of Scythoid culture of Maoqingou (North China)]. Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories. Vol. 25. Novosibirsk, Publishing House of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2014, pp. 321–324. (In Russian).
- Syuy Chen, Li Tszintszen, Vey Chzhun, Han Syaoman, Yan Shichzhun.** Mogil'nik bronzovoy kul'tury Yanlan v u. Guyuan', Ninsya [Yanglang bronze culture burial ground in the Guyuan County, Ningxia]. Kaogu Syuebao, 1993, no. 3, pp. 13–56. (In Chinese).
- Tyan Guantszin, Go Susin.** Mogil'nik Maotsingou [The Maoqingou burial ground]. In: Bronzes of the Ordos style. Beijing, Wenu, 1986, pp. 227–315. (In Chinese).
- U En.** Sravnitel'nye issledovaniya arkheologicheskikh kul'tur severnykh stepey: s epokhi bronzy do perioda rannikh syunnu [Comparative studies of archaeological cultures of the Northern Steppes: from the Bronze Age to the period of the early Hsiung-nu]. Beijing, Kesuyuechubanshe, 2008, 364 p. (In Chinese).
- Varyonov A.V.** Pogrebal'nye pamyatniki skifo-sakskogo vremeni na yuzhnom sklone gor Yash'shan', v Nin'sya i Gan'su [Funerary sites of the Scythian-Saka period on the southern slope of the Yanshan Mountains in Ningxia and Gansu]. Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology. Vol. 10, no. 4: Oriental Studies. Novosibirsk, Publishing House of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2011, pp. 27–35. (In Russian).
- Vorobyova S.L.** Poyasnye nakladki s izobrazheniem grifona: k voprosu o proiskhozhdenii i vremeni poyavleniya v lesostepi Priural'ya [Belt pads with the image of a griffin: to the question of the origin and time of appearance in the forest-steppe of the Urals]. Ufa Archaeological Bulletin. Vol. 10. Ufa, "Gilem" Publishing House, 2010, pp. 56–63. (In Russian).
- Wang Peng.** Vzaimodeystvie kul'tur bronzovogo i rannego zheleznogo veka Yuzhnoy Sibiri, Sin'tszyana i Severnogo Kitaya [Interaction of the Bronze and Early Iron Age cultures of South Siberia, Xinjiang, and North China]. Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology. Vol. 17, no. 4: Oriental Studies. Novosibirsk, Publishing House of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2018, pp. 16–29. (In Russian).
- Xiaolong Wu.** Cultural hybridity and social status: elite tombs on China's Northern Frontier during the third century BC. Antiquity. Vol. 87:335. Cambridge, Cambridge University Press, 2013, pp. 121–136. (In English).
- Yang Jianhua, Katheryn M. Linduff.** A Contextual Explanation for "Foreign" or "Steppic" Factors Exhibited in Burials at the Majiayuan Cemetery and the Opening of the Tianshan Mountain Corridor. Asian Archaeology. Vol. 1. Beijing, The Research Center for Chinese Frontier Archaeology of Jilin University Science Press Beijing, 2013, pp. 73–84. (In English).

ИНТОНАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ АЛТАЙСКОГО ВОПРОСИТЕЛЬНОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ СО СЛОВОМ *КАНЧА* 'СКОЛЬКО'

А.А. Добрынина

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; email: dobrinina@philology.nsc.ru; ORCID: 0000-0001-8616-4652

Современное состояние сибирских тюркских языков характеризуется активными изменениями на всех языковых уровнях. Фиксация и исследование этих процессов являются очень важным и своевременным для тюркологии как в теоретическом, так и в практическом отношении. Не являются исключением и фонетические уровни языков, исследование которых при помощи новых методов и методик способно выявить направления движения активных процессов и дать возможность ученым построить для них предсказательные модели. В данной статье отражены результаты применения на материале вопросительных предложений южного диалекта алтайского языка (алтай-кижи) комплексной методики экспериментально-фонетического исследования, а также субъективных методов: аудиовизуальных наблюдений автора и показаний дикторов. Вопросительные высказывания направлены на получение от участников ситуации сведений, в которых нуждается говорящий. Как коммуникативная единица вопрос направлен на побуждение собеседника дать новую информацию или уточнить отдельные детали. Основными способами выражения вопросительности в алтайском языке, как и в других тюркских языках, являются лексико-грамматический, морфологический, интонационный. Интонация в алтайском контексте является важным просодическим средством синтаксической маркировки каждого типа предложения. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что интонационное оформление вопросов, продиктованных вопросительным словом *канча*, зависит от позиции в высказывании. Интонационный контур рассмотренных вопросов характеризуется как нисходяще-восходящий. В интонационном оформлении высказываний с вопросительным словом наблюдается большая вариативность.

Ключевые слова: алтайский язык, экспериментальная фонетика, интонационный контур, движение тона, PRAAT.

THE INTONATIONAL ANALYSIS OF ALTAIC INTERROGATIVE SENTENCES WITH THE WORD *KANCHA* 'HOW MANY/MUCH'

Albina A. Dobrynina

The Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia; email: dobrinina@philology.nsc.ru; ORCID: 0000-0001-8616-4652

The current state of the Siberian Turkic languages is characterized by active changes at all language levels. Registration and study of these processes are very important and timely for Turkology both in theoretical and practical terms. Phonetic levels of languages are no exception, the study of which with the help of new methods and techniques makes it possible to identify the directions of movement of active processes and enables scientists to build predictive models for them. This article reflects the results of using the material of interrogative sentences of the southern dialect of the Altaic language (Altai-Kizhi) complex methods of experimental phonetic research, as well as subjective methods: audiovisual observations of the author and the testimony of speakers. Interrogative sentences are aimed at obtaining from participants of a situation the information that a speaker needs. As a communicative unit, the question is aimed at encouraging the interlocutor to give new information or clarify certain details. The main ways of expressing interrogativeness in the Altaic language, as in other Turkic languages, are lexico-grammatical, morphological, intonational. Intonation in the Altaic context is an important prosodic means of syntactic marking of each type of

sentence. The conducted research allows us to conclude that the intonation of questions, dictated by the interrogative word *kancha*, depends on the position in an utterance. The intonation contour of the considered issues is characterized as descending-ascending. There is a great variability in intonation of an utterance with the question word.

Keywords: Altaic language, suprasegmental phonetics, intonation contour, tone movement, PRAAT.

Введение

Сегодня в сибирских тюркских языках с различной интенсивностью происходят изменения на всех их уровнях. Эти активные языковые процессы требуют новых методов исследования, применение которых позволяет выявить новые факты и явления на собственно фонетическом уровне, а также стимулирует развитие фонетической науки.

Любая речевая ситуация функционально связана с интонационной стороной оформления высказывания. Каждый язык имеет свою особую, характерную для него, интонацию, заметно отличающуюся от интонации других языков.

Под интонацией мы понимаем совокупность просодических характеристик высказывания, таких как тон, интенсивность, длительность, темп и паузы, ритм и тембр, служащие на уровне высказывания для выражения различных синтаксических значений и категорий, а также экспрессивных коннотаций. Так, интонационная система представляет собой сложнейшую комбинацию различных просодических средств: тональных, количественно-динамических, артикуляционных и фонационных.

Автором предпринимается попытка описать интонационную структуру вопросительных высказываний в алтайском языке с использованием субъективных и объективных методов экспериментальной фонетики. Интонация алтайского языка ранее не была объектом специального системного исследования. Существуют только отдельные исследования просодического аспекта алтайского языка и его диалектов [Баданова, 2011; Герцог, 1985, 1988; Чумакаева, 1989; Шестера, 2014, 2020 и др.].

В статьях, посвящённых модальным вопросительным высказываниям алтай-кижи [Рыжикова и др., 2020] и оформлению диктальных вопросов [Добрынина, 2022], было

показано, что интонация является в алтайском языке основным способом выражения вопросительности. Интонационный контур высказывания меняется в зависимости от наличия в его структуре маркера вопросительности и его позиции. Было выявлено три типа интонационных конструкций: с восходящим движением тона на протяжении всего высказывания при отсутствии вопросительной частицы; с подъёмом тона в конце высказывания на вопросительной частице *ба*; с восходяще-нисходящим тоном с максимумом на вопросительной частице, если есть финальное уточняющее слово.

Материалы и методика

Для исследования были сделаны записи по предварительно составленной программе от шести дикторов-женщин, которые свободно владеют южным диалектом алтайского языка (алтай-кижи) и проживают в Усть-Канском районе Республики Алтай. Алтайский язык для всех дикторов является родным. Они в совершенстве владеют орфоэпически правильным произношением, не имеют органических и функциональных дефектов произношения, им от 20 до 50 лет.

Запись производилась на диктофон Zoom H4n, в дальнейшем звуковые файлы в формате wav были сегментированы с помощью программы Audacity и обработаны в компьютерной программе для анализа речи PRAAT.

В работе применена комплексная методика экспериментально-фонетического исследования, а также субъективные методы: аудиовизуальные наблюдения автора и показания дикторов.

Для исследования выбраны собственно-вопросительные высказывания с местоимением *канча* 'сколько'.

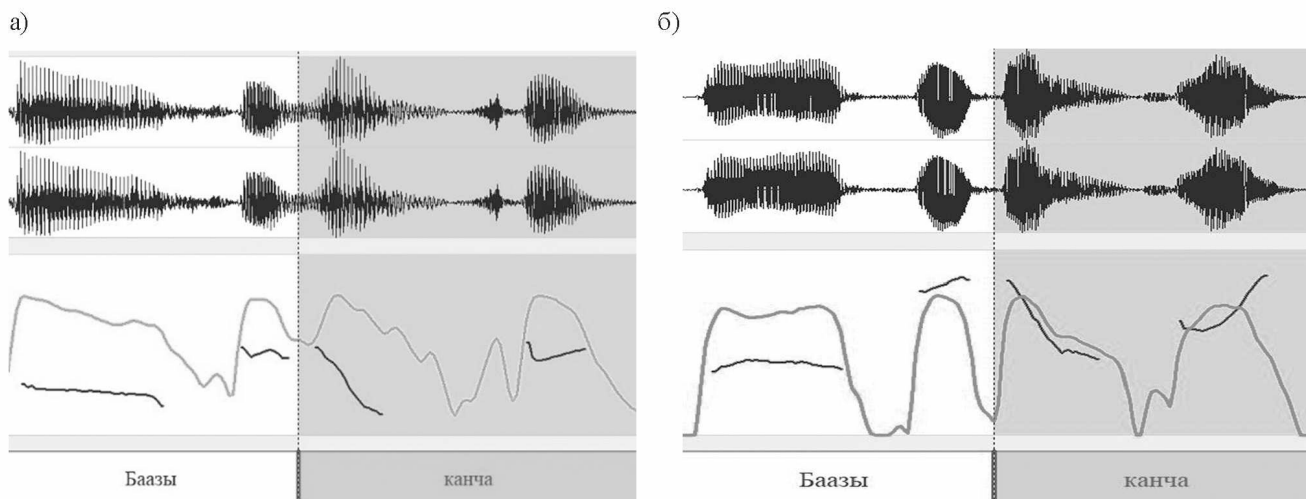
Иллюстративный материал приводится на примере двух дикторов, произносящих одно-, двух-, трёхсложные фразы.

Обсуждение

На рисунке 1 представлены спектрограмма и интонограмма алтайской фразы *Баазы канча?* ‘Сколько стоит?’. В данном высказывании пик частоты основного тона и пик интенсивности приходится на первый слог

вопросительного слова *канча*. Высказывание характеризуется высоким началом основного тона. На интонограмме видно, что мелодическая структура высказывания реализуется в виде восходяще-нисходяще-восходяще-нисходящего контура.

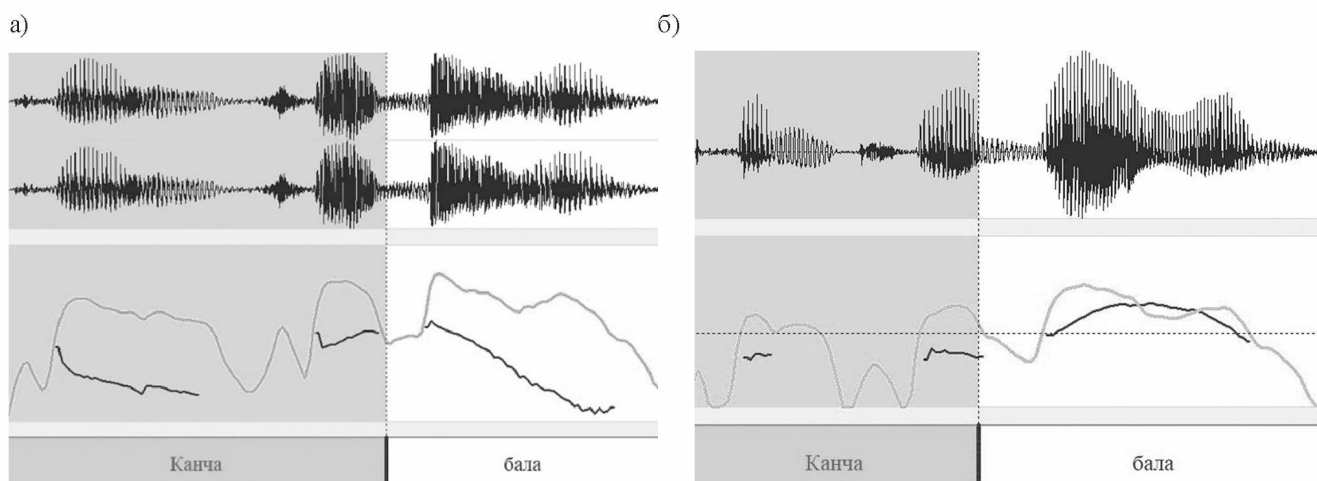

Рис. 1. Интонограмма вопросительного высказывания Баазы канча? ‘Сколько стоит?’.

Fig. 1. Intonogram of the one-component sentence Baazy kancha? ‘How much? / What is the price?’.

Высказывание *Канча бала?* ‘Сколько детей?’, представленное на рисунке 2, характеризуется нисходяще-восходяще-нисходящим

контуром. Пик интенсивности – на гласном второго слога местоимения *канча*.

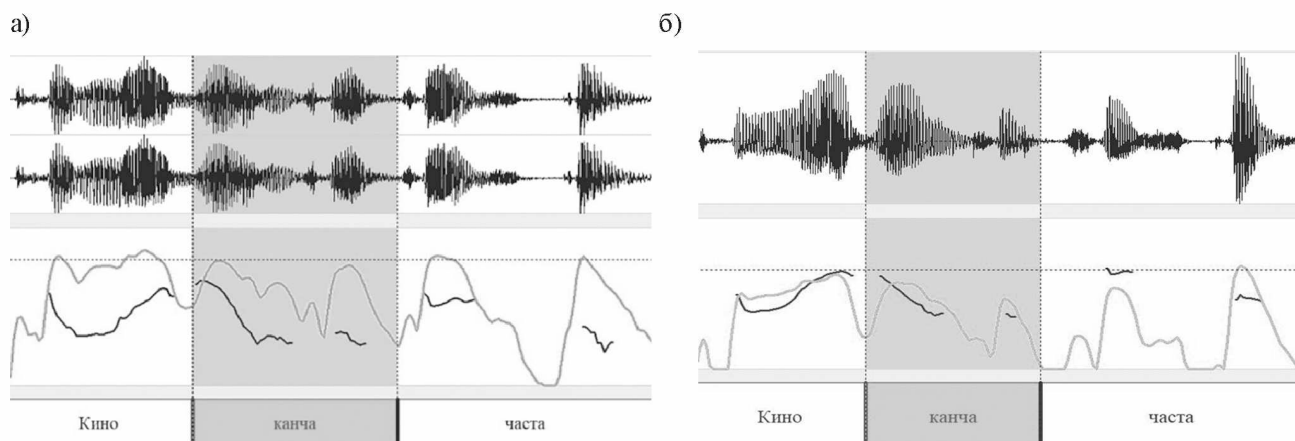

Рис. 2. Интонограмма вопросительного высказывания Канча бала? ‘Сколько детей?’.

Fig. 2. Intonogram of the one-component sentence Kancha bala? ‘How many children?’.

Высказывание, в котором вопросительное слово расположено в центре фразы (рис. 3), имеет нисходяще-восходяще-нисходяще-восходящий контур, начинающийся с высокого уровня тона. Само местоимение *канча* произ-

носится с деklinацией. Максимум интенсивности отмечается на слове *кино*.

Рис. 3. Интонограмма вопросительного высказывания *Кино канча часта?* 'Кино во сколько?'

Fig. 3. Intonogram of the one-component sentence *Kino kancha chasta?* 'What time is the movie?'

Выводы

В ходе перцептивного эксперимента было выявлено, что интонация высказываний с вопросительным словом *канча* 'сколько' характеризуется нисходяще-восходящим мелодическим контуром.

Интересны основанные на слуховых и соматических наблюдениях хакасского языка выводы К. Н. Бурнаковой, являющиеся релевантными и для интонации алтайского языка: «вопросительные слова и вопросительные частицы являются узловыми отрезками предложения, в которых реализуется идея вопроса, и в связи с этим они оказывают определяющее воздействие на характер реализации таких основных ритмомелодических показателей, как частота основного тона, интенсивность, длительность и темп» [Бурнакова, 1981, с. 151].

Разумеется, многое в наших предположениях нуждается в дальнейшем исследовании как в экспериментальном плане, так и в теоретическом.

Литература

- Баданова Т. А. Словесное ударение в алтайском языке в сопоставительном аспекте. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2011. 316 с.
- Бурнакова К. Н. Ритмомелодика вопросительных предложений качинского диалекта хакасского языка // Экспериментально-фонетические исследования сибирских языков. Новосибирск, 1981. С. 149–168.

Герцог О. Ф. Ритмомелодика вопросительных предложений теленгитского диалекта алтайского языка // Фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1985. С. 131–142.

Герцог О. Ф. Ритмомелодика простого предложения теленгитского диалекта алтайского языка (экспериментально-фонетическое исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1988. 19 с.

Добрынина А. А. Интонационное оформление диктальных вопросов со словом *кем* 'кто' в алтайском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (вып. 44). С. 78–84.

Рыжикова Т. Р., Добрынина А. А., Плотников И. М., Шестера Е. А., Шамрин А. С. Интонация модальных вопросительных высказываний в алтайском языке (на материале фольклора алтай-кижи) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 2. С. 149–165.

Чумакаева М. Ч. К вопросу об алтайском ударении // Звуковые системы сибирских языков. Новосибирск, 1989. С. 81–85.

Шестера Е. А. Интонация вопросительных высказываний телеутского языка (в сопоставительном аспекте) // Сибирский филологический журнал. 2014. № 1. С. 231–242.

Шестера Е. А., Рыжикова Т. Р., Добрынина А. А., Плотников И. М., Шамрин А. С. Интонация повествовательных высказываний алтайского языка (на материале фольклора) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. Вып. № 4 (30). С. 83–95. DOI: 10.23951/2307-6119-2020-4-83-95.

References

- Badanova T.A.** Slovesnoe udarenie v altayskom yazyke v sopostavitel'nom aspekte [Word accent in the Altaic language in the comparative aspect]. Novosibirsk, Editorial and Publishing Center of Novosibirsk State University, 2011, 316 p. (In Russian).
- Burnakova K.N.** Ritmomelodika voprositel'nykh predlozhenij kachinskogo dialekta hakasskogo yazyka [Rhythm-melodics of interrogative sentences of the Kachin dialect of the Khakass language]. In: *Experimental Phonetic Studies of Siberian Languages*. Novosibirsk, 1981, pp. 149–168. (In Russian).
- Chumakaeva M.Ch.** K voprosu ob altayskom udarenii [To the question of the Altaic accent]. In: *Sound Systems of Siberian Languages*. Novosibirsk, 1989, pp. 81–85. (In Russian).
- Dobrinina A.A.** Intonatsionnoe oformlenie diktal'nykh voprosov so slovom kem 'kto' v altaiskom yazyke [Intonation of dictum questions with the interrogative word kem in the Altaic language]. *Languages and Folklore of Siberian Indigenous Peoples*, 2022, no. 2, issue 44, pp. 78–84. (In Russian).
- Gertsog O.F.** Ritmomelodika voprositel'nykh predlozhenij telengitskogo dialekta altayskogo yazyka [Rhythm-melodic of interrogative sentences in the Telengit dialect of the Altaic language]. In: *Phonetics of Siberian Languages*. Novosibirsk, 1985, pp. 130–142. (In Russian).
- Gertsog O.F.** Ritmomelodika prostogo predlozheniya telengitskogo dialekta altajskogo yazyka (eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie) [Rhythm-melodics of a simple sentence of the Telengit dialect of the Altaic language (experimental-phonetic study)]. The author's summary of the thesis for the degree of Candidate of Philological Sciences. Alma-Ata, 1988, 19 p. (In Russian).
- Ryzhikova T.R., Dobrinina A.A., Plotnikov I.M., Shestera E.A., Shamrin A.S.** Intonatsiya modal'nykh voprositel'nykh vyskazyvaniy v altayskom yazyke (na materiale fol'klora altay-kizhi) [Intonation of modal interrogative sentences in the Altaic language (on the Altai-Kizhi folklore material)]. *Siberian Journal of Philology*, 2020, no 2, pp. 149–165. (In Russian).
- Shestera E.A.** Teleutskii yazyk: intonatsiya povestvovatel'nykh i voprositel'nykh vyskazyvaniy [The Teleut language: melody of utterances]. *Issues of Linguistics*, 2014, no. 2, pp. 61–75. (In Russian).
- Shestera E.A., Ryzhikova T.R., Dobrinina A.A., Plotnikov I.M., Shamrin A.S.** Intonatsiya povestvovatel'nykh vyskazyvaniy altaiskogo yazyka (na materiale fol'klora) [Intonation of narrative utterances of the Altaic language (based on the material of folklore)]. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2020, no. 4 (30), pp. 83–95. (In Russian).

МЕТОДИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА ВНЕУРОЧНОГО ЗАНЯТИЯ ПО ТУВИНСКОМУ ЯЗЫКУ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДИКИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ВЕБ-КВЕСТА

А. Б. Хертек¹, Ш. В. Чолдак-оол²

¹Тувинский государственный университет, ул. Ленина, 36, г. Кызыл, 667000, Россия; email: khertek-ab@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-0896-8468

²Центр развития тувинской традиционной культуры и ремесел, ул. Ленина, 7, г. Кызыл, 667000, Россия; email: saryglar.shonchalay@mail.ru

В условиях быстроменяющегося мира, развития высоких технологий и глобализации все более востребован креативный учитель, способный качественно реализовывать поставленные перед школой задачи государственной образовательной политики. Для выполнения социального заказа современный педагог должен быть не только дипломированным специалистом, отлично владеющим своей профессией, но и быть человеком, шагающим в ногу со временем и говорящим на «одном языке» со своими учениками. Учитель должен быть в курсе последних разработок в сфере цифровых технологий, быть знаком с отечественным и зарубежным педагогическим опытом, владеть знаниями о психологии современных детей, уметь выбирать увлекающий внимание учащихся дидактический материал, применять самые эффективные инновационные педагогические технологии, он должен стать открытием для детей, вызывать в них живой интерес и, самое главное, – доверие. В данной статье рассматривается возможность применения в учебно-воспитательной практике метода веб-квеста как элемента геймификации, используемой для достижения активной вовлеченности учащихся в учебный процесс и качественных результатов обучения и воспитания. Кроме того, образовательный веб-квест презентован как наиболее актуальный формат проблемного обучения, направленный на формирование интереса к изучаемому предмету. Представлена методическая разработка внеурочного занятия по тувинскому языку по теме «Топонимы» для учащихся 6-х классов с использованием образовательного веб-квеста. Материалом исследования для учащихся были выбраны региональные топонимы, мотивом номинации которых выступили объекты нематериального культурного наследия тувинского народа (конкретно – легенды, мифы, сказки) как способ изучения духовной культуры народа, развития языковой личности и формирования культурологической компетенции.

Ключевые слова: разработка урока, квест-технологии, образовательный квест, критическое мышление, педагогические технологии, геймификация.

METHODOLOGICAL DEVELOPMENT OF AN EXTRA-COURSE LESSON IN THE TUVAN LANGUAGE USING THE EDUCATIONAL WEB-QUEST TECHNOLOGY

Arzhaana B. Khertek¹, Shonchalay V. Choldak-ool²

¹Tuva State University, 36 Lenin Str., Kyzyl, 667000, Russia; email: khertek-ab@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-1111-2222

²The Center for the Development of Tuvan Traditional Culture and Crafts, 7 Lenin Str., Kyzyl, 667000, Russia; email: saryglar.shonchalay@mail.ru

In the conditions of a rapidly changing world, the development of high technologies and globalization, a creative teacher, who is able to qualitatively implement the tasks of the state educational policy set for a school, is increasingly in demand. To fulfill a social order, a modern teacher must not only be a certified specialist who knows his profession perfectly, but also be a person who keeps up with the times and speaks the “same language” with his students, that is, he must be aware of the latest developments in the field of digital technologies, be familiar with domestic and foreign pedagogical experience, possess knowledge about the psychology of modern children, be able to choose didactic material that attracts the attention of students, apply the most effective innovative pedagogical technologies, it should become a discovery for children, arouse their keen interest. This article discusses the possibility of using the web-quest method in educational practice as an element of gamification used to achieve active involvement of students in the educational process and qualitative results of training and education. In addition, the educational web-quest was presented as the most relevant format of problem-based learning aimed at generating interest in the subject being

studied. In addition, the methodological development of an extra-course lesson in the Tuvan language on the topic "Toponyms" for the 6th grade students using an educational web-quest is presented. Regional toponyms were chosen as the research material for the students, the nomination motive of which was objects of the Tuvan people's intangible cultural heritage (specifically legends, myths, fairy tales) as a way of studying the spiritual culture of the people, the development of linguistic personality and the formation of cultural competence.

Keywords: lesson development, quest technologies, educational quest, critical thinking, pedagogical technologies, gamification.

Введение

Несмотря на выверенный временем педагогический опыт прошлых поколений, сегодня сложно по-настоящему вовлечь ученика в процесс обучения и сконцентрировать его внимание на теме урока при помощи традиционных технологий обучения. Основными факторами возникновения обозначенных проблем являются тенденции, характеризующие образование современного общества, – это цифровые технологии и, как следствие, цифровая экономика, а также уникальное цифровое поколение, подверженное «цифровой беспризорности» [Блинов, 2020, с. 22]. Кандидат филологических наук ГГТУ, много лет проработавшая в системе образования сначала в качестве учителя русского языка в школе, а затем готовившая педагогические кадры для средних общеобразовательных школ и вузов, Т.А. Колоскова пишет, что сегодняшнего ученика достаточно тяжело мотивировать к познавательной деятельности в условиях необъятного информационного пространства современности. Безусловно, причина этого может корениться в дефиците развития мышления, в основном критического [Колоскова, 2021, с. 14]. Перед учителем стоит задача максимально точно выбрать и применить педагогические технологии, чтобы установленные Стандартом результаты освоения обучающимися основной образовательной программы основного общего образования стали реальностью. К таким методам, отвечающим требованиям ФГОС РФ, можно смело отнести веб-квесты, которые в зарубежных странах, где собственно они и зародились, прочно вошли в практику образовательных учреждений.

В 1995 году профессором образовательных технологий университета Сан-Диего Берни Доджем в образовательных целях впервые был разработан и применен веб-квест. В последу-

ющие годы концепция веб-квеста была развита стараниями многих ученых в различных аспектах, начиная от когнитивной психологии до социологии. Рассмотрим понятие «веб-квест» подробнее. Слово *веб-квест* сегодня используется в самых разных сферах жизни, а его смысл напрямую зависит от контекста, но абсолютно все интерпретации понятия «веб-квест» объединяет одно значение – поиск чего-либо. Популярный онлайн-переводчик Яндекс (<https://translate.yandex.ru/>) представляет нам его как состоящее из двух частей: *web* и *quest*, где *web* с английского языка переводится как 'сеть, интернет, паутина' и означает «интернет-пространство», а *quest* – 'поиск', т.е. означает «целенаправленный поиск чего-либо». В контексте образовательного процесса веб-квест следует понимать, как применение интернет-источников для более эффективного достижения учебных целей.

Исследованиям практической ценности образовательного веб-квеста в сфере российского образования посвящены работы Е. И. Багузиной, Е. А. Игумновой, И. В. Радецкой, Т. Ю. Гречушниковой, Е. В. Спириной, Е. М. Шульгиной, Е. В. Анисимовой, А. И. Азевич и др. [Багузина, 2012; Игумнова, 2016; Гречушникова, 2021; Шульгина, 2014; Анисимова, 2021; Азевич, 2021]. Исследователи по-разному определяют смысл «веб-квеста», но сходятся во мнении, что он содержит учебную задачу проблемного характера с элементами геймификации, требующую активной деятельности по ее решению с обязательным использованием сети Интернет. Отмечается, что веб-квесты очень эффективны в решении поставленных педагогических задач и имеют огромный дидактический потенциал. По сути, образовательный квест представляет из себя игру, успешно интегрированную в педагогический процесс.

Веб-квестом называется специальным образом организованный вид самостоятельной исследовательской деятельности, для выполнения которой учащиеся осуществляют поиск информации в сети Интернет по указанным адресам (ссылкам). Они создаются для того, чтобы рационально использовать время самостоятельной работы учащихся, быстро найти необходимую разнообразную информацию, использовать полученную информацию в практических целях и развития навыков критического мышления, анализа, синтеза и оценки информации [Дроботенко, 2006, с. 13].

В научной литературе по педагогике даются разные определения веб-квеста. По мнению М. А. Мосиной, «использование данной технологии делает учащегося самостоятельным, приспособленным к жизни, умеющим ориентироваться в разнообразных ситуациях, способствует развитию познавательных, творческих навыков учащихся, умений самостоятельно конструировать свои знания, умения ориентироваться в информационном пространстве; развитию критического мышления, навыков информационной деятельности» [Мосина, 2019, с. 116].

Л. Г. Жук в ходе экспериментального исследования доказала эффективность интернет-технологий, которые, в свою очередь, подразумевают и использование технологии веб-квеста в организации самостоятельной исследовательской работы учащихся [Жук, 2006, с. 18].

Е. И. Багузина пишет, что «веб-квест в педагогике – это проблемное задание с элементами ролевой игры, для выполнения которого используются информационные ресурсы Интернета. В процессе творческой работы учащиеся получают не «готовые к употреблению» знания, а сами вовлечены в поисковую деятельность» [Багузина, 2012, с. 15].

Выделяются такие преимущества веб-квеста, как «творческий характер выполнения заданий, с одной стороны, в атмосфере сотрудничества и чувства своей ответственности за успех общего дела, а с другой, в духе соревнования, желания быть лучше соперника и высокой мотивации к успеху с реальными,

наглядными и осязаемыми плодами собственного труда. Задания, которые в традиционном исполнении могли бы показаться учащимся скучными и неинтересными, приобретают новую привлекательную окраску в интеграции их с современными информационными технологиями» [Воробьев, 2004, с. 16].

О. В. Волкова определила веб-квест «как вид информационных, проблемноориентированных заданий индивидуального или группового обучения, направленных на формирование и развитие навыков самостоятельной активности, поисковой и исследовательской деятельности студентов в процессе освоения, исследования, обработки и презентации языкового учебного материала. Целью использования веб-квестов в обучении является развитие умений анализа, синтеза, оценки информации при рациональном использовании» [Волкова, 2010, с. 15].

В определении «веб-квеста» Е. М. Шульгиной дается следующее объяснение семантики и структуры образовательной технологии. «Веб-квест – это один из сложных типов учебных Интернет-ресурсов, представляющий собой сценарий проектной деятельности с использованием ресурсов сети Интернет. Веб-квест имеет четко обозначенную структуру и, как правило, направлен на исследование и всестороннее изучение отдельно взятого проблемного вопроса... Тематика веб-квестов может быть самой разнообразной, проблемные задания могут отличаться степенью сложности. Результаты выполнения веб-квеста, в зависимости от изучаемого материала, могут быть представлены в виде устного выступления, презентации, эссе, веб-страницы» [Шульгина, 2014, с. 17].

С. В. Напалков предлагает понимать под веб-квестом «информационный контент, определяющийся содержанием учебной темы, целями и задачами её изучения, и предполагает выполнение учащимися учебно-познавательных заданий по поиску и отбору информации с использованием Интернет-ресурсов, способствующей систематизации и обобщению изученного материала, его обогащению и представлению в виде целостной системы» [Напалков, 2013, с. 25].

Анализ научно-методических исследований последних лет показал, что сегодня веб-квесты стали применяться в сфере образования гораздо чаще, чем, например, 15 лет назад, когда популярность набирали только развлекательные «живые квесты» в реальном мире (без использования Интернет-ресурсов), больше похожие на спортивные игры с элементами ориентирования на местности (туристические слеты, военно-патриотические игры наподобие «Зарница» для учащихся, геокешинг и т. д.), литературные или книжные квесты, квест-комнаты и т. д. Сегодня веб-квест занял свое место в образовательном процессе и стал оптимальным решением при выборе современных педагогических технологий. В контексте нашего исследования мы выбираем веб-квест в качестве педагогической технологии, гарантированно дающей результаты при организации исследовательской деятельности учащихся, и будем рассматривать веб-квест именно как средство формирования критического мышления.

Е. А. Игумнова, И. В. Радецкая в своих трудах пишут, что «проектирование образовательных веб-квестов – процесс творческий и увлекательный, широко вошедший в зарубежную и отечественную образовательную практику. Сюжеты квестов могут быть разнообразными – от детективных и фантастических фильмов и книг, известных компьютерных игр до уникальных авторских сценариев» [Игумнова, 2016, с. 67]. Их общее исследование, посвященное вопросам разработки, организации и проведения образовательных веб-квестов, успешно прошло апробацию на базе средних школ, детских оздоровительных лагерей г. Читы и Забайкальского края. Кроме того, в проекте были задействованы преподаватели, учителя-методисты, педагоги дополнительного образования и студенты, ставшие соавторами части квестов, вошедших в учебное пособие «Квест-технология в образовании».

При проектировании образовательных веб-квестов по тувинскому языку мы взяли за основу технологическую карту образовательного квеста по Е. А. Игумновой, И. В. Радецкой и объясняем свой выбор тем, что элементы

структуры и требования к содержательному наполнению квеста имеют отсылки к QuestGarden (QuestGarden.com), у истоков которого стоял профессор Б. Додж – маэстро образовательных веб-квестов, педагогическому опыту и авторитетному мнению которого мы доверяем. Также считаем ценным опыт создания методических разработок Е. А. Игумновой, И. В. Радецкой, а их вклад в развитие квест-технологий в сфере отечественного образования достаточно изученным и весомым.

В данной статье мы представляем методическую разработку внеурочного занятия по родному языку с использованием методики веб-квеста при изучении топонимов в 6 классе. Методическая разработка составлена с учетом требований ФГОС, с сохранением основных элементов структуры образовательного квеста, предложенных ее основателем Б. Доджем. Обращаем ваше внимание на то, что иллюстративный материал заимствован из общедоступных ресурсов интернета, не содержащих указаний на авторов этих материалов и каких-либо ограничений для их заимствования.

Технологическая карта внеурочного занятия по тувинскому языку с применением технологии образовательного веб-квеста (при изучении топонимов)

ФИО учителя: Чолдак-оол Шончалай Валерьевна.

Место проведения: кабинет учебной дисциплины «Тыва дыл», укомплектованный учебным оборудованием и посадочными местами по количеству учеников в классе.

Продолжительность занятия: 40 минут.

Возраст учащихся: 6 класс.

Дата: _____

Предмет: учебная дисциплина «Тыва дыл».

Тема веб-квеста: Образовательный веб-квест «Топонимы. По следам мифов и легенд».

Цель: расширить знания о топонимах как о ценном наследии культуры; отработать коммуникативные навыки учащихся в процессе образовательной деятельности, а также развить их навыки использования ИКТ.

Задачи:обучающие:

– обеспечить в ходе веб-квеста усвоение знаний о культурной и исторической ценности топонимов Республики Тыва;

– сформировать умения и навыки работы со словарями и различными источниками информации (сайты, порталы, книги);

– развивать и совершенствовать навыки работы с персональным компьютером, используя программное обеспечение, которое объединяет текст, неподвижные изображения, аудио, видео и другие медиа;

– научить логически излагать свои мысли и точку зрения;

развивающие:

– способствовать развитию критического мышления;

– обеспечить условия для развития творческого подхода к решению практических задач;

– создать ситуации, развивающие умение осуществлять информационный поиск, правильное обобщение получаемой информации и делать выводы;

– создание ситуаций для творческой самореализации личности школьника;

воспитательные:

– создать условия для воспитания нравственных качеств и патриотических чувств через изучение языка, истории, географии, культуры и фольклора тувинского народа;

– формирование у учащихся навыков работы в команде.

Планируемые результаты:личностные:

– понимание своей принадлежности к уникальной этнической общности;

– обновление и закрепление знаний о тувинском языке и культуре тувинского народа через изучение номинаций топообъектов на территории Республики Тыва;

– формирование доброжелательного отношения к другому человеку и уважительного отношения к его мнению;

– формирование коммуникативной компетентности;

метапредметные результаты:

– умение вести совместную учебную деятельность с учителем и одноклассниками;

– формирование и развитие компетентности в области использования информационно-коммуникационных технологий;

– применение на практике знаний, полученных при изучении других учебных предметов, а именно географии, истории, алгебры, изобразительного искусства, информатики;

предметные результаты:

– пополнение знаний о родном языке и духовной культуре тувинского народа;

– формирование навыков проведения различных видов анализа слова;

– обогащение словарного запаса учащегося;

– мотивация к изучению и использованию словарей тувинского языка (этимологического, толкового и топонимического);

– удовлетворение эстетических потребностей учащегося.

Использование ИКТ: мультимедийная презентация, QR-код с зашифрованной информацией и видеоматериалы.

Необходимое аппаратное и программное обеспечение: персональный компьютер с доступом к сети Интернет, экран для трансляции видеоматериалов.

Ресурсы Интернета: Тувинско-русский онлайн переводчик – Русско-тувинский переводчик (tyvan.ru);

ЗАДАНИЕ № 4 (vk.com) – ссылка на группу в социальной сети Вконтакте;

ЗАДАНИЕ № 5 (vk.com) – ссылка на группу в социальной сети Вконтакте;

Ресурсы веб-квеста: эмблемы для команд, маршрутные листы, 30 листов белой бумаги (для выполнения заданий), распечатанная контурная карта Республики Тыва, контейнеры от киндер-сюрприза (30 шт.), секундомер, «Топонимический словарь Тувы» Ондар Б. К. (2007).

Глоссарий веб-квеста

Легенда веб-квеста – это задача, миссия, главная цель, содержащая проблему, решение которой приведет участников к победе.

Квест-герои – это участники команд. Участники делятся на команды следопытов и фольклористов (специалисты по сказкам, мифам и легендам). Перед проведением

веб-квеста, требующего участия двух и более команд, ведущий заготавливает необходимое количество пластмассовых яиц киндер-сюрприза по количеству участников, внутри каждого яйца спрятана бумажка с названием команды. Участники вытягивают яйца и узнают, за какую команду будут играть. После распределения участников команды получают эмблемы по числу участников в каждой группе.

Навигаторы. Каждая команда получает маршрутный лист с указанием навигаторов, указывающих на последовательность прохождения этапов веб-квеста. У каждой команды свой уникальный навигатор.

Шанс. На каждый этап веб-квеста отводится одинаковое количество времени. Если задание не выполнено, то команда не смо-

жет перейти к следующему этапу веб-квеста. В случае если команда не смогла выполнить задание, им будет предоставлен шанс. Шанс – это «штрафное» творческое задание, дающее команде возможность продолжить веб-квест.

Итог квеста. Участники веб-квеста отгадывают все топонимы, а также выявляют мифы и легенды, повлиявшие на их номинацию.

Критерии оценивания. Лучшей командой признается группа учеников, которой удалось успешно пройти все этапы образовательного веб-квеста.

Ход веб-квеста

Учитель знакомит учащихся с легендой веб-квеста, которая задает начало игры.

Легенда квеста

Были времена, когда не было ни интернета, ни смартфонов, ни телевизора. И взрослые, и дети в те времена любили слушать сказки, легенды и мифы о героях-силачах, о таинственных мифических существах, чудесах сказочного мира. И в эти стародавние времена жил-был Сказитель – человек, рассказывающий сказки, легенды и мифы. Он также был их надежным хранителем. В те времена профессия сказителя была почетной, его с нетерпением ждали во всех уголках нашей республики. Наш Сказитель кочевал из одного кожууна в другой, чтобы рассказывать детям чабанов истории, которые хранились в его таинственной книге.

Но однажды случилось происшествие: переправляясь через одну большую реку, он обронил в воду свою драгоценную книгу, в которой хранились легенды и мифы!

Река была настолько быстрой и стремительной, что волны растрепали книгу, оторвавшиеся листочки унесло течением и раскидало по всей республике, большая же часть книги утонула безвозвратно. Сказитель не может продолжить свой путь без легенд и мифов, которые, к счастью, спаслись, зацепившись за названия географических объектов. Ему необходима наша помощь. Надо собрать сохранившиеся легенды и мифы, чтобы Сказитель и дальше радовал людей своими мифами и легендами, чтобы замечательная профессия сказителя жила еще долго и приносила счастье людям.

Далее учитель озвучивает командам задания веб-квеста, которые необходимо выполнить. Участники, заранее разделившиеся на

команды, получают маршрутные листы, которые определяют последовательность прохождения заданий для каждой команды.

Маршрутный лист 1

Следопыты	1	4	3	2	5

Маршрутный лист 2

Фольклористы	5	3	2	1	4

Кроме того, каждой команде раздают распечатанную контурную карту Республики

Тыва без указаний топонимов. После каж-

дого пройденного этапа веб-квеста участники должны отмечать на карте название топонима.

КОНТУРНАЯ КАРТА РЕСПУБЛИКИ ТЫВА

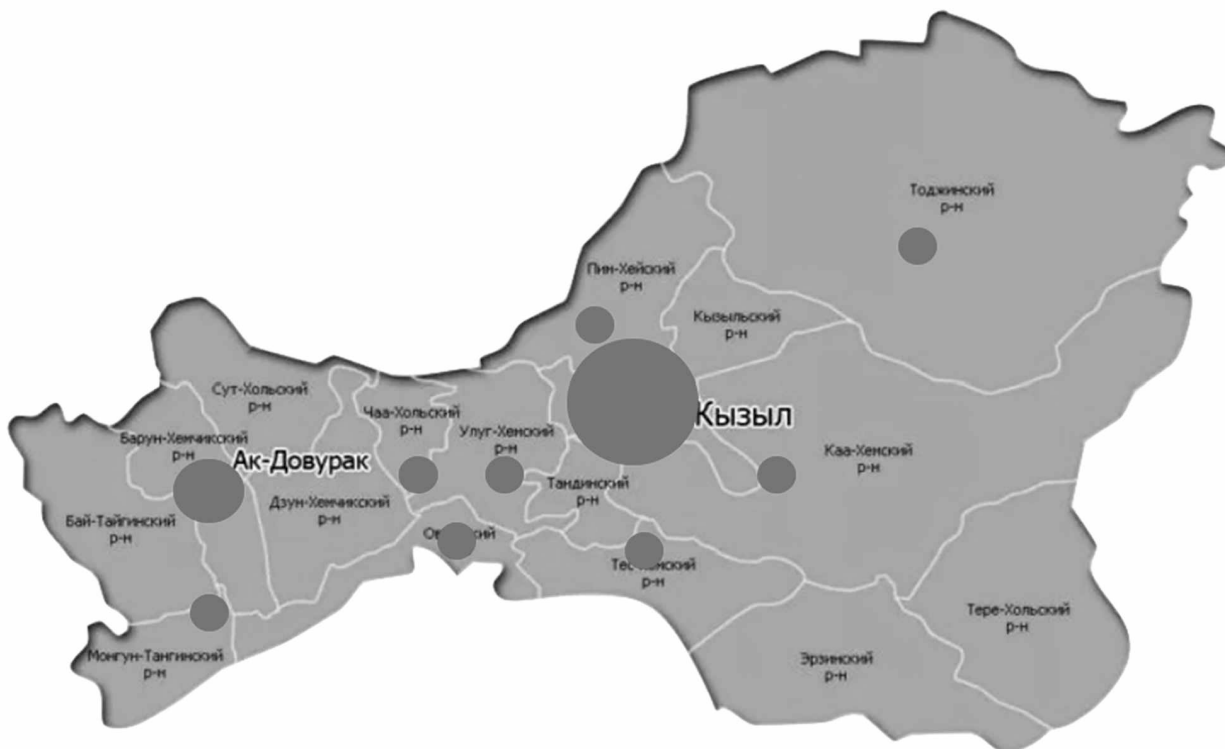

Рис. 1.

Каждая команда выполняет следующие задания веб-квеста.

Задание № 1

1. Внимательно рассмотрите фотографии. Найдите то, что их объединяет.

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 1.

Рис. 2.

При затруднениях в выполнении задания командам даются следующие подсказки.

Подсказки

1. В тувинской юрте колыбель была обязательной, когда появлялся новый член семьи – новорожденный ребенок. Эта вещь – одна из основных частей конструкции колыбели. В легенде, которую мы ищем, этот предмет спас жизнь младенцу.

2. Назовите предмет. Найдите гидроним с аналогичным звучанием (названием). Идентифицируйте легенду. Для идентификации легенды необходимо найти в словаре топонимов топообъект, где дается подробная информация о мотиве номинации местности. Нанести топоним на карту Тувы (можно отметить

на территории кожууна, к которому он относится).

Ответ данного задания.

Ответ

Ааткыыш – р., Сут-Хольский кожуун; *ааткыыш* ‘крючок для подвешивания детской колыбели’. Название связано с легендой о девушке, повесившей на ветку лиственницы люльку с ребенком. Молодая женщина, убежавшая от притеснений бая, повстречала на своем пути медведя и, чтобы спасти дитя, она повесила люльку на ветку дерева, но медведь их не тронул [Ондар, 2007, с. 73].

После выполнения первого задания участникам предлагают второе задание.

Задание № 2

1. Собрать пазл.
2. Ответить на вопрос, кто изображен на картинке?
3. Найдите топоним с аналогичной номинацией. Идентифицируйте легенду. Для иденти-

фикации легенды необходимо найти в словаре топонимов топообъект, где дается подробная информация о мотиве номинации местности.

Для выполнения задания командам могут быть предложены следующие подсказки.

Подсказки

1. В стародавние времена в наших краях обитали удивительные человекоподобные существа, существование которых ученые, уфологи все еще не могут доказать и продолжают спорить на эту тему. Во всем мире это существо известно под названием *йети* или *снежный человек*, у тувинцев его зовут *кижи-бүрүс*. Не каждый этнос может похвастаться легендами о йети, поэтому эту таинственную легенду необходимо найти и вернуть сказителю, чтобы она жила в памяти людей и дальше.

2. Достать из коробки бумажки с напечатанными словами (3 штуки).

Из них необходимо сложить слово. Затем с помощью онлайн-ресурса Русско-тувинский переводчик (<http://tyvan.ru/>) переведите на тувинский язык получившееся слово, обозначающее киж-бүрүс, и получите название гидронима, за которым зашифрована легенда.

Задание №3

Отсканировать QR-код и получить ссылку на интернет-ресурс. Посмотрите внимательно на фотографии. Узнаете персонажей мифов?

QR-код, содержащий прямую ссылку на иллюстрацию 1.

Для перехода на онлайн-переводчик можно воспользоваться QR-кодом, наведите камеру смартфона на код и перейдите по ссылке на сайт.

Ответ данного задания.

Ответ

Волосатый, покрытый шерстью + черный + голень – Дүктүг-Кара-Чода.

Дүктүг-Кара-Чода – минеральный источник, расположенный на территории Бай-Тайгинского кожууна; *дүктүг* 'имеющий волосной покров, волосатый; покрытый шерстью', *кара* 'черный', *чода* 'голень'; название связывают с мифологическим человекоподобным существом (у других народов – *йети*, *снежный человек*) *Кара-Чода* (букв.: 'черная голень'), который обитал в этих местах [Ондар, 2007, с. 208].

Далее мы предлагаем описание заданий, которые команды должны будут выполнить в ходе веб-квеста.

Знали ли вы, что в тувинской мифологии эти существа тоже имеются? В честь этих мифологических существ была названа река в нашей республике. Выявите топоним с аналогичным названием. Идентифицируйте легенду. Для идентификации легенды необходимо найти в словаре топонимов топообъект, где дается подробная информация о мотиве номинации местности. Отметить на географической карте Тувы топоним (можно отметить на территории кожууна, к которому топоним относится).

QR-код, содержащий прямую ссылку на иллюстрацию 2.

Подсказки для успешного выполнения задания:

Подсказки

В древнерусской мифологии эти существа известны как Сирин и Алконост, а в индийской – Гаруда. Выглядели эти фантастические

Задание № 4

Добрая ведьма Чылбыга уже давно тщетно пытается зайти на свой аккаунт в одной из известных социальных сетей.

существа как огромные птицы с человеческими головами.

В легенде тувинского народа объясняется, что в таежных дебрях Тере-Хольского кожууна раньше обитали огромные птицы – тетерева с человеческими головами.

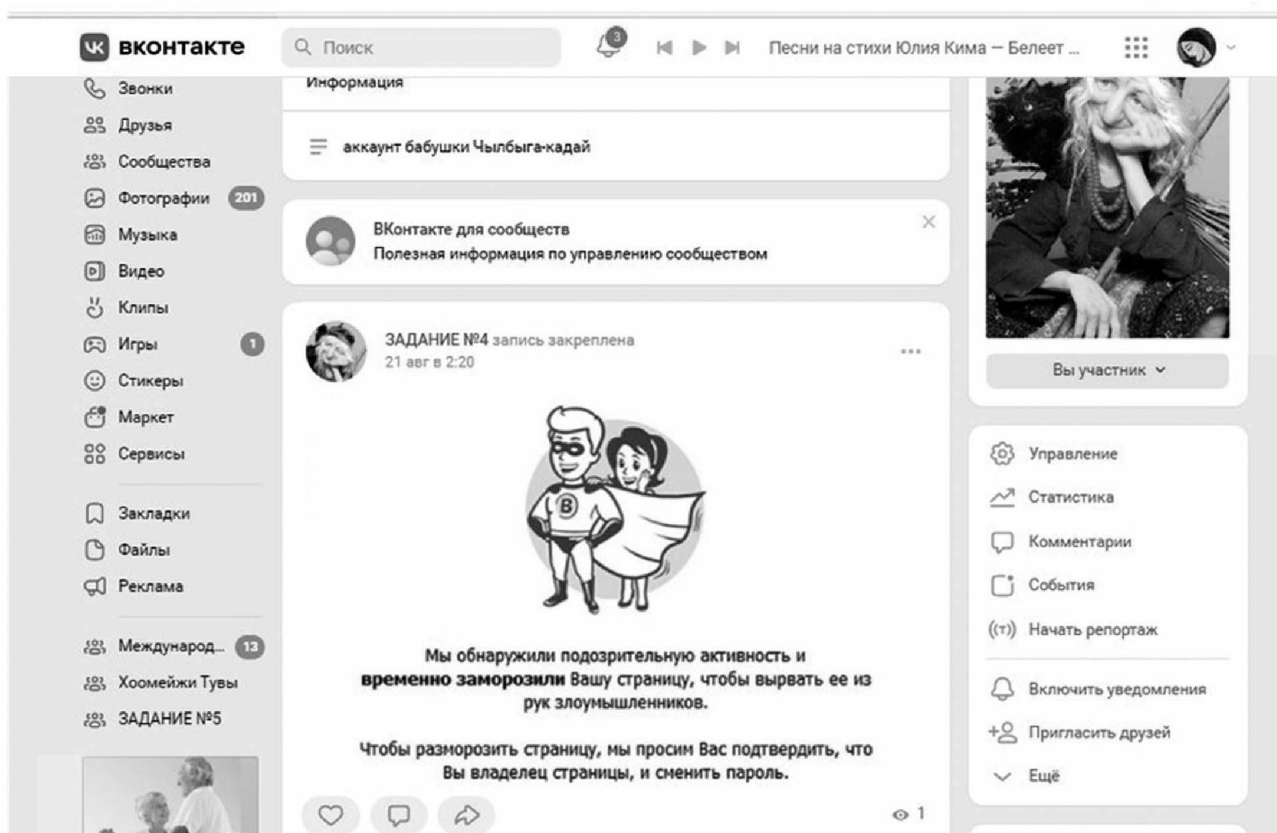
Рядом с этим местом расположена древняя уйгурская крепость Пор-Бажын.

Главной частью слова является – *курту* ‘тетерев’.

Ответ данного задания.

Ответ

Кунгуртуг (Кунгуртук) – река, Тере-Хольский кожуун. В легенде объясняется, что в таежных дебрях Кунгуртуга раньше обитали огромные птицы *курту* ‘тетерев’ с человеческими головами [Ондар, 2007, с. 272].

Все дело в том, что защитная программа «Капча» (CAPTCHA) отклоняет ее неправильные ответы, и ей с каждым разом труднее доказывать, что она не бот, не рассылает спам и уж точно не компьютерный робот.

Введите код с картинки Заккрыть

Введите код сюда

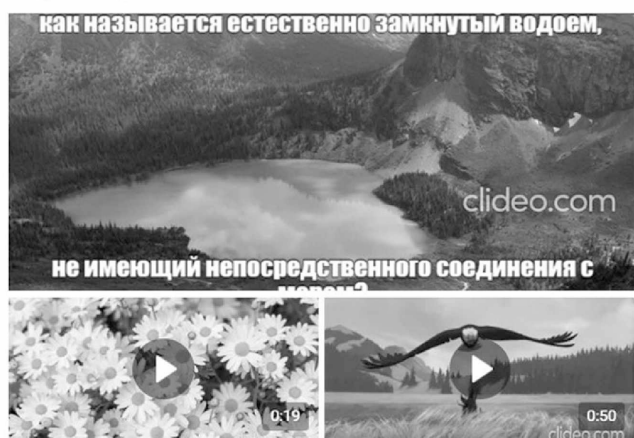
Отправить

Помогите Чылбыга разгадать загадку, затем пройти успешно этап аутентификации, чтобы она смогла ответить на накопившиеся письма от внуков, по которым сильно скучает. Чтобы ей помочь, необходимо отгадать загадку.

Задание № 5

Перейдите по ссылке на [ЗАДАНИЕ №5 \(vk.com\)](#). Внимательно посмотрите видео-нарезки и фотографию.

3. Если сомневаетесь в правильности топонима, то проверить свою работу можно с помощью «Топонимический словарь Тувы» Б.К. Ондар [2007] и база данных «Гидронимия Тувы» [2017].

К каждому медиа-файлу нужно подобрать одно слово, наиболее точно передающее смысл содержимого контента. Полученные слова

Наведите камеру телефона на QR-код и выберите вариант ответа, который вы считаете правильным.

Загадка. *Бызаа казанааның иштинде дөрт азыг бар. Азыг бүрүзүндө-ле күске үңгүрү бар. Үңгүр аксында-ла бир-бир күскелер олурган. Күске бүрүзүнүң дужунда-ла үш күскелер көстүп турган. Казанакта шупту чеже күскелер барыл?*

(В загоне для телят есть четыре угла. В каждом углу есть мышиная нора. У каждого входа в мышиную нору по одной мышке. Напротив каждой мышки еще по три мышки. Сколько всего мышек в загоне?).

Ответ данного задания.

переводим на тувинский язык и складываем из них название топонима. При правильном сложении слов мы получим название гидронима, в основу номинации которого легла легенда о хозяине-местности. Идентифицируем легенду. Для идентификации легенды необходимо найти в словаре топонимов топообъект, где дается подробная информация о мотиве номинации местности. Нанести топоним на карту Тувы (можно отметить на территории кожууна, к которому топоним относится).

Ответ данного задания.

Ответ

Хөл + Ак + Аът

Ак-Аъттыг-Хөл – озеро, Тоджинский кожуун; *ак* ‘белый, чистый’, *аът* ‘лошадь’ + *-тыг* – афф. отн. прил., *хөл* ‘озеро’; буквально, ‘обладающее белой лошадыю (озеро)’. В народе считается, что название связано с конем белой масти, который был хозяином и защитником озера [Ондар, 2007, с. 87].

По итогам пройденных этапов выявляют лучшую команду, успешно завершившую все этапы образовательного веб-квеста за наименьшее время. Традиционно во время подведения итогов у команд может возникнуть потребность обсудить организационные моменты веб-квеста, поспорить об оценках. На обсуждение итогов от учителя может потребоваться намного больше внимания и времени, чем на прохождение квеста, ведь именно заключительная часть любого соревнования выступает сильнейшим мотивационным фактором для дальнейшего развития ученика. Образовательный веб-квест может считаться педагогически результативным, если учащиеся сами анализируют свою деятельность. На этапе подведения итогов каждому участнику дается слово, во время которого он дает информацию о своей работе в команде, анализирует результаты своей деятельности, повлиявшие на итог игры, объективно оценивает их, делает выводы.

Заключение

Основная идея использования веб-квеста как элемента геймификации заключается в том, что он способствует формированию и сохранению положительной внутренней мотивации у учащихся к изучению материала по тувинскому языку. Кроме того, в процессе прохождения заданий учащиеся прорабатывают исследовательские навыки, приобщаются к работе в команде, в общении со сверстниками у каждого учащегося реализуется коммуникативная компетенция. Использование регионального топонимического материала эффективно в формировании устойчивого интереса учащихся к изучению истории Тувы, культуры тувинского народа и родного тувинского языка. Выполнение заданий веб-квеста в атмосфере сотрудничества и в лучших традициях соревнований превратит обычный школьный урок в событие, поэтому необходимость внедрения веб-квеста в процесс обучения очевидна.

Литература

Азевич А.И. Технологии цифрового сторителлинга в обучении школьников: учебно-методическое пособие. М.: Московский городской пед. ун-т, 2021. 104 с.

- Анисимова Е.В. Образовательный квест как современная технология обучения иностранцев русскому языку // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10. № 3(36). С. 19–23.
- Багузина Е.И. Веб-квест технология как дидактическое средство формирования иноязычной коммуникативной компетентности (на примере студентов неязыкового вуза): автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2012. 24 с.
- Блинов В.И. Педагогическая концепция цифрового профессионального образования и обучения. М.: Московский городской пед. ун-т, 2020. 112 с.
- Волкова О.В. Подготовка будущего специалиста к межкультурной коммуникации с использованием технологии веб-квестов: дис. ... канд. пед. наук. Белгород, 2010. 217 с.
- Воробьев Г.А. Веб-квест технологии в обучении социокультурной компетенции: дис. ... канд. пед. наук. Пятигорск, 2004. 220 с.
- Гречушникова Т.Ю. Образовательный квест как средство создания интерактивной образовательной среды. Ульяновский гос. пед. ун-т им. И.Н. Ульянова, 2021. 51 с.
- Дроботенко Ю.Б. Организация самостоятельной работы студентов в вузе при изучении педагогических дисциплин: дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2006. 215 с.
- Жук Л.Г. Интернет-технологии как средство организации самостоятельной работы студентов технических вузов: на материале обучения иностранному языку: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2006. 20 с.
- Игумнова Е.А. Квест-технология в образовании. Чита: ЗабГУ, 2016. 164 с.
- Колоскова Т.А. Педагогические технологии как средство формирования интринсивной мотивации на уроках русского языка // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2021. № 2. С. 13–19.
- Мосина М.А. Приложение Popplet как средство визуализации информации на уроке иностранного языка // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2019. № 15. С. 115–124.
- Напалков С.В. Тематические образовательные Web-квесты как средство развития познавательной самостоятельности учащихся при обучении алгебре в основной школе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Саранск, 2013. 25 с.

Ондар Б.К. Топонимический словарь Тувы. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 2007. 550 с.

Шульгина Е.М. Технология веб-квест как средство для развития критического мышления студентов // Возможности развития краеведения и туризма Сибирского региона и сопредельных территорий. Томск: Изд-во Аграф-Пресс, 2014. С. 142–147.

References

- Anisimova E. V.** Obrazovatel'nyi kvest kak sovremennaya tekhnologiya obucheniya inostrantsev russkomu yazyku [Educational quest as a modern technology of teaching foreigners the Russian language]. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, 2021, vol. 10, no. 3 (36), pp. 19–23. (In Russian).
- Baguzina E. I.** Veb-kvest tekhnologiya kak didakticheskoe sredstvo formirovaniya inoyazychnoi kommunikativnoi kompetentnosti (na primere studentov neyazykovogo vuza) [Web-quest technology as a didactic means of forming foreign language communicative competence]. The author's summary of the thesis for the degree of Candidate of Pedagogical Sciences. Moscow, 2012, 24 p. (In Russian).
- Blinov V. I.** Pedagogicheskaya kontseptsiya tsifrovogo professional'nogo obrazovaniya i obucheniya [Pedagogical concept of digital vocational education and training]. Moscow, Moscow City University, 2020, 112 p. (In Russian).
- Drobotenko Yu. B.** Organizatsiya samostoyatel'noi raboty studentov v vuze pri izuchenii pedagogicheskikh distsiplin [Organization of independent work of students at the university in the study of pedagogical disciplines]. The author's summary of the thesis for the degree of Candidate of Pedagogical Sciences. Omsk, 2006. 215 p. (In Russian).
- Grechushnikova T. Yu., Spirina E. V.** Obrazovatel'nyi kvest kak sredstvo sozdaniya interaktivnoi obrazovatel'noi sredy [Educational quest as a means of creating an interactive educational environment]. Ulyanovsk, I. N. Ulyanov State Pedagogical University of Ulyanovsk, 2021, 51 p. (In Russian).
- Igumnova E. A.** Kvest-tekhnologiya v obrazovanii [Quest-technology in education]. Chita, Trans-Baikal State University, 2016, 164 p. (In Russian).
- Koloskova T. A.** Pedagogicheskie tekhnologii kak sredstvo formirovaniya intrinsivnoi motivatsii na urokakh russkogo yazyka [Pedagogical technologies as a means of forming internal motivation in Russian language lessons]. *Bulletin of the State University of Humanities and Technology*, 2021, no. 2, pp. 13–19. (In Russian).
- Mosina M. A.** Prilozhenie Popplet kak sredstvo vizualizatsii informatsii na uroke inostrannogo yazyka [Popplet Application as a means of visualizing information in a foreign language lesson]. *Problems of Romano-Germanic philology, pedagogy and methods of teaching foreign languages*, 2019, vol. 15, pp. 115–124. (In Russian).
- Napalkov S. V.** Tematicheskie obrazovatel'nye veb-kvesty kak sredstvo razvitiya poznavatel'noi samostoyatel'nosti uchashchikhsya pri obuchenii algebre v osnovnoi shkole [Thematic educational web-quests as a means of developing cognitive independence of students when teaching algebra at the primary school]. The author's summary of the thesis for the degree of Candidate of Pedagogical Sciences. Saransk, 2013, 25 p. (In Russian).
- Ondar B. K.** Toponimicheskii slovar' Tuvy [Toponymic Dictionary of Tuva]. Tuvan Book Publishing House, 2007, 550 p. (In Russian).
- Shulgina E. M.** Tekhnologiya veb-kvest kak sredstvo dlya razvitiya kriticheskogo myshleniya studentov [Web-quest technology as a means to develop students' critical thinking]. In: Opportunities for the development of local history and tourism in the Siberian region and bordering territories. Tomsk, Agraf-Press, 2014, pp. 142–147. (In Russian).
- Volkova O. V.** Podgotovka budushchego spetsialista k mezhkul'turnoi kommunikatsii s ispol'zovaniem tekhnologii veb-kvestov [Training of a future specialist for intercultural communication using the web-quest technology]. The author's summary of the thesis for the degree of Candidate of Pedagogical Sciences. Belgorod, 2010, 217 p. (In Russian).
- Vorobyov G. A.** Veb-kvest tekhnologii v obuchenii sotsiokul'turnoi kompetentsii [Web-quest technologies in teaching socio-cultural competence]. The author's summary of the thesis for the degree of Candidate of Pedagogical Sciences. Pyatigorsk, 2004, 220 p. (In Russian).
- Zhuk L. G.** Internet-tekhnologii kak sredstvo organizatsii samostoyatel'noi raboty studentov tekhnicheskikh vuzov [Internet technologies as a means of organizing independent work of students of technical universities]. The author's summary of the thesis for the degree of Candidate of Pedagogical Sciences. Saint Petersburg, 2006, 20 p. (In Russian).

ЭКСПРЕССИВНЫЕ СЛОВА В ЯЗЫКЕ ХАКАССКОГО ЮМОРА

М.Д. Чертыкова

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, пр. Ленина, д. 92, Абакан, 655017, Россия; email: chertikova@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7467-4388

Статья посвящена функционально-семантическому анализу и описанию экспрессивных слов, используемых в разговорно-бытовой речи и представленных в юмористических рассказах хакасских авторов Ю. Топоева, И. Топоева и др. Данный фрагмент лексики благодаря своему широкому ситуативно-прагматическому потенциалу является наиболее многогранной и важной частью лексической системы. Слова-экспрессивы обладают обобщающим значением, граничащим с десемантизацией, поэтому не всегда фиксируются в лексикографических источниках. Экспрессивная лексика в хакасском языкознании, как и в других тюркских языках, пока остаётся неизученной. Соответственно, в нашей статье экспрессивность обсуждается в рамках резюмированного понимания целого комплекса стилистических, эмоциональных, просторечных и других феноменов языка. И тем самым предпринимается попытка обозначения проблемы для дальнейших более углубленных и тщательных исследований данного богатого и своеобразного пласта хакасской лексической системы.

Ключевые слова: хакасский язык, экспрессивное слово, семантика, функционирование, многозначность, ситуативно-прагматический потенциал слова.

EXPRESSIVE WORDS IN THE LANGUAGE OF KHAKASS HUMOR

Maria D. Chertykova

N. F. Katanov Khakass State University, 92 Lenin Ave., Abakan, 655017, Russia; email: chertikova@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7467-4388

The article is devoted to the functional-semantic analysis and description of expressive words which are used in colloquial everyday speech and reflected in the humorous stories of the Khakass authors Yu. Topoev, I. Topoev, et al. This fragment of vocabulary, due to its wide situational and pragmatic potential, is the most complex and important part of the lexical system. Expressive words have a generalizing meaning close to desemantization; therefore, they are not always recorded in lexicographic sources. Expressive vocabulary in Khakass linguistics, as well as in other Turkic languages, remains unexplored. Thus, in my article, expressiveness is discussed within the framework of a generalized understanding of the whole complex of stylistic, emotional, colloquial language phenomena. And so that, I made an attempt to define the problem for further more in-depth and thorough research of this rich and peculiar layer of the Khakass lexical system.

Keywords: Khakass language, expressive word, semantics, functioning, polysemy, situational-pragmatic potential of a word.

Введение

На сегодняшний день в разных странах действуют целые центры и лаборатории по изучению проблем вербального юмора, например, центр в университете штата Колорадо (США), возглавляемый профессором Питером МаГроу, или Израильское сообщество исследователей юмора, которым руководит профессор Ари Шовер. В подобных центрах юмор исследуется в философском, биопсихологическом, эстетическом, социокультурном

и других аспектах. Юмор как сложный и разносторонний феномен человеческой природы включает в свою структуру морально-эстетический, интеллектуальный, эмоциональный, ассоциативно-образный элементы. Тем самым эффект юмора достигается при наличии трёх условий: субъективного начала комического, ментального предрасположения воспринимающего и реализация ожидаемого.

Одним из множественных направлений изучения юмора является исследование его лингвистических параметров. Язык юмора как

отдельное жанровое пространство, изобилующее экспрессивными словами, может рассматриваться с психолингвистических, ментальных, лингволитературных и текстовых позиций. «Именно когнитивные способности человека позволяют воспринимать и создавать комическое, основываясь на воспоминаниях, ассоциациях, восприятии метазначений,...» [Семёнова, 2010, с. 79]. Также немаловажным фактом является то, что глубинная когнитивная природа возникновения и распознавания юмора основывается на хорошем знании родного или другого языка, поскольку носителям языка в определённом социуме хорошо знакомы витиеватые интерпретации многозначных слов на фоне широких контекстов. Тем самым образная острота и смысловая изощрённость комического слова эффективно усваивается, как правило, лицами высокого уровня речевой культуры, хорошо владеющими тем или иным языком.

На наш взгляд, экспрессивная лексика в широком её понимании составляет основу юмористического/комического дискурса. «Экспрессивная лексическая единица не столько называет предмет, признак, действие, явление (хотя номинативность присуща и экспрессивной лексической единице, однако не всем и в не одинаковой степени, {...}), сколько выражает субъективное «я» говорящего/пишущего, т.е. человеческий фактор, поэтому экспрессивный фонд языка антропоцентричен» [Лукиянова, 2015, с. 188]. В отличие от номинативной лексической единицы, в семантике экспрессива в разной степени содержатся такие элементы, как оценка, интенсивность, образность, эмоциональность и др. При этом семантика экспрессивных слов обычно выводится из дополнительных стилистических функций слова, т.е. из его коннотативного содержания. Т.В. Матвеева отмечает и другую особенность экспрессивного слова: оно «... отражает опыт восприятия объектов действительности, в том числе – опыт сравнения явлений одного класса» [Матвеева, 2013, с. 17]. В целом же, более глубокое исследование психических, стилистических, этимологических и функционально-семантических схем экспрессивных слов предусматривает междисциплинарный

подход, способствующий формированию цельного взгляда на проблематику.

Цель нашей статьи – выявление и описание с функционально-семантической точки зрения частотных в хакасских юмористических рассказах экспрессивных слов. Экспрессивные слова по своей сущности являются наиболее сложной и многогранной категорией лексического состава любого языка. В отличие от номинативного слова в семантике экспрессивного слова содержатся образные, оценочные, метафорические, эмотивные, полисемантические, просодические, ассоциативно-прагматические и другие элементы. Думается, что именно в силу теоретической сложности и самобытности семантики данный фрагмент лексики в хакасском, как и в других тюркских языках, пока ещё остаётся неизученной.

Материал для исследования собран методом сплошной выборки в основном из юмористических рассказов из сборников произведений Юрия Топоева «Кёңнiм чайғам айабин...» («Любовь дарил, не жалея») (2012), Ильи Топоева «Хоналтаһ өдiк – 2» («Болтунишка – 2») (2014) и др. В хакасской литературе юмор как форма комического жанра, можно считать, состоялся благодаря творчеству этих талантливых писателей. Хотя, на наш взгляд, основателем данного жанра является писатель Филипп Бурнаков, впервые ярко и живо изобразивший негативные черты человеческого характера на примере деревенских жителей в рассказах из сборника «Читон тайма» («Семьдесят небылиц») (1972).

Способность автора юмористических произведений видеть комическое в различных сферах жизни и передать его читателю, при этом затронув его морально-эстетическое и эмоциональное состояние, достигается при помощи особых языковых средств и выражений. Язык юмора имеет свои структурные и семантические особенности: короткие и ёмкие предложения; рассказ от первого лица – участника комических событий; слова, выражающие самые тонкие оттенки чувств, настроений и оценок и т.д. В зависимости от социального статуса персонажа в его речи могут присутствовать различные стилевые элементы (просторечные, профессиональные, диалектные и др.).

В хакасских юмористических текстах, как и в подобных текстах других языков, комический эффект реализуется в основном при помощи метафоризации и многозначности частотных и общеупотребительных слов. Комический потенциал является важным элементом содержания таких слов, поскольку язык – это «вечно возрождающаяся сила» [Чан Тхань Тунг, 2012, с. 25]. В словарном составе языка эти слова являются «обычными» многозначными именными или глагольными лексическими единицами. Однако в силу особенностей употребления их в юмористических текстах и «связей с другими словами и выражениями они теряют свою «обычность», оказываются в центре внимания повествования {...}» [Чан Тхань Тунг, 2012, с. 26]. Номинативная функция для них становится не основной: она «смещается» на второй план, несколько нейтрализуется характеристической и выразительной функцией» [Лукиянова, 1979, с. 46]. Также важную роль в выражении словом комического эффекта играют стилистические условия его реализации: место речевой коммуникации, слушатели/собеседники и их особое расположение к восприятию юмора. Другим немаловажным аспектом юмора является форма его передачи, включающая просодические (интонационные), мимические, жестовые элементы.

Раскрытие взаимосвязанных вопросов функционально-стилистической и экспрессивной структур на материале хакасского и других тюркских языков заслуживает более глубокого и тщательного исследования. Пока ещё эти темы остаются открытыми и перспективными. На данном же этапе мы проводим функционально-семантический анализ некоторых частотных экспрессивов – имен и глагольной лексики, что позволит нам обозначить круг вопросов рассматриваемой темы для последующих научных разработок.

Именные средства выражения комического эффекта в тексте

В языке хакасского юмора для создания речевой характеристики героев писателями активно используются экспрессивные имен-

ные слова и выражения из просторечной, жаргонной и бытовой сферы, например, *нимее чарабаан* 'никудашный; ничтожество', *пида симіс* 'очень толстый', букв. 'беда толстый' (русизм *беда* используется в роли усилительной частицы), *нойма* (лит. *ниме*) 'что', *хат* груб. 'женщина, баба', *айна* 'чёрт', *бичтер* 'бичи', *артых харын* 'дармод' (букв. 'лишний живот'), *пільчең кўлүк* (соотв. русск. 'умник нашёлся'), *уссанабас* (соотв. русск. *ни с того ни с сего*) и др.

Эмоционально-экспрессивный фон лексики усиливается также частым использованием междометий (*ястрының аның* ругат. 'ястри', *ходаш* 'междометие, выражающее удивление' и др.), бранных слов (*ээрген* 'чёрт проклятый', *хуу хат* 'ведьма, баба яга', *ынчых* 'предвестник несчастья' и др.).

Также иногда в речь героев юмористических рассказов закладываются русские слова и выражения, например: – *О, боже мой! Дайте хоть полы вымою!* – *тін, үрүк парды ол хыс, ибїре көргелен* (Хө, с. 48) – О, боже мой! Дайте хоть полы вымою! – удивилась девушка, оглядываясь вокруг; – *Мин предлагаю, рас мында саңай ла тадарлар чыылыс парзанда, на хакасском разговаривать.* – Раз уж здесь собрались одни хакасы, я предлагаю разговаривать на хакасском и др. Подобные языковые средства реализации комического являются копированием повседневного устного общения хакасов в жизненных бытовых ситуациях.

Границы между экспрессивно-эмоциональными, экспрессивно-оценочными словами и словами со сниженной стилистической окраской (просторечными, жаргонными и бытовыми) являются подвижными и зыбкими. При этом и та, и другая часть лексики находятся в постоянном движении: одни слова могут утрачивать окраску и уходят из повседневного обихода, а другие поступают вновь из самых различных источников. Данный факт уже был замечен и описан исследователями на материале русского языка: «... слова, поступающие из ненормированной речи и говор, на фоне разговорной речи на начальной стадии усвоения, сохраняют отпечаток ненормативности. Среди них такие слова, ставшие нейтральными или почти нейтральными, как *электричка, рыба-*

чить, бродяжничают, открытка; слова ещё не зарегистрированные в словарях и редко отражённые в письменных источниках – *самоволка, продлёнка, пылесосить, галёрка*. Они менее отражены в литературном языке, чем, например, *подземка или овсянка*, и производят впечатление менее нормативных» [Валиева, 2016, с. 51]. Путём анализа юмористических произведений хакасских писателей Ю. Топоева, И. Топоева и др. нами были выделены лексемы, используемые для выражения комического эффекта, это слова *чүс, талбах, табан, ниме*. Рассмотрим их подробнее.

Чүс

Лексема *йүз / juz / чүс* характерна для всех тюркских языков и выражает значения ‘лицо’, ‘облик’, ‘внешний вид’ [более подробно об этом слове см.: Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 206-207; Этимологический словарь..., 1989, с. 259-260]. «Хакасско-русский словарь» содержит фразеологизированные сочетания данного слова, которые ассоциируются, в основном, с понятием «совесть»: «*чүс то же, что сырай; {...}; чүзі чох* бессовестный; *чүзі халын* бессовестный; *чүстең чүске* лицом к лицу, наедине; *чүзің нар ба?* Есть у тебя совесть (букв. лицо твоё есть ли?); *чүс чидірерге* потерять совесть; *маймах чүзі* носок обуви» [Хакасско-русский словарь..., 2006, с. 1014]. Когнитивно-концептуальная база знаний лексемы *чүс* (как и *сырай*) подсказывает, что она как самостоятельная единица тоже может выступать символом совести и других морально-нравственных аспектов человеческого характера: *Хайдаг чүснең син пеер килдін?* (Кча, с. 224) – Как ты не постеснялся прийти сюда? (букв. ‘С каким лицом ты пришёл сюда?’).

В хакасском языке данная лексема употребляется, как правило, в разговорной речи. Иногда она используется в публицистике и художественной литературе как замена литературного варианта *сырай* ‘лицо’: *Аның чүзі, халын сибірек хара сазы, чоон көбееліг очкизі, хоос көге тиңнезіг үні чүреем тибіреткен* (АМТ, с. 63) – [Моё] сердце тронули его лицо, густые чёрные, волнистые волосы, очки с большой оправой, мелодичный голос.

Как показывает наш материал, в языке юмора лексема *чүс* может обозначать:

1) удобную мишень для удара. Это наиболее частотный способ реализации данной лексемы в сочетании с глаголами со значением «бить»: – *Ниме пілчезің син лозунгтаңар? Чүс настыра ла сабарга пілчезің!* (Кча, с. 27) – Что ты знаешь о лозунге? Только по лицу бить знаешь!; – *Амох чүзіңні пу тайахнаң прай оода сабам* (Тхч, с. 23) – Сейчас этим костылём разобью твоё лицо.

Аналитическая форма глагола со значением ‘ударить, бить’ в сочетании со вспомогательными глаголами *нар-* ‘идти’, *кил-* ‘приходить’: *мычылат нар кил-* и *тазылат нар кил-* обозначает, что действие было успешно совершено и результат достигнут: *Иди полчатханда, чүзінең мычылат нар килгем* (Т, с. 40) – Когда он себя так вёл, я шлёпнул его по лицу; *Піреезі, иди хычытчатса, парыт, пірее кізінің чүзінең мычылат нар килерчік* (Хө, с. 81) – Если так напрашивается, другой его по лицу шлёпнул бы; – *Мо-ойма? – сөд тартча ирен.* – *Амох чүзіңнең тазылат нар килем.* *Анаң, сыннаң даа, тазылат нар килген.* *Чыхчо настыра. Коста тігі учуга халды* (Хө, с. 102) – Что-о? – протянул мужчина. – Сейчас ударю тебя по лицу. Затем и вправду ударил. По затылку. Коста улетел прочь; *Полчалар андаг табаннар, иди хычытчатса, парыт, көңніне кірбеен кізінің чүзінең тазылат нар килчелер* (Хө, 81) – Бывают такие молодцы, зачесется (букв. тело их зачесется), и могут ударить по лицу человека, который не нравится. Глаголы *мычылат-* и *тазылат-* синонимизируются по признакам «громко, с шумом», «сильно»;

2) иносказательное обозначение человека. Здесь мы имеем дело с реализацией метонимического переноса, т. е. семантической метафорой «часть/целое»: *Прайзы арага ізерлер, а мин ол изірік чүстерні пахлап одырам, я* (Хө, с. 7) – Все будут пить, а я буду смотреть на эти пьяные рожи, что ли;

3) часть тела, воплощающая в себе красоту или уродство человека: *Хызы согын чи. Пага чүстіг! Хазахтаплача* (Т, с. 40) – [Его] девушка некрасивая. Рожа (лицо) как у лягушки! И всё время говорит по-русски; *Ірі чох, чарылысхан ипчі. Чүске дее хомай нимес* (Т, с. 51) –

Безмужняя, разведённая женщина. И на лицо неплоха;

4) такое свойство характера человека, как наглость. Здесь лексема *чүс* как основной компонент фразеологизма сочетается с характеризующими словами *халын* ‘толстый’, *морчаң/мирчең* ‘толстый, грубый’: – *Хайтпас! – ир саапча Гоша, – парасаң. Мин дее, халын чүс идиң, пар сыхтым* (Хө, с. 32) – Ничего страшного! – храбрится Гоша, – пошли. Я тоже, **обнаглев** (букв. ‘сделав толстое лицо’), пошёл; *Амды ипчилер «ух» мирчең чүстіглер, аахтас үннigлер* (Хө, с. 8) – Сейчас женщины ух, какие **наглые**, голосистые; *Морчаң чүстіг хатыча, аннаңар ирге дее пар полбинча, таң* (Хө, с. 9) – **Наглая** бабёнка, поэтому, наверное, и замуж не может выйти;

5) основная часть тела, по которой распознают человека. В данной ситуации лексема *чүс* выполняет свою номинативную функцию: *Миниң хайдаг-да чүс. Кем не полза, мини кемге-де төйй көр салча. Мин, тізең, позымның морчаң сырайым пірдеезіне төйй нимес тіп сагынчаңмын* (Хө, с. 146) – У меня какое-то лицо. Всем кажется, что я на кого-то похож. Я-то думал, что моя наглая рожа ни на кого не похожа; *Мин, чиип кізі, көріндессер удаа көрінчөм нооза. Позымның чүзімні пілчөм, хайдаг ол* (Хч, 2022, 14 дек., с. 8) – Я же как молодой человек часто смотрюсь в зеркало. Я знаю, какое у меня лицо; *Городта пірее чирде тогасхан полам, – тіп хыйа айланбысхам. – Чох, нога-да най таныс чүс!* (Хч, 2022, 14 дек., с. 8) – Наверное, в городе где-то видел, – [подумал я и] отвернулся. – Нет, почему-то сильно **знакомое лицо**.

Актуализация физического состояния лица может обозначаться соответствующими эпитетами и прилагательными, выполняющими роль сказуемого: *Ол чүзін минзер айландырча. Худайымай! Чүзі көк паар ла* (Т, с. 39) – Он поворачивает [свое] лицо ко мне. Боже мой! **Всё лицо его в синяках**; *Кип-азахтары тала-лых, чүстері хызыл сее, харахтары ибіре көк паар* (Т, с. 49) – Вся их одежда порвана, **лица всё в крови**, вокруг глаз синяки;

6) показатель интеллектуального уровня человека. Здесь обычно указываются только два полярных качества ментальности: умный

и глупый. Лексема *чүс* может сочетаться с прилагательным, выражающим эти качества: *Чүзің синің алыг* (Кча, с. 166) – **Лицо твоё тупое**. Или же лицо может выступать локализатором репрезентирующих уровни ментальности лексических средств: – *Көр, миниң интеллигентімнің чүзінде хайдаг илбек сагыстар ойлапчалар* (Кча, 45) – **Смотри, как по лицу моего интеллигента бегает великие мысли**;

7) показатель психического состояния человека. В данном случае на лице человека могут отражаться различные эмоции и чувства, и, соответственно, лексема *чүс* обладает широкими сочетательными возможностями: – *Ноо нимее чүзің прай тырысча?* (Кча, с. 174) – Что ж, [твоё] лицо так сморщилось?; – *Синің уззал парған чүзіңні көрбеске полып, парыбысхан* (Кча, с. 203) – Ушла, чтоб не видеть твоё помятое лицо.

В перечисленных контекстных ситуациях лексема *чүс* в значении ‘лицо’ способствует формированию сатирического, комического фона в тексте. Однако в стилистически нейтральных текстах и в литературном языке использование данного слова было бы неуместным и грубым.

Талбах

Соответствия лексеме *талбах* имеются в других тюркских языках. Авторы «Этимологического словаря монгольских языков» отмечают специализированное и узкое значение данного слова в монгольских языках: *talbay* [*talba-γ] халх., бур. *талбаг*, калм. *талвг* ‘подушка для сидения’. ◇ Ср. кирг. *талтак* ‘высушенная кожа жеребёнка, служащая подстилкой при шерстобитии; выделанная шкура зверя, служащая для подстилки’ [Санжеев и др., 2018, с. 150]. Некоторые исследователи данную лексему считают монгольским заимствованием и отмечают её генетическую связь с глаголом *talbaya* «расстилаться; раскидываться» [более подробно: Сравнительно-историческая грамматика..., 2001, с. 387].

В хакасском языке слово *талбах* используется чаще в переносном значении в отношении взрослого человека мужского или женского

пола. **Талбах** «1) телячья или коровья шкура низкого качества (плохо обработанная); *талбах пöрiк* шапка из телячьей шкуры; 2) необработанная, засушенная телячья или коровья шкура, подкладываемая в юрте для сиденья, а также для подстилки под ручную мельницу; *талбах салып одырарга* сидеть, подостлав телячью шкуру; <...>; 3) непригодный (негодная для использования вещь); *талбах хаңаа* негодная (старая) телега; 4) *перен. пренебр.* никудышный, опустившийся человек; <...>; 5) *перен.* опустившаяся женщина, проститутка; ♦ *kizı талбагы поларга* заниматься проституцией» [Хакасско-русский словарь..., 2006, с. 581]. В соответствии с последними двумя переносными ЛСВ, указанными в данной словарной статье, мы выделяем следующие их контекстуально-прагматические оттенки:

– «презрение»: *Позыдыбыссам, ол талбах-тың хойына кір парарзың нооза* (Кча, с. 118) – Если я тебя отпущу, ты же попадёшь в объятия этого ничтожества; *Ол талбахты мин амох пу хурнаң моондыр салам* (Ах, с. 246) – Это ничтожество сейчас задушу этим ремнём; *Айдолай пісті хаңыртып салды. Ол талбах минің чібек хурымны оғырлирга иткен* (Ах, с. 226) – Айдолай обманул нас. Этот никчёмный человек хотел украсть мой шёлковый пояс;

– «пренебрежение, неуважение»: *Хат аларга ба, талбах? Ир саат чөрчезің мында!* (Кча, с. 244) – Что, жениться захотел, ничтожество? Ходишь тут, воображаешь!; *Айдолай теен талбах хызыңарга худалан чөрче* (Ах, с. 225) – Ничтожество по имени Айдолай ходит тут сватается к вашей дочери; *Олар хайдаг даа талбах ползалар, че турада чуртапчалар* (Хё, с. 62) – Они хоть и ничтожные людишки, но живут в доме;

– «унижение»: – *Хайа хойларым, талбах-тар?* (Ах, с. 234) – Где [мои] овцы, мелюзга?; – *Эй, чалчы, пу талбахха стан, көгенек ағылдах. Позыңның даа кип-азаң суур тир* (Ах, с. 251) – Эй, слуга, этому ничтожеству принеси-ка штаны, рубашку. Сними хоть свою одежду.

В отношении к опустившейся (по мнению говорящего) женщине лексема **талбах** используется в сочетании с **чон** (*чон талбагы* букв. ‘ничтожество народа’), **ир** (*ир талбагы* букв.

‘ничтожество мужчины’) и др.: – *Син... Син хуу хатсың! Син, тізең, ирнің талбагы!* (Кча, с. 244) – Ты... Ты – ведьма! А ты – есть ничтожество мужчины.

Так же лексема **талбах** используется в качестве ругательства в состоянии злости и гнева в отношении к кому-либо: **Талбах!** *Сынап уйат пілбес ниме полтыр* (Кча, с. 220) – Ничтожество! Действительно, бесстыжее существо, оказывается!; – **Талбах!** *Ўзілбес тыныңны ўзе тартыбызам* (См, с. 168) – Ничтожество! Сейчас убью тебя (букв. [твое] необрываемое дыхание сейчас оборву).

Как видим, реализация того или иного признака в семантике данного слова зависит от характера семантического контекста, благодаря которому стилистические коллокации могут быть неожиданными.

Табан

«Хакасско-русский словарь» показывает двойственный характер (положительный и отрицательный оттенки) семантики слова **табан**: «разг. 1) ирон. герой, тип, молодец, удалец, детина; {...}; 2) вор, похититель, мошенник, пройдоха, тип; *күлүк табан* а) *ирон.* ловкий тип; б) ловкий пройдоха (мошенник, вор), легко совершающий неблагоприятные дела; *мирчең табан* непослушный (непробиваемый), пройдоха (мошенник); {...}» [Хакасско-русский словарь..., 2006, с. 567–568]. Возможно, имеется этимологическая связь данного слова с древнетюркским **тав** «характер, натура, организм; {...}» [Древнетюркский словарь, 1969, с. 525]. В хакасской разговорной речи этим словом именуют лиц мужского пола, чаще среднего возраста. Наш материал показал, что лексема **табан** используется в двух случаях:

а) если говорящий/наблюдатель хорошо знает человека и хочет выделить какие-либо черты его характера. Отрицательный и/или положительный окрас семантики слова находится в зависимости от коннотативного содержания окружающих слов. Если лексема **табан** сочетается с актуализирующими отрицательные черты характера словами, то происходит его смысловая корреляция в сторону негативного восприятия: *тип, детина, пройдоха*

и т.д.: *Мының алында олар, тамкы тартып, арага ісчең табаннар полгааннар* (Хө, с. 74) – Раньше они были пьющие и курящие типы.

Положительная оценочность семантики данного слова эксплицируется в сочетании со словами, описывающими нейтральные или положительные качества человека. В таком случае *табан* выражает значение, соответствующее русск. *молодец, удалец*. Примеры: *Мин, кұр, хормачы табан, андаг уйатха кір парғам* (Кча, с. 264) – Я, зазорный молодец, шутник, вот так опозорился; *Пайсанах амыр, тыынчах, харам арах чиит табан* (Кча, 273) – Пайсанчик спокойный, хозяйственный и немного прижимистый тип; *Мині, иң чабас табанны, арага ал килерге ызыбыстылар* (Хө, с. 76) – Меня, самого тихого удалца, отправили за водкой. *Апсах, кірі дее полза, хатчыгай табан полған* (Хө, с. 163); – Старик, хоть и старый, но был ловким молодцом; *Мин пістің аалдағы Терентий тайыма морсынчам. Пот, мурген табан!* (Т, с. 71) – Я восхищаюсь [моим] дядей Терентием из нашей деревни. Вот он меткий молодец!;

б) если участник ситуации не знаком с говорящим/наблюдателем, однако его внешние физические данные внушают уважение или опасение говорящему субъекту: *Мына пір кұчұн не симіс табан кір килді. Минзер матап ла көрче* (Хө, с. 147) – Вот зашёл здоровый толстый тип. Смотрит на меня в упор; *Ол турадаң ырах таа парбин, пір переулокча чыс паризанымда, пір спортсмен осхас табан удур килір* (Хө, с. 148) – Когда я шёл по переулку недалеко от этого дома, идет навстречу какой-то тип, похожий на спортсмена; – *Син нимессің ме андагда! – тіпче ол табан. – А кем андагда Иван?* (Хө, с. 148) – Это не ты, что ли? – говорит этот тип – А кто тогда Иван?

Ниме/нимечек

«Ниме 1. 1) мест. что; {...}; 2) перен. презрит. кто; *ноо ниме килді* кто это зашёл? *Хайдаг ниме чөр анда?*; {...}; 2. вещь, имущество. *Нимең пар ба?* Есть у тебя вещи?; *нимеңер хайдадыр* где ваши вещи? {...}; 3. В служебном значении употребляется для образования формы собирательности; *пабам ниме ибде чоғыллар* [моих] родителей нет дома;

{...}» [Хакасско-русский словарь..., 2006, с. 278-279]. Как известно, в хакасском языке, как и в других языках, местоимением *ниме* ‘что’ обозначаются неодушевлённые имена. Однако в коммуникативном дискурсе третье лицо, независимо от гендерной принадлежности и возраста (за исключением детей), может быть назван *ниме* ‘что’ в значении *тип* или *существо* в том случае, если говорящий выражает к нему своё презрение и неуважение: *Пір ниме килді* – Один тип пришёл; *Тігі алаамдыр ниме чи нимее анда пугаланча* (Кча, с. 265) – Тот тупой тип чего так бычится?; *Позыга хазадыт ала, хайди чөрген ниме анаң ол, – хазалчых табыстар сыххан пірсі пірсінің соонча* (Чт, с. 12) – Как же ходил этот тип с гвоздём в обуви, – один за другим слышались осуждающие голоса. Местоимение *ниме* в значении ‘тип’ также может сочетаться с характеризующими словами: *Анаң кемнең хада чуртирбын... Агаа хоза... хынчам мин ол алаамдыр нимее* (Кча, с. 25) – Тогда с кем я буду жить... К тому же ... люблю я этого **дурного типа**.

Как известно, экспрессивные слова могут создаваться с помощью грамматических форм. Если в вышеприведённых предложениях местоимение *ниме* ‘что’ используется в отношении к человеку с оттенком пренебрежительности, попирания, презрения, то прибавление уменьшительно-ласкательного аффикса *-чек* придает этому слову оттенок умиления. Как показывает материал, термином *нимечек*, семантика которого может соответствовать русскому ‘штучка (по отношению к лицу женского пола)’, именуют молодых красивых женщин. При этом сочетаемостный потенциал данного слова предполагает соответствующую характеристику: *иптіг* ‘хорошенькая’, *тадылыг* ‘сладкая’ и т.д.: *Ипчизінең чалтанчам. Иптіг нимечек* (Кча, с. 146) – [Я] стесняюсь [его] жену. Хорошенькая штучка; *Пірее абахай арах нимечек таптааннар ба?* (Кча, с. 252) – Что, они не нашли, что ли, какую-нибудь красивую штучку?; *Мындаг нимечек полған на ирге чапсынар* (Кча, с. 210) – Такая штучка прилипнет к любому мужику; *Син, ээрген, хайди полчазың? Анаң... тігі... хынчам, чахсы нимечек теезің хайза* (Кча, с. 123) – Ты

что делаешь, чёрт проклятый? Того ... же ... люблю, говорил ведь ты, что она хорошенькая штучка; *Мына хайдаг тадылыг нимечекке учурадым* (Ах, с. 231) – Вот я встретил сладкую штучку.

Подобную эмоционально-экспрессивную окраску при прибавлении уменьшительно-ласкательного аффикса приобретают и другие слова: *чистек* ‘ягода’ – *чистегес* ‘ягодка’, *чахайах* ‘цветок’ – *чахайагас* ‘цветочек’, *хус* ‘птица’ – *хузыцах* ‘птичка’ и др.: *Ол намачылыгларның хыстары, сынап таа, синине чит парган чистегес. Түрче полза, мин аны иркелет пастим, неке* (Ах, с. 245) – Дочь этих нищebroдов (букв. заплаточных) уже созревшая ягодка. Наверное, уже скоро я буду её ласкать. Прибавление уменьшительно-ласкательного аффикса даже к грубому (обсценному) слову *хат* ‘баба’ значительно меняет его восприятие на позитивную установку: *Ам киліскек хатыцах тілетчөм. Кафестораннарча чызын чөрчөм* (Хө, с. 172) – Теперь ищу подходящую женщину (букв. бабёнку). Таскаюсь по ресторанам и кафе. Тем самым подобные лексические обороты с уменьшительно-ласкательным аффиксом в отношении к молодым женщинам содержат оттенок умиления, нежности, а также желание более близких отношений с ней.

Однако в некоторых случаях уменьшительно-ласкательный аффикс утрачивает свою эмоциональную функцию и придаёт семантике слова уничижительно-презрительный оттенок, например, *табанах* ‘человечек’, *кızıчөк* ‘человечек’, *позыцах* ‘сам’ (в уменьш.-ласк. форме): *Позычаан на махтап одыр* – Себя (в уменьш.-ласк. форме) только хвалит. Эмоциональный аспект уменьшительно-ласкательной формы более подробно описан в монографии И.М. Таракановой (Чебочаковой) «Диминутивы в хакасском языке» [Тараканова (Чебочакова), 2011].

Следует подчеркнуть одну коннотативно-прагматическую особенность экспрессивных слов: они используются только в отношении взрослых людей, что подтверждается нашим фактическим материалом. Видимо, по понятным морально-этическим нормам хакасского

и других этносов, экспрессивные слова отрицательной семантики не применимы в отношении детей.

Глагольные средства выражения комического эффекта в тексте

Глагол как самая сложная и разнообразная часть речи в плане передачи экспрессии обладает высоким уровнем эмоционально-насыщенного и семантико-стилевого потенциала, чему способствуют его многозначность и многообразие грамматических форм. В юмористических рассказах хакасских авторов наиболее частотны глаголы с переносным значением, а также глаголы со словообразовательными элементами, придающими ему оценочные и образные значения. Мы выделили отдельные семантические группы на основе денотативной семантики составляющих их лексических единиц:

✓ глагольная лексика с общим значением ‘вести себя каким-либо образом’: *хаанна* – ‘вести себя агрессивно по отношению к кому-либо; придирааться’, *ырбаңна* – ‘гримасничать; вести себя легкомысленно’, *хахаңнас* – ‘о многих: хихикать, вести себя несерьёзно’, *тырбахтан* – ‘царапаться, чесаться; перен. карабкаться’, *ырган* – ‘сидеть и брюзжать’, *хоцаңна* – ‘вести себя легкомысленно’, *тырбаңна* – ‘1) дрыгаться; 2) перен. воображать, вести себя вызывающе’ и т.д. Примеры: *Мин анда [тогыста] тир ырлаанча ырганчам* (Хө, с. 142) – Я на работе тружусь до пота; *Ам рынок. Посха тырбахтанарга кирек* (Хө, с. 34) – Сейчас рынок. Надо самому карабкаться; *Пир кизіні ле көр салзалар, аны ла тутхлап сыхчалар* (Хө, с. 89) – Увидят одного человека, затем только его грызут; *Оларны чазирга кирек, анаң көмес ле хыйа улыбыссаң, пасха ирнең хоцаңназарлар* (Хө, с. 104) – Их надо одевать, затем только ненадолго отвернёшься, начинают флиртовать с другим мужиком;

✓ глагольная лексика с общим значением ‘двигаться куда-либо’: *талтаңна* – ‘двигаться неуклюже’, *чайхаңна* – ‘двигаться, покачиваясь’, *тырландыр* – ‘двигаться быстро,

бежать, сүс- груб. 'идти', *сыылат-* 'двигаться быстро или на транспорте', *чыс-* '1) вытирать; 2) идти', *одырыбыс-* 'уйти, уехать', *сүсклен чөр-* 'ходить бодаться' и т.д. Примеры: *Харам апсах тимір чол вокзалынзар талтаңнаан* (Хө, с. 153) – Старик Харам (неуклюже) шёл в сторону железнодорожного вокзала; *Ікі хыс ырбаңнас парирлар. Ікізінің дее пастарында норка пөріктер* (Т, с. 44) – Две девушки идут (легкомысленной походкой). У обеих на головах норковые шапки; *Сүс мыннаң* (Хө, с. 76) – Иди (шуруй) отсюда; *Анаң паза иссең, хайдар-да чир көрерге сыыли халған полча* (Хө, с. 75) – Через некоторое время узнаёшь, он улетел куда-то в путешествие;

✓ глагольная лексика с общим значением 'пить спиртное': *шал-* прост. '1) ударить; 2) перен. пить'; *хышлат-* прост. 'пить', *тарт-* '1) тянуть; 2) перен. пить', *урын-* '1) выливать на себя; 2) перен. пить', *тыгын-* '1) обжираться; 2) перен. пить' и др. Примеры: *Хайа, пірее кружка тиво шалыбызим! Көңнім көдірібізим* (Хө, с. 156) – Дай-ка кружку пива выпью (соотв. русск. жажну). Чтоб [свое] настроение поднять; *Паргабыс ол ипчизер. «Сухой» арага хышлат парчабыс* (Хө, с. 147) – Пошли мы к этой женщине. Сухое вино пьем (соотв. русск. хлещем); – *Ахсыңардаң нога-да хабах арагазы чыстанча. – А, минің тізім ағырып, көмес тартыбысхам* (Хө, с. 18) – Что-то от вас водкой пахнет. – А, у меня зуб болел, поэтому немного выпил (соотв. русск. тяпнул);

✓ глагольная лексика с общим значением 'умереть': *ташли хал-* '1) шлёпнуться; 2) перен. умереть'; *талбаңни хал-* '1) колыхаться; 2) перен. умереть; коньки отбросить'; *тапли хал-* '1) падать с шумом; 2) перен. умереть'; *тракай пар-* 'умереть'; *талой пар-* 'умереть' (образовано сочетанием русизма *долой* и глагола *пар-* 'уходить', буквально переводится как 'долой уходить') и др. Примеры: *Сынап таа, имненерге кирек. А то тігі, ташли халарга үр нимес* (Хө, с. 7) – Лечиться надо. А то того, шлёпнуться (лопнуть) недолго; *Арага чохта, магазиндегі одеколон, стеклоочиститель, дихлофостар даа артыстин, ізіп, тракай пар халғаннар* (Хө, с. 77) – Когда в магазине не было водки, они не оставили ни одеколонов, ни стеклоочистителей, ни дихлофосов, поэ-

тому они умерли (тракай); *Ам пу тараканнар прай талой парар* (Хө, с. 162) – Теперь эти тараканы все умрут (долой). Как видим, переносное значение 'умереть' реализуется сложными глаголами. Вспомогательные глаголы *хал-* букв. 'оставаться' и *пар-* букв. 'идти' добавляют в семантику глагола признак завершенности и необратимости действия. Отметим, что слово неизвестного происхождения *тракай* и русское заимствование *талой*, кроме как с *пар-* букв. 'идти', не могут сочетаться ни с одним вспомогательным глаголом;

✓ глагольная лексика с общим значением 'говорить что-либо': *ізім-* '1) согреть; 2) перен. сказать остроумно, задеть кого-либо за живое', *тошлат-* '1) стучать; 2) перен. сказать', *чөргіс-* понуд. от *чөр-* 'ходить' '1) заставить ходить; 2) перен. говорить что-либо', *марла-* '1) реветь, плакать; 2) перен. орать'; *ыра тарт-* '1) рвать; 2) перен. орать' и т.д. Примеры: *Синің хатыг тіліңе тогырлан полбас олар, тўнее хайди артых харыннарны ізім пирчеттің* (Чт, с. 14) – Они не смогут возразить твоим строгим словам (букв. [твоему] твёрдому языку), как ты недавно задел за живое этих дармоедов (букв. согрел этих лишних животов); *Аны – харибге, мині – больницаа, – пір дее айанмин чөргіс салып одыр Чыхын Никитович* (Чт, с. 10) – Его – в тюрьму, а меня – в больницу, – жёстко рассуждает (букв. заставляет ходить) Чыхын Никитович; – *Хайдар сыынчазың! – марли тўскен Аахтаска* (Хө, с. 92). – Куда прёшь! – заорала Аахтаска; *Ам мин тасхартын ыра тартчам: – Эй, сыхтах, сыхтах, Асап хызы...* (Хө, с. 96) – Теперь я с улицы ору: – Эй, выходи, выходи, дочь Асапа...;

✓ глагольные выражения с общим значением 'уволить с работы': *сыгара чыс-* букв. 'вытереть'; *сыгара теп-* 'выпнуть'; *сыгара сас-* 'вытолкнуть' и т.д. Здесь все глаголы сочетаются с послелогом *сыгара*, восходящим к понудительной форме глагола *сых-* 'выходить' и выражающим пространственное отношение. Подобные выражения характеризуются экспрессивно-эмоциональной выразительностью, в отличие от их стандартного (стилистически нейтрального) варианта *тогыстаң сыгар-* букв. 'выводить с работы'.

Примеры: *Миниң танызымны, Муклайны, тогыстаң сыгара чызыбыстырлар. Таң күн иртірібіскен, таң тогыста изірік пол парган. Ыр чоохтаспааннар, сыгара тебіскеннер* (Хө, с. 71) – Моего знакомого, Муклая, уволили (букв. вытерли) с работы, оказывается. То ли прогулял, то ли на работе был пьяный. Долго не разговаривали, выпнули; *Пастыхтарга ноо хысхырчазың, тогыстаң сыгара састырыбызарга ба?* (Хө, с. 90) – Зачем [ты] орёшь на начальников, хочешь, чтоб тебя уволили (букв. вытолкнули) с работы?; *Че Чымыйаковты тогыстаң сыгара саспааннар* (Хө, с. 90) – Но Чымыйакова с работы не уволили (букв. не вытолкнули);

✓ семантически одиночная глагольная лексика: *шил-* прост. ‘бросать’; *хойбаңна-* ‘влиять’; *наар-* ‘1) подпирать; 2) перен. делать что-либо’; *нүгірел-* ‘1) быть горбатым; 2) перен. много и тяжело работать’; *чапла-* прост. ‘шлёпнуться’; *харын хыыхта-* букв. ‘живот скрипит’; перен. ‘хотеть есть’; *махазы хан-* ‘получать чрезмерное удовлетворение’ и т.д. Примеры: *Анаң түрчеден трусымны көзенектең сыгара шилібіскен* (Т, с. 46) – Затем она выкинула мои трусы через окно; *Пістің тогыста техника кирек. Кір андар паза сооңнаң хойбаңнат чөр* (Хө, с. 142) – У нас на работе требуется техника. Устраивайся туда и там вливай своим задом; *Школаа даа паргалах, а карта чабал наарча. Мини дее «дуракка» артыс салча* (Хө, с. 53) – [Он] даже в школу не ходит, а в карты как хорошо играет (букв. так плохо бьет; *чабал* ‘плохо’ выражает интенсивность действия). Даже меня оставляет «в дураках»; *Хыйга кізілер дачаларда күн иртірчелер, а миниң андаг нимее көңнім чаттинча: тогыста күнзіре ырганарга, анаң дачада нүгірелерге* (Хө, с. 54) – Умные люди на дачах проводят дни, а у меня нет такого настроения: на работе целый день торчать, затем на даче горбатиться.

Все перечисленные здесь семантические группы глагольных экспрессивов основываются на денотативной базе контекстуального содержания, «... где смысловой центр тяжести приходится именно на субъективную оценку» [Матвеева, 2013, с. 11]. Таким образом, формирование и функционирование экспрессивного

слова в тексте способствует развитию многозначного потенциала слова.

Следует отметить, что немалая часть привлечённых нами к анализу экспрессивных слов, несмотря на свою частотность в разговорной речи, отсутствует в «Хакасско-русском словаре» (2006), поскольку при его создании авторы, видимо, ориентировались, в первую очередь, на литературный вариант хакасского языка. Или же в словарных статьях некоторых слов не обозначены их переносные экспрессивные значения, например, «*сыылат-* понуд. от *сыыла-* заставить шипеть, жужжать; *сыылат-пасха* не давать возможность шипеть (змеям); жужжать (насекомым); гудеть (об аппаратуре); *ух сыыладарга* издавать свист (о пулях)» [Хакасско-русский словарь..., 2006, с. 563]. Однако в повседневном общении данный глагол применяется в значении ‘двигаться быстро и с шумом’ без конкретизации способа движения: *Ам, кил, машинаа одырып, ыр-көгөң сыылатчалар. Ирепейниң иди хылчыгастанча* (Хө, с. 132) – Теперь [они], сев в машину, помчались с музыкой. У Ирепея аж внутри щекочет; *Ахчаң сыгар, чарымга сыылат пар кил* (Хө, с. 119) – Вытаскивай [свои] деньги, сходи быстро (слетай) за бутылкой водки; *Ибімзер, ух ла чили, сыылатхам* (Хө, с. 141) – Домой [я] летел, как пуля. Как глагол движения *сыылат-* актуализирует сему быстроты и интенсивности.

Или же возьмём глагол *ырбай* «разг., груб. 1) ощериваться; гримасничать губами; *ырбайып ылгирга* плакать, ощериваясь; 2) перен. плакать, реветь; *нимее ырбайып одырың* разг. чего расплакался; ◇ *ырбай парарга* сильно состариться; {...}» [Хакасско-русский словарь..., 2006, с. 1044]. Анализ нашего материала показывает, что у данного глагола имеется также лексико-семантический вариант (ЛСВ) «обижаться»: – *Ну, пот, – ырбай чөрібісті хызым. – Позы моднай тонан салган, а магаа чарабас, йа?* (Хө, с. 109) – Ну, вот, – обиделась [моя] девушка. – Сам модно оделся, а мне нельзя, да?; – *Тик чирге ле сеге трусылар ал тирчем, – ырбай парыбысхан Стюразы* (Хө, с. 156) – Зря только я тебе покупаю трусы, – обиделась Стюра.

В словарной статье глагола *чалбай-* «1) сплющиваться, делаться плоским; {...}; 2) быть широким; {...}; 3) перен. разг. широко, радостно улыбаться; расплываться в улыбке; {...}» [Хакасско-русский словарь..., 2006, с. 932]. ЛСВ «сидеть плашмя» тоже не указан. На наш взгляд, в силу своей частотности глагола *чалбай-* в данном значении состоялся как двусторонняя лексическая единица: *Tigi arab chirindegi sułtan na čili čalбайын алғам* (Хө, с. 173) – Я сидел плашмя, как султан на арабской земле.

Тем самым, если даже подобные признаки (или семантические множители) многих экспрессивов не находят отражения в лексикографических описаниях, в языковой картине мира носителей языка сохраняются и осознаются их ассоциативные связи. Такие эмпирические потенциальные компоненты открывают возможности для развития семантической структуры слова. Переносные ЛСВ многозначного слова эксплицируются на идеях отклонения от нормы, а не на первоначальной базовой части лексического значения слова.

Выводы

Мы проанализировали слова, относящиеся к категории экспрессивной лексики, функционально-стилевая принадлежность которых определяется выражением эмоций и оценок говорящего. Собранный нами материал показал, что экспрессивные слова реализуются, как правило, в прямой речи или же в рассуждениях/рассказах говорящего/наблюдателя, поскольку данный богатый и разноуровневый пласт ориентирован на отражение субъективного мнения по поводу предмета речи и эмоционального отношения к собеседнику или третьему лицу. Тем самым в поле нашего зрения оказались речевые и индивидуально-авторские единицы.

Экспрессивные слова выделены нами по категориально-грамматической и семантикотематической соотнесённости: именные и глагольные. Именные средства выражения комического в юмористических рассказах обычно содержат оценочную и эмоциональную конно-

тации. На примере наиболее частотных лексем *чүс* груб. ‘лицо’, *талбах* перен. ‘ничтожество’, *табан* ‘тип, молодец’, *ниме* перен. ‘тип’ выявлены функционально-ситуативные особенности, проявляющиеся в основном в отношении говорящего к собеседнику или третьему лицу. Глагольные же средства выражения комического являются наиболее богатым пластом экспрессивной лексики, что объясняется их предельно широкой денотативной характеристикой. В целом же на разговорно-бытовом уровне экспрессивные слова обладают обобщающим значением, граничащим с десемантизацией, что даёт им широкий прагматический потенциал. Именно с этой их особенностью связан факт отсутствия многих экспрессивных слов в лексикографических источниках или недостаточная их словарная интерпретация. Однако достоверная коммуникативная компетенция, основанная на хорошем знании родного языка, позволяет его носителям на интуитивном уровне воспринимать и использовать в речи все смысловые и экспрессивные тонкости родного языка.

Иллюстративные источники

- АМТ – Добров С.К. А.М. Топановха – 80 час // Ах тасхыл. Литература альманағы. Абакан: Хакасское отд-ние Красноярского кн. изд-ва, 1983. С. 59–65.
- Ах – Котожеков Г.Г. Айдолайның хаңалчостары // Пьесалар. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1991. С. 219–263.
- Кча – Топоев Ю.Г. Көңнім чайғам айабин... Любовь дарил, не жалея. Пьесы, рассказы, стихи, очерки. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2012. 400 с.
- См – Шульбаева В.Г. Сыын мўўзі. Пьесалар. Абакан: Хакасское отд-ние Красноярского кн. изд-ва, 1991. С. 137–175.
- Т – Топоев И.П. Той // Хан тигір. Хоос литература альманағы. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1995. С. 39–341.
- Тхч – Туран М. Тигір хурлығ чирім: чоохтар чыындызы. Абакан: Дом литераторов Хакасии, 2019. 165 с.
- Хө – Топоев И.П. Хоналтаһ өдік – 2. Хормачы чоохтар. Абакан: Дом литераторов Хакасии, 2014. 188 с.
- Хч – Хакас чирі. Хакас Республиканың газетазы.

Литература

- Валиева Л. Ф.** Проблема разграничения разговорной и просторечной лексики в русском языке // Вестник ЮГУ. 2016. № 1 (40). С. 49–52.
- Древнетюркский словарь.** Редакторы В. М. Надеждин, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Ленинград: Наука, 1969. 676 с.
- Лукьянова Н. А.** Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2015. Т. 14. Вып. 9: Филология. С. 183–201.
- Лукьянова Н. А.** Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск: Наука, 1986. 230 с.
- Матвеева Т. В.** Экспрессивность русского слова. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 173 с. [Электронный ресурс] URL: <http://hdl.handle.net/10995/28651> (дата обращения: 06.04.2023).
- Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.** Этимологический словарь монгольских языков. Т. III: Q–Z. М.: ИВ РАН, 2018. 240 с.
- Семёнова Е. Е.** Когнитивное обоснование юмора в современной лингвистической науке // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. № 1. С. 78–84.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, И. Г. Добродомов, А. В. Дыбо, И. В. Кормушин, Л. С. Левитская, О. А. Мудрак, К. М. Мусаев.** М.: Наука, 2001. 822 с.
- Тараканова (Чебоचाкова) И. М.** Диминутивы в хакасском языке. Абакан: Изд-во ООО «Сервисный пункт», 2011. 116 с.
- Хакасско-русский словарь=Хакас-орыс сөстiк.** Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
- Чан Тхань Тунг.** Лексические средства выражения комизма в русских юмористических текстах // Русистика. 2012. № 2. С. 25–29.
- Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы Ж, Ж, Й.** Ответ. ред. Л. С. Левитская. М.: Наука, 1989. 292 с.
- E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak.** Leningrad, Nauka, 1969, 676 p. (In Russian).
- Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy Ж, Ж, Й [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and Inter-Turkic bases for letters Ж, Ж, Й].** Executive editor L. S. Levitskaya. Moscow, Nauka, 1989, 292 p. (In Russian).
- Khakassko-russkii slovar' = Hakas-orys söstik [Khakass-Russian Dictionary].** Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p. (In Russian and Khakass).
- Lukyanova N. A.** Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya (problemy semantiki) [Expressive vocabulary of colloquial use (problems of semantics)]. Novosibirsk, Nauka, 1986, 230 p. (In Russian).
- Lukyanova N. A.** Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya v semanticheskom aspekte [Expressive vocabulary of colloquial use in the semantic aspect]. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History. Philology*, 2015, vol. 14, issue 9: Philology, pp. 183–201. (In Russian).
- Matveeva T. V.** Ekspressivnost' russkogo slova [Expressiveness of the Russian word]. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013, 173 p. URL: <http://hdl.handle.net/10995/28651> (accessed on April 06, 2023). (In Russian).
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V.** Etimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov [Etymological Dictionary of Mongolian Languages]. Vol. 3: Q–Z. Moscow, The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2018, 240 p. (In Russian).
- Semyonova E. E.** Kognitivnoe obosnovanie yumora v sovremennoi lingvisticheskoi nauke [Cognitive substantiation of humor in modern linguistic science]. *Bulletin of A. S. Pushkin Leningrad State University*, 2010, no 1, pp. 78–84. (In Russian).
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Vocabulary] / E. R. Tenishev, G. F. Blagova, I. G., Dobrodomov, A. V. Dybo, I. V. Kormushin, L. S. Levitskaya, O. A. Mudrak, K. M. Musaev.** Moscow, Nauka, 2001, 822 p. (In Russian).
- Tarakanova (Chebochakova) I. M.** Diminutivy v hakasskom yazyke [Diminutives in Khakass]. Aбакан, ООО “Сервисный пункт”, 2011, 116 p. (In Russian).
- Valieva L. F.** Problema razgranicheniya razgovorno i prostorechnoi leksiki v russkom yazyke [Problem of distinguishing colloquial and vernacular vocabulary in Russian]. *Bulletin of Yugra State University*, 2016, no. 1 (40), pp. 49–52. (In Russian).

References

- Chan Than Tung.** Leksicheskie sredstva vyrazheniya komizma v russkikh yumoristicheskikh tekstakh [Lexical means of comic expression in Russian humorous texts]. *Rusistika*, 2012, no 2, pp. 25–29. (In Russian).
- Drevnetyurkskii slovar' [Old Turkic Dictionary].** Edited by V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov,

ОБРЯДОВАЯ ШАПКА – ДЬАБАКА ЯКУТОВ: ЭТИМОЛОГИЯ, СЕМИОТИКА

Л. С. Ефимова, А. К. Абдрахманова, Е. В. Зверева

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, ул. Белинского, 58, Якутск, 677000, Россия; email: ludmilaxoco@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7360-6917

В статье рассматриваются мировоззренческие основы символов и знаков на примере анализа обрядовой шапки – *дьабака* древних якутов. Источниками послужили фотоматериалы из музейных коллекций РЭМ, Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского, частная коллекция народного художника Якутии А. Н. Зверевой, также публикации по данной теме, включая научные исследования и иллюстративные издания и альбомы. Головной убор якутов является главным элементом в атрибутике обрядовых действий, имеет символическое значение и подчеркивает социальный статус. Шапка – *дьабака* выступает в качестве главного посредника в ритуалах между людьми и Верхними божествами, параллельно выполняя особую оберегательную и коммуникативную функции.

Ключевые слова: обрядовая культура якутов, шапка – *дьабака*, знаки и символы, традиционная одежда, песня, С. А. Зверев.

THE CEREMONIAL HAT – THE YAKUTS' DYABAKA: ETYMOLOGY, SEMIOTICS

Lyudmila S. Yefimova, Alina K. Abdrakhmanova, Yevdokiya V. Zvereva

M. K. Ammosov Northeastern Federal University of Yakutsk, 58 Belinsky Str., Yakutsk, 677000, Russia; email: ludmilaxoco@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7360-6917

The article examines the ideological foundations of symbols and signs on the example of the analysis of the ritual hat – the *dyabaka* of the ancient Yakuts. The sources were photographic materials from the museum collections of the Russian Ethnographic Museum, E. Yaroslavsky State United Museum of History and Culture of the Peoples of the North in Yakutsk, the private collection of the People's Artist of Yakutia A. N. Zvereva, as well as publications on this topic, including scientific research and illustrative publications and albums. The Yakut headdress is the main element in the attributes of ritual actions, has a symbolic meaning and emphasizes social status. The *diabaka* hat acts as the main mediator in rituals between people and the Upper Deities, simultaneously performing special protective and communicative functions.

Keywords: ritual culture of the Yakuts, diabaka hat, signs and symbols, traditional clothing, song, S. A. Zverev.

Введение

Развитие семиотики как науки о знаках и знаковых системах позволяет применить ее положения и в области изучения женского головного убранства у якутов. В традиционном женском головном уборе любого тюркского народа каждый элемент расположен в соответствии с системой, отражающей традиционные мировоззрения, каждый элемент является знаком и символом.

В старину традиционная одежда якутов, обладая семиотическим значением, была связана с обрядовой культурой, которая являлась связывающим звеном человека с природой, Высшими божествами, защищающими от злых духов. Якутские женщины, молодые девушки наряжались в *бууктаах сон* 'нарядную шубу' или *кытыылаах сон* 'летнюю нарядную верхнюю одежду', надевали шапку – *дьабака*, поверх шубы надевали

серебряные украшения. Каждый элемент имел символы и знаки. Силуэтно-пластический образ традиционной одежды является наиболее воспринимаемым на большом расстоянии, образуя правильный конусообразный силуэт, повторяя конструктивную особенность якутского летнего жилища *ураха* [Зверева, 2015, с. 125]. Форма конуса определяет общее композиционное построение женской традиционной одежды, которое неразрывно связано с окружающим миром. В мифологии якутов *ураха* олицетворяла связь с космосом. Такая форма одежды символизировала благополучие и процветание рода, племени, народа.

Основная часть

Головной убор по социально-иерархической семантике образует единую знаковую систему, в которой, кроме эстетического и практического назначения, он несет самую сложную смысловую нагрузку, являясь маркером половозрастной, социальной и этнической принадлежности [Калашникова, 1990].

Головной убор у древних якутов является символом поклонения Высшим божествам. Почти все головные уборы у якутов устремлены ввысь к небесам, украшены орнаментами, олицетворяющими изобилие и небесное покровительство [Корякина, 2015, с. 61]. Поэтому древние шапки у якутов были высокими, наверх шапок украшали декоративными закодированными знаками [Петрова, 1999, с. 59–62]. У других народов имеются шапки,

Рис. 1

похожие на якутскую *д'абак*. Так, у телеутов высокую шапку называли *чабак*, у русских меховая шапка с высоким наверхишем называется *чибак/чебак*.

Шапка *д'абак*

1. *Дабак*, *дабакка* [ср. тел. *чабак* – высокая

шапка и русск. *чибакъ*, *чебакъ* – женская меховая шапка] = *д'абак*; 2. *Дабак* (к)а *бэргэсэ* – старинная женская высокая меховая изнутри и снаружи шапка, закрывающая уши [Пекар-

ский, 1959, с. 700], из классического комплекта нарядного женского традиционного костюма богатой якутской женщины является уникальным предметом материально-духовной культуры якутского народа.

Современными исследователями она воспринимается как важный этнографический источник изучения хозяйственных отношений, коренного уклада жизни, дает точную информацию, отображает сложное образное внутреннее символическое содержание, в культовом отношении тесно сопряжена с особенностями жизнедеятельности и обрядовой культурой.

Конструктивное и декоративное решение особенности кроя, цвета, декоративной отделки является целой семиотической системой древней обрядовой культуры якутского народа. Трудоемкость работы, использование труднодоступного бисера и дорогих мехов наделяли одежду магической силой, а духовно-идейная семантика придавала свойства оберега (см. рис. 1).

Этимология якутского слова *д'абак* представляется интересной. Э.К. Пекарский приводил к якутскому слову *д'абак* параллель из телеутского наречия алтайских языков – *чабак* в значении 'высокая шапка' [Пекарский, 1956, с. 763–764]. Алтайское (теленгитское) слово *д'абак* обозначает «племенное и родовое подразделение алтайских народов». Далее находим в языке алтайских народов другое слово *д'абак* – 'жеребенок до двух лет' [Ойротско-русский словарь, 2005, с. 40]. Алтайское *д'абак* по фонетической структуре (СГСГСГ) соответствует якутскому *д'абак*, состоящему из такой же структуры. Но в семантическом плане двух слов наблюдаются изменения. Так, алтайское *д'абак* обозначает 'жеребенка', якутское *д'абак* понимается как 'шапка'. Финский ученый А.М. Рясенен (1893–1976) возводил якутское слово *д'абак* к тюркскому глаголу *йап* 'покрыть, крыть, покрывать, устилать'. У алтайцев имеется глагол *д'ап* в значении 'покрывать, закрывать, затворять' [Ойротско-русский словарь, 2005, с. 47], а в якутском языке есть глагол *сап* 'покрывать, закрывать, прикрывать' [Пекарский, 1956, с. 2088].

В семиотическом плане можно допустить, что глагол тюркских языков *йап* ‘покрыть, крыть, покрывать, устилать, покрывать, закрывать, прикрывать’ подходит к функциональной предназначенности шапки *дьабака*. Тогда основой якутского слова является глагол тюркских языков: *йап* с вариациями согласных в якутском языке: *сап-* ~ *дьап-*. Далее к основе *дьап* прибавилось ласкательное окончание *-ка*. В образовании слова по закону якутского языка произошла ассимиляция согласного звука (п) на (б) и перед окончанием добавлен

гласный (а). Тогда, по нашему мнению, схема образования слова *дьабака* выглядит следующим образом: основа: *дьап* + ассимиляция согласного звука (п) на (б) + добавление гласного (а) + окончание *ка*. Головной убор, по представлениям древних якутов, должен голову от нечистой силы, злых духов. Но вместе с этим шапка *дьабака* выступала как знак коммуникации и должна была возвышать не только женщин, но и шаманов до Высших божеств.

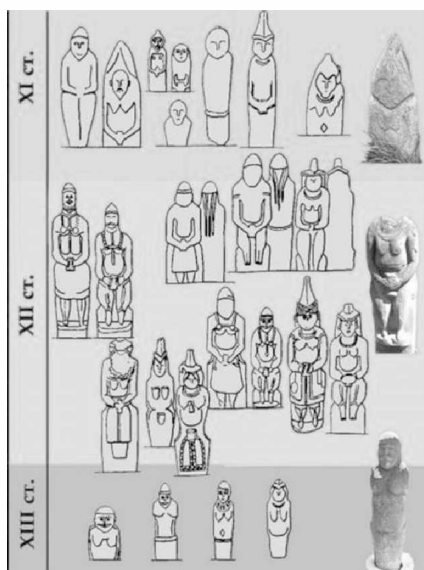

Рис. 2

Рис. 3

О сходстве якутской шапки *дьабака* могут свидетельствовать сделанные в музее фотографии древнетюркских памятников XI–XIII веков (см. рис. 2, рис. 3).

Якутская обрядовая шапка имеет несколько разновидностей. В свое время Э. К. Пекарский отмечал следующие разновидности шапки: *туоһахталаах дьабака бэргэһэ* ‘шапка с бляхой на верхушке’; *көмүстээх дьабака* ‘шапка с росомашьим околышем, с верхушкой (*туорчах*) из какой-нибудь хорошей материи с серебряными украшениями’; *торҕо (сукуна) дьабака* ‘нанковая (суконная) шапка’; *нуоҕайдаах торҕо дьабака* ‘нанковая шапка с пером на верхушке (*туорчах*)’ [Пекарский, 1956, с. 764]. В последующем исследователи выделяли уже локальные варианты шапок. Так, по материалам С. И. Петровой, в вилуйских улусах выделяли *тамаах дьа-*

бака. Бу Бүлүү улуунун сүннүүн дьахталларын бэргэһэтэ. Ураһа курдук быһыылаах, сүүһүгэр туоһахталаах [Петрова, 1999, с. 14]. Народный мастер, знаток традиционной культуры Б. Ф. Неустроев выделяет *хаан дьабака*. Термином *хаан дьабака* якуты обозначали самую по объему, великую, важную, почтенную по назначению шапку. Слово *хаан* в якутском языке имеет значение ‘большой, великий, важный, почтенный’ [Пекарский, 1956, с. 3295]. Следующую разновидность называли *хороох дьабака* ‘высокая шапка, размером в три лица человека’, она бытовала в Таттинском улусе. Слово *хорох/хороох* обозначает ‘остроконечную шапку с высокой макушкой’ [Пекарский, 1956, с. 3511].

Локальным вариантом является *күөс дьабака* ‘шапка, похожая на перевернутый глиняный горшок’. В словаре якутского языка

Э.К. Пекарский со ссылкой на информацию Д.Д. Попова констатирует *күөс бэргэһэ* «шапка с наушниками» [Пекарский, 1956, с. 1321]. Видимо, речь идет о другом виде шапки – *күөс бэргэһэ* ‘шапка с наушниками’, а не шапки *дьабака*.

Другая разновидность называлась *сирэй дьабака*. Слово *сирэй* обозначает ‘лицо; поверхность чего-либо, сторона (предмета); страница’ [http: www.sakhatyla.ru/]. По описа-

ниям информаторов, она похожа на переднюю часть камелька, с невысоким навершием.

На фотографии (см. рис. 4) запечатлена молодая женщина в шапке *дьабака* интересного фасона, которая похожа на переднюю часть камелька. Возможно, такие виды шапок и называли *сирэй дьабака*. На другой фотографии (см. рис. 5) представлена традиционная шапка *дьабака*.

Рис. 4

Рис. 5

Якуты поклонялись Божествам Верхнего мира и считали, что через теменную часть человека они дают силы, способствующие укреплению здоровья, и благополучие, поэтому навершие шапок декорировалось знаками и символами. Для обязательного украшения применялись серебро, особо ценились дорогое привозное красное сукно, разноцветный фарфоровый цветной бисер, золоченые или шелковые нитки, различные металлические бляшки.

В головном уборе якутов Верхний мир представлен в виде *туоһахта*, или *орой симэбэ* ‘серебряного круга солнца’, который, по В.Ф. Трошанскому, символизировал самое высшее божество *Үрүҥ Айы Тойона* [Трошанский, 1908, с. 10].

Солярный знак солнца *туоһахта* предназначен для отпугивания *абааһы* ‘злых духов’, которые боятся металла. У якутов *туоһахта*

связывает человека с окружающей средой, олицетворяет богатство и силу, служит знаком принадлежности к Солнечному миру. Он был связан с культом солнца, указывая на принадлежность людей к Солнечному миру. Якуты себя называли людьми «солнечного улуса айыы поводами за спиной». Как отмечал В.Ф. Трошанский, женщины во время обряда жертвоприношения богине-покровительнице рожениц *Айыыһыт* свои шапки с бляшками на передней части надевали задом наперед, чтобы не отпугивать богиню-покровительницу блеском серебряных бляшек. Известно, что *туоһахта* оберегала женщин от болезни. Во время эпидемии оспы якутские женщины пришивали бляшки *туоһахта*, чтобы болезнь по этому знаку узнавала их и не трогала.

Современные исследователи традиционной одежды якутов считают, что узоры *чопчуур* ‘навершия’ несут смысловую нагрузку.

Р.С. Гаврильева в своей монографии впервые попыталась раскрыть семантику декора *чопчуур* 'наверший': «Изображение символа, отвлеченно напоминающего женскую фигуру, ассоциативно, может быть, связано с основным образом якутских фольклорных обрядов; божеством деторождения и плодородия «Ахтар Айыыһыт хотун» [Гаврильева, 1998, с. 68]. О происхождении символических кодов в узорах *наверший дьабака* нет ника-

ких исторических данных, но упомянутые знаки наблюдались еще в древних капоровых головных уборах XVIII столетия [Носов, 1957, с. 128]. В своем исследовании Р.С. Гаврильева высказывала предположение о том, что мотивы в виде заячьих ушек и трапециевидная фигура изображают грудь и женский детородный орган. Она же приводит пример статуэток – женских божеств с подчеркнутыми половыми признаками (см. рис. 6).

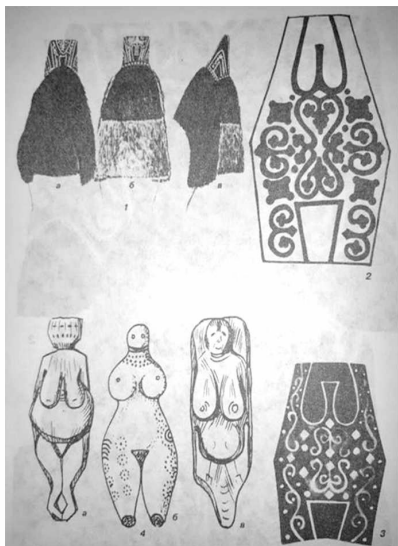

Рис. 6

Рис. 7

Чопчуур 'наверший' – смысловая и декоративная часть шапки *дьабака* (см. рис. 7). Всю ее поверхность украшает пышный симметричный узор. В основном главенствуют лировидные мотивы с множественными ответвлениями побегов, но встречаются и другие растительные мотивы, геометрические фигуры (круги, квадраты, треугольники). Круг в древних орнаментах традиционно обозначает мужское, квадрат – женское начало, а треугольник у многих народов является символом деторождения [Гоголев, 1972, с. 111]. Геометрические мотивы в *наверший* шапки являются знаками благопожелания невесте – «детей нарожать, добро наживать» [Петрова, 2006, с. 40]. Верхушку шапки *чопчуур* 'наверший' шили из красного сукна черными или зелеными вставками. По линии швов вставляли узкие суконные кантики контрастного цвета. Более нарядные *чопчууры* украшались вышивкой бисером, цветными нитками, отдел-

Рис. 8

кой серебряными пластинами. Сзади лировидный узор переходит в удлиненные стебли. На затылке также имеется знак из красного сукна, имеющий форму раскрытого сердечка. Считали символами плодородия, знаками женского божества деторождения *Ахтар Айыһыт – хотун* [Гаврильева, 1998, с. 68]. Расширяющийся низ шапки плотно облегал шею и плечи, завязывался под подбородком [Серошевский, 1993, с. 317]. В силу экстремальных климатических условий всегда ценились натуральный мех и выделанная шкура, которая, с одной стороны, служила показателем социального положения, с другой – выполняла утилитарную функцию – спасала от жестоких морозов. Выбор и место расположения красного цвета *чопчуур* ‘навершия’ семантически обусловлено: считается, что душа ребенка внедряется именно через теменную часть головы. В тюркской культуре красный цвет символизирует, с одной стороны, *кут* ‘душу и зародыш’, а с другой – половое возбуждение и любовную страсть [Габышева, 2009, с. 53].

В шапке *дъабака* имеется еще один немаловажный знак – это вышитые серебряной нитью ленты (см. рис. 8), ниспадающие с нижней части *чопчуур* ‘навершия’, «... олицетворяющие поводья, дарованные божествами Айыы» [Петрова, 2006, с. 42]. Две ленты, ниспадающие по спине – символы добропорядочности, красоты и девичьей непорочности, обозначающие, что ее судьбой управляют верхние божества Айыы. В процессе свадебного обряда эти ленточки срезали, то есть срезали ее «поводья». Это являлось символом того, что отныне ее судьба зависит не от божеств, а от ее мужа. Девушка, выходя замуж, полностью становилась частью рода своего мужа. Также, по сведениям многих информантов, ленты символизировали девичью вольность в добрачной жизни [ПМА: информант Неустроев Б. Ф.].

Устное народное творчество отражало мировоззрение бесписьменных народов. У всех народов певец всегда пользовался особым почетом, являясь непосредственным носителем традиционной культуры народа, мировосприятие певца воплощало в своих произведениях художественные образы

и жизненную правду, пространство времени, социальную природу общественной истории [Башарин, 1940].

Одним из знатоков обрядовой и культовой поэзии, шаманских мистерий, сказителем, искусным мастером по изготовлению предметов, создателем традиционных костюмов был Сергей Афанасьевич Зверев-Кыыл Уола. В 1967 году для своего выступления в Государственном Академическом Большом театре в Москве со своей женой Федорой Ивановной вручную сшили верхний нарядный меховой комплект. В комплект вошли пальто из шкуры белого пыжика шерстью вверх; шапка-ермолка из меха бобра и из лап красной лисы; *куруму* ‘высокие торбаза’; и завершающей деталью костюма стал *моойторук* ‘боа из беличьих хвостов’.

В якутском фольклоре широко распространялись описательные песни, где раскрывается вся полнота, яркость и последовательность описания предметов, семейные и обрядовые традиции, архаичная терминология. Одним из поэтических произведений точного достоверного описания шапки *дъабака* является «Дъабака ырыата» («Песня об обрядовой шапке – *дъабака*») С. А. Зверева-Кыыл Уола. Тонкая наблюдательность мастера художественного слова сказывается в описании и воспевании шапки *дъабака*. В песне С. А. Зверева-Кыыл Уола находим интересные факты о шапке *дъабака*.

*Хааннаах
сэттээх
Хаан дъабака тангаһым
Хайдах ханыыласпытын
Анаара туойан таһаардахха...*
[Зверев, 2000, с. 86].

Кроваво-красная,
обрядово предназначенная,
дивная Величие шапки *дъабака*,
О сотворении которой
Спою благословенный вам тойук!

Певец приводит древний эпитет для воспевания шапки. Он, подчеркивая обрядовую предназначенность, называет ее *хааннаах сэттээх хаан дъабака* ‘Кроваво-красная, обрядово предназначенная дивная Величие шапки *дъабака*’ с почтительно величественным

Шаман в женской шапке *дьабака*.
Нач. XX в.

Рис. 9

отношением к функциональной специфике обрядовой шапки. Она была не только частью женского традиционного костюма якутов, но и использовалась как обязательный атрибут в некоторых камланиях шаманов. Если в быту шапка имела символическое значение и подчеркивала социальный статус,

то в обрядовых действиях выступала в качестве главного знакового символа между людьми и Верхними Божествами, параллельно выполняя особую оберегательную и коммуникативную функции.

На фотографии (см. рис. 9) начала XX века запечатлен молодой шаман в обрядовом снаряжении с бубном. На голове у него надета шапка *дьабака*. Певец С. А. Зверев-Кыыл Уола был заядлым охотником. Пушнина, предназначенная для шитья *дьабака*, добывалась охотниками издалека, поэтому воспевание было основано на личных восприятиях С. А. Зверева-Кыыл Уола. Он подчеркивает, что на Оленке водится рысь, на Камчатке – соболя с самой ценной шкурой, на Моркоки водятся бобры, на Есее можно добыть росомаху, на Олекме – белок с темными шкурами.

*Дьудун буобура буодьуламмыт
Үллэр көмүс өрөһөлөөх,
Өрөгөй талаан сүүрүктээх
Өлөөн өрүһүм өрөбүтүгэр,
Үтүө күөх тыатыгар
Үрдүк мыраанын кэтэбэр,
Үс төгүрүк сылга
Өнөрсүйэн үөскээбит
Үтүө көрөр дьүһүннээх
Өнөр үүһүм өрөбүт; н
Өрө тигэн кэбиспит
Чүөрчэхтээх төбөлөммүт*
[Зверев, 2000, С. 86–87].

Бобер огромных размеров
Прекрасного вида
рысь редкостного окраса,
снизу-вверх сшитая
со шкуры черного соболя
сшита задняя сторона.
черной белки шкурой
также молодой росомахи,
Семилетней кобылы шкуры
с туго натянутой веревкой

В произведении описываются ценные сведения технологических приемов по изготовлению шапки, подчеркиваются качества отборных сортов пушнины. Тулья шапки спереди и затылочная часть отделаны рысьим мехом, шкура бобра шла на обделку шапки, задняя сторона *дьабака* сшита из шкуры черного соболя, но применялись и шкуры белки или росомахи.

Туоһахта, по представлениям древних якутов, является знаком принадлежности людей Срединного мира к Солнечному миру. По описаниям С. А. Зверева-Кыыл Уола, серебряный круг сделан из серебряной монеты эпохи императрицы Екатерины Второй – *Кириэстээх манньыата Килбэйэр көмүс туоһахталаах* 'Щегольской Екатерининской монетой серебряный соляренный круг – *туоһахта*'.

В песне воспевается верхняя часть шапки – *чүөрчэх* 'шапочная верхушка'. Якутское слово имеет монгольскую параллель *тобурчак ма-лабай* 'шапка с шишечкой' [Пекарский, 1956, с. 3694].

*Үтүө көрөр дьүһүннээх
Өнөр үүһүм өрөбүтүн
Өрө тигэн кэбиспит
хара саарба харгымын түүтэ
Кэтэхтэнэн тигиллибит
тобус тортук хара тиингим
эдэр сизээн тириитэ,
Сэттэ сааһын туолбут
Тыһы кычытар кыылым
Саары чиккэ быаламмыт*
[Зверев, 2000, с. 86–87].

С краями из переливающегося серебра
с горделивым бурным течением
в чреве Оленка реки,
в славных зеленых лесах ее
в предгорьях высоких хребтов ее
в течение трех лет
воспитавшегося свободно
прекрасной шкуры

сильного рыся тыльной стороной
со сшитой, сделанной
с верхней частью

Верхняя часть шапки, по описаниям певца, сшита из крепкой шкуры рыся. Также воссоздана одна из разновидностей обрядовой шапки – *туоһахталаах дьабака бэргэһэ* ‘шапка с шишечкой на верхушке’, сшитая из подходящих частей шкур соболей, бобров, росوماхи, белок.

Заключение

Таким образом, головной убор якутов является главным элементом в атрибутике обрядовых действий, имеет символическое значение и подчеркивает социальный статус. Он выступал в качестве главного посредника в ритуалах между людьми и Верхними боже-ствами, параллельно выполняя особую обере-гательную и коммуникативную функции.

Мы предполагаем, что якутское слово *дьабака* имеет тюркское происхождение и обозначает головной убор, который входит в комплекс традиционной обрядовой одежды якутских женщин.

Семиотика обрядовой шапки *дьабака* состояла из целостной семиотической системы. Она включала следующие знаки: деторождение и плодородие – декор *чопчуур* ‘навершие’, поклонение солнцу – *туоһахта* ‘серебряный круг’, душа ребенка – красный цвет, поводья – ленты, благопожелания – узоры.

Предметный мир в произведениях народ-ного певца С. А. Зверева-Кыыл Уола имеет ис-ключительное значение и представляет про-фессиональный интерес для исследователей различных направлений. Содержательная сторона, синкретизм поэтических произведе-ний Сергея Зверева могут быть восприняты как важный исторический, этнографический, культурологический источник для изуче-ния хозяйственных отношений, социальных, духовных и иных процессов в рамках этиче-ского пласта культуры народа, ознакомле-ния с коренным укладом жизни, семейными и обрядовыми традициями. Архаическая лек-

сика, терминология может заинтересовать языковедов, лексикологов.

Литература

- Башарин Г. П. К вопросу о якутском олонхо // Социалистическая Якутия. 1940. 11 июля. С. 3.
- Габышева Л. Л. Фольклорный текст. Семиотиче-ские механизмы устной памяти. Новосибирск: Наука, 2009. 140 с.
- Гаврильева Р. С. Одежда народа Саха конца XVII – середины XVIII века. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1998. 141 с.
- Гоголев А. И. У. Йоханзен и некоторые вопросы изучения верования якутов // Хотугу сулус (Полярная звезда). 1972. 111 с.
- Зверев С. А.-Кыыл Уола. Сарсын, сарсын сарсы-арда. Дьокуускай, 2000. 351 с.
- Зверева А. Н. Узоры земли олонхо. Санкт-Петер-бург: Славия, 2015. 255 с.
- Калашникова Н. М., Плужникова Г. А. Одежда народов СССР. Москва: Планета, 1990. 230 с.
- Корякина В. П. Тайна, пронесенная сквозь века: (загадка древних украшений и националь-ной одежды) // Полярная Звезда. 2015. № 5. С. 60–66.
- Носов М. М. Эволюционное развитие якут-ской одежды с конца XVIII до 1920-х го-дов // Сб. науч. ст. Якутского краеведческого музея. Якутск: Книжное изд-во, 1957. Вып. 2. 128 с.
- Ойротско-русский словарь / Н. А. Баскаков, Т. М. Тошчакова. Изд. 2-е. Горно-Алтайск: Изд-во Ак Чечек, 2005. 312 с.
- Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 то-мах. Москва: АН СССР. 1959. 648 с.
- Петрова С. И. Свадебный наряд якутов: Тради-ции и реконструкция. Новосибирск: Наука, 2006. 104 с.
- Петрова С. И. Традиционная одежда и мировоз-зрение наших предков. Якутск: Бичик, 1999. 79 с.
- Серошевский В. Л. Якуты: опыт этнографиче-ского исследования. Москва: РОССПЭН, 1993. 2-е изд. 736 с.
- Трошанский В. Ф. Якуты в их домашней обста-новке // Живая старина. 1908. 10 с.

References

- Basharin G. P. K voprosu o yakutskom olonkho [To the question of the Yakut Olonkho]. In: Sotsialisticheskaya Yakutia, July 11, 1940, p. 3. (In Russian).

- Gabysheva L.L.** Fol'klornyĭ tekst. Semioticheskie mekhanizmy ustnoi pamyati [Folklore text. Semiotic mechanisms of oral memory]. Novosibirsk, Nauka, 2009, 140 p. (In Russian).
- Gavrileva R.S.** Odezhda naroda Sakha kontsa XVII – serediny XVIII veka [Clothing of the Sakha people of the late 17th – mid 18th century]. Novosibirsk, Nauka. The Siberian Enterprise of the Russian Academy of Sciences, 1998, 141 p. (In Russian).
- Gogolev A.I.** U. Johansen i nekotorye voprosy izucheniya verovaniya yakutov [Johansen and some questions of studying the Yakuts' beliefs]. In: Khotugu sulus (Polyarnaya zvezda), 1972, 111 p. (In Russian).
- Kalashnikova N.M., Pluzhnikova G.A.** Odezhda narodov SSSR [Clothing of the USSR peoples]. Moscow, Planeta, 1990, 230 p. (In Russian).
- Koryakina V.P.** Taina, pronesennaya skvoz' veka: (zagadka drevnikh ukrashenii i natsional'noi odezhdy) [A mystery carried through the ages: (the riddle of ancient jewelry and national clothes)]. *Polyarnaya Zvezda*, 2015, no. 5, pp. 60–66. (In Russian).
- Nosov M.M.** Ehvolutsionnoe razvitie yakutskoi odezhdy s kontsa XVIII do 1920-kh godov [The evolutionary development of Yakut clothing from the end of the 18th to the 1920s]. In: The Collection of scientific articles of the Yakutsk Museum of Local Lore. Yakutsk, Book Publishing House, 1957, issue 2, 128 p. (In Russian).
- Oirotsko-russkii slovar' [Oirot-Russian dictionary] / N.A. Baskakov, T.M. Toshchakova. Issue 2. Gorno-Altai, Izd-vo Ak Chechek, 2005, 312 p. (In Russian and Oirot).
- Pekarsky E.K.** Slovar' yakutskogo yazyka: v 3 tomakh [Dictionary of the Yakut language: in 3 volumes]. Moscow, The USSR Academy of Sciences, 1959, 648 p. (In Russian and Yakut).
- Petrova S.I.** Traditsionnaya odezhda i mirovozzrenie nashikh predkov [Traditional clothing and the worldview of our ancestors]. Yakutsk, Bichik, 1999, 79 p. (In Russian).
- Petrova S.I.** Svadebnyi naryad yakutov: Traditsii i rekonstruktsiya [Yakut wedding dress: Traditions and reconstruction]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 104 p. (In Russian).
- Seroshevskii V.L.** Yakuty: opyt etnograficheskogo issledovaniya [The Yakuts: experience of ethnographic research]. Moscow, ROSSPEN, 1993, issue 2. 736 p. (In Russian).
- Troshchanskii V.F.** Yakuty v ikh domashnei obstanovke [The Yakuts in their home environment]. In: Living Antiquity, 1908, 10 p. (In Russian).
- Zverev S.A.-Kyył Uola.** Sarsyn, sarsyn sarsyarda. D'okuuskai, 2000, 351 p. (In Yakut).
- Zvereva A.N.** Uzory zemli olonkho [Patterns of Olonkho Land]. Saint Petersburg, Slaviya, 2015, 255 p. (In Russian).

ЭПОС «БАЙБОРИ УЛЫ БЕЙРЕК БАТЫР» ДОБРУДЖИНСКИХ ТАТАР И ЭПОС «КИТАБИ ДЕДЕ КОРКУТ»

Г.Й. Маммадли

Национальная Академия наук Азербайджана, ул. Г. Джавида, 115, Баку, Азербайджан; email: yologlugullu@gmail.com

В статье проведен сравнительный анализ известных героических сказаний «Байбори улы Бейрек батыр» добруджинских татар и «Китаби Деде Коркут».

В анализируемых героических сказаниях схожими мотивами являются: встреча Бейрея с Баны Чичек, состязание, борьба, обручение, слепой визирь, несший окровавленную рубаху, обручение девушки со слепым визирем, побег с помощью царской дочери. Отличительными мотивами являются спасение друзей и освобождение дочери короля. Героические сказания представляют собой энциклопедию, в которых показаны и отражены традиции, верования, образ жизни, внутрисемейные и общественные отношения, место и роль женщины в семье и обществе.

Ключевые слова: эпос, добруджинские татары, основные темы, богатырь, богатырский конь, Деде Коркут.

THE EPIC "BAIBORI ULY BEIREK BATYR" OF THE DOBRUJA TATARS AND THE EPIC "KITABI DEDE KORKUT"

Gullu Y. Mammadli

National Academy of Sciences of Azerbaijan, 115 Huseyn Javid Str., Baku, Azerbaijan; email: yologlugullu@gmail.com

The article presents the comparative analysis of the well-known heroic tales "Baibori Uly Beirek Batyr" of the Dobruja Tatars and "Kitabi Dede Korkut". In the analyzed heroic tales, similar motifs are: the meeting of Beirei with Bany Chichek, a contest, a struggle, an engagement, a blind vizier carrying a bloody shirt, the betrothal of a girl with a blind vizier, escape with the help of the tsar's daughter. The distinctive motifs are the rescue of friends and the release of the tsar's daughter. The heroic tales are an encyclopedia that shows and reflects traditions, beliefs, lifestyle, intra-family and social relations, the place and role of women in the family and society.

Keywords: epic, Dobruja Tatars, main themes, hero (bogatyir), heroic horse, Dede Korkut.

Введение

«Книга Деде Коркута» оказала влияние на устную литературу многих народов мира, независимо от их вероисповедания, языка и этнической принадлежности. Это результат величия и могущества тюрков, которые двигались с запада на восток, с востока на запад, распространяя свою богатую и древнюю культуру, образ жизни, традиции государственности. Одним из таких мест является Добруджа. В османский период йоруки были переселены в Добруджу из Анатолии. Поселения в Добрудже продолжались и в период правления Явуза Султана Селима (XVI век). По Кючук-Кайнарджинскому дого-

вору 1774 года, после передачи Крыма России в Добрудже поселились и крымские татары. С 1856 по 1866 годы в Добруджу прибыло до 60 000 крымских татар, султан Абдулмәджид поселил большую часть их в Карасу (Маджидия).

В XVII–XIX веках тюрки в Добрудже больше всего пострадали в османско-русской войне: в результате этих войн их численность резко сократилась, большая часть была вынуждена переселиться в Анатолию и жить эмигрантами. По Берлинскому договору 1878 года Добруджа присоединилась к Румынии. По статистике, население Добруджи в Румынии составляет около миллиона человек: 10% – тюрки, около 30 000 – турки,

25 000 – крымские татары. Гунны, половцы, печенеги и татары селились в этих районах с V века, а может, и раньше.

Основная часть

Наряду с издававшимися в Добрудже журналами «Эмель» – «Дело», «Ренклер» – «Цвета» и брошюрами «Карадениз» – «Черное море», «Хаксес» – «Голос разума» издаются множество книг об истории, фольклоре, этнографических материалах добруджинских татар. Среди сказок, легенд и повестей, народных песен, анекдотов и загадок особое место занимает эпическое творчество.

В героических сказаниях «Айсель улы Амет Батыр», «Эдиге Батыр», «Шора Батыр», «Адель Султан», «Кыйлап Батыр», «Тайирман Зоре», «Арыз ман Камбер» и «Юзсуф ман Зулейха» и др. главными темами являются защита своей земли и своего народа, некоторые небезызвестные сказания посвящены теме любви. Но есть эпосы, прямо перекликающиеся с эпосом «Книга Деде Коркута»: «Байбори Улы Бейрек Батыр», «Тепегез». «Бозджигит». В большинстве героических сказаний к имени Бейрея добавлялось слово *батыр* 'богатырь'. Слово образовано от *багатур* и нашло свое место в орхоно-енисейских надписях VI–VIII веков. На языке тюрков Добруджи батыр означает 'муж', 'храбрец', 'борец'. В эпосах других тюркских народов используются синонимы этого слова – *алт/алым*.

В эпосе добруджинских татар «Байбори улы Бейрек Батыр» преобладают элементы сказки. В эпосе не упоминается имя великого поэта, старейшины племени Деде Коркута. Его заменяет белобородый дервиш, который внезапно появляется и исчезает. Байбори бай жалуется, что у него нет сына, а Пишен бай хочет дочь. Мечты этих баев воплощает в жизнь дервиш с помощью яблока. Они решили поженить своих детей. Свое согласие скрепили рукопожатием, вспоров подол одежды. В «Книге Деде Коркут» Коркут Ата нарекает ребенка, в эпосе «Байбори улы Бейрек Батыр» эту функцию выполняет уже дервиш. Последующие события в эпосе больше имеют совпадений со сказкой «Гейчек Фатьма».

После смерти матери Бейрека его отец женится на другой женщине. Злая мачеха

решает известить пасынка и придумывает хитрость. Как-то утром она рассказывает свой сон о том, что во сне она видела убитого Бенгибоза (коня Бейрека) и кровью его сердца писали молитву за нее и она вылечилась. Узнав о коварности мачехи, Бейрек убегает из дома. Отец, узнав о злых происках своей жены, выгоняет ее прочь и отправляет на поиски сына сорок всадников, которые впоследствии его находят и возвращают домой.

В анализируемых героических сказаниях схожими мотивами являются: встреча Бейрея с Баны Чичек, состязание, борьба, обручение, слепой визирь, несший окровавленную рубаху, обручение девушки со слепым визирем, побег с помощью царской дочери. Отличительными мотивами являются спасение друзей и освобождение дочери короля.

В книге «Деде Коркут» Бейрек дает клятву дочери неверного, что вернется за ней, но далее в эпосе она уже не упоминается. Возможно, эта часть была опущена сказителем целенаправленно, но этот сюжет сохранился у добруджинских татар-мусульман. Здесь отношение рассказчика к неверной девушке, спасшей Бейрека из замка, положительное. В целом в эпосе тюркских народов Бейрек представлен народным героем.

Исследователь Камал Абдулла в книге «Тайный Деде Коркут» пишет о том, что видит причину смерти Бейрея в нарушении данного слова, забывчивости и хитрости. «Герои героического эпоса никогда не умирают», – пишет К. Абдулла. На вопрос, почему погиб Бейрек, ученый отвечает: «Потому что ни один другой герой не выступил против Слова и установленных Словом этических норм и кодексов таким образом... Только Бейрек выступил против Слова...».

В «Книге Деде Коркута» бай посылает своих купцов в Рум за подарками для сына. Базирганы шли день и ночь и дошли до Стамбула, купили серого жеребца и другие дорогие подарки. Когда они возвращались из Рума, в Дарбенде на них нападают. Бейрек помогает им, сражается и возвращает дары. В добруджинской версии эпоса речь уже идет о том, что неизвестные люди везли подарки из Аравии для сына Баяндыр-хана, но по дороге урумские

воины ограбили их. Бейрек нападает и возвращает людей и подарки. С помощью храбрецов огузского войска во главе с Баяндыр ханом он вызволил из плена своих друзей. Если Бейрек, собиравшийся встретиться со своей невестой Баны Чичек, также взял бы себе царскую дочь, это означало бы нарушение этических норм внутри племени. Поэтому в знак благодарности он выдает дочь короля замуж за сына Баяндыр хана. По нашему мнению, в «Книге Деде Коркута» благочестивый писец проявил жестокое пренебрежение сознательно, отрицая и стараясь не видеть ее роли в творчестве Бейрея.

Интересным представляется также имянаречение сына Байбори. Когда сын Байбори достигает пятнадцатилетнего возраста, старший дервиш дает имя не только ему, но и его коню: «Пусть имя твоего сына будет Бейрек, а имя твоего коня – Бенгибоз». Конь по кличке Бенгибоз встречается в эпосе «Денгибоз» православных тюрков-гагаузов. В 1988 году среди собранных материалов из гагаузских сел Кабардо-Балкарии эпосоведом Л. Чимпоеш был интересный эпос «Денгибоз», записанный от Кысаджык Александры. Она родом из села Вулканешть в Бессарабии (ныне Вулканештский район). В ходе беседы она рассказала, что слышала эту давнюю историю от своих родителей. Кысаджык Александра рассказала запомнившееся. Юношу, который сидит в тюрьме в течение семи лет, одолевает тоска по родителям, возлюбленной, и он просит путешественников и купцов рассказать что-нибудь о его родине. Он обращается со словами: «Стал для нас Родиной/камень подземелья/Откуда ты идешь,/Базирганбаши?» Базирганбаши узнает парня и рассказывает о том, что его мать слепа на оба глаза, что его возлюбленную выдают замуж за другого. Услышав это, храбрец вызывает к себе своего коня Денгибоза и сбегает из тюрьмы, и спешит на родину.

Несомненно, рассматриваемый эпос «Денгибоз» является гагаузской версией эпоса «Бамсы Бейрек» в «Книге Деде Коркута» и близок эпосу «Байбери улы Бейрек Батыр» добруджинских татар. Но в этом случае кличка коня – Бенгибоз. Такие изменения естественны в примерах устного народного творчества.

В анализируемых сказаниях ярко выделен мотив бездетности. В первом случае подаренное дервишем яблоко решает проблему бездетных мужчин, во втором – мудрый совет хатуна помогает претворить в жизнь мечту Дирса хана.

Вывод

Таким образом, «Книга Деде Коркута» и упомянутые сказания представляют собой энциклопедию, в которых показаны и отражены традиции, верования, образ жизни, внутрисемейные и общественные отношения, место и роль женщины в семье и обществе. Это увеличивает ценность этого письменного памятника.

Литература

- Бозчигит. Добруджинские татарские сказки. Бухарест, 1988.
 Йологлу Гюллю. Турецкие семейные церемонии. Анкара, 1999.
 Китаби-Дада Горгуд. Баку: Вяз, 1988. 204 с.
 Маноф А. Гагауз (тюрки-христиане) Анкара, 1939.
 Махмут Недрет, Энвер Махмут. Бозчигит. Первая книга добруджинских татарских сказок. Бухарест: Kriterion Kitap üyi, 1988. 260 с.
 Махмут Недрет. Народная литература. «Ранклер» 3. Бухарест: Критерион.
 Чимпоеш Л. С. Дастаный эпос гагаузов. Кишинев: Академия наук РМ, 1997. 200 с.

References

- Bozchigit. Dobrudzhinskie tatarskie skazki [Dobruja Tatar fairy tales]. Bucharest, 1988. (In Romanian).
 Chimpoes, L.S. Dastannyi ehpos gagauzov [The Dastan epic of the Gagauz]. Kishinev, The Academy of Sciences of the Republic of Moldova, 1997, 200 p. (In Romanian).
 Iologlu Gyullyu. Turetskie semeinye tseremonii [Turkish family ceremonies]. Ankara, 1999.
 Kitabi-Dada Gorgud. Baku, Vyaz, 1988, 204 p. (In Turkish).
 Makhmut Nedret, Ehnver Makhmut. Bozchigit. Pervaya kniga dobrudzhinskikh tatarskikh skazok [Bozcigit. The first book of Dobruja Tatar fairy tales]. Bucharest, Kriterion Kitap üyi, 1988, 260 p. (In Romanian).
 Makhmut Nedret. Narodnaya literature [Folk literature]. Rankler. Bucharest, Kriterion Press. (In Romanian).
 Manof A. Gagauz (tyurki-khristiane) [The Gagauz (Christian Turks)]. Ankara, 1939. (In Turkish).

ХОДИ ЗАРИФОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ УЗБЕКСКИХ БАХШИ-СКАЗИТЕЛЕЙ

Б.Т. Мирзаева

Институт узбекского языка, литературы и фольклора Академии наук Республики Узбекистан, ул. Шахрисабз, 5, Ташкент, 100060, Республика Узбекистан; email: mirzayeva-70@mail.ru

В данной статье анализируется сказительское творчество и мастерство знаменитых узбекских сказителей Эргаш Джуманбульбуль оглы, Фазиль Юлдаш оглы, Мухаммадкул Джанмурод оглы Пулкан и Ислам Назар оглы.

Устное народное творчество узбекского народа сохранилось благодаря творчеству выдающихся знатоков устного слова. Сказители через сказания сумели сохранить и передать для своих потомков бесценное духовное богатство своего народа. Основоположник узбекского фольклора Х.Т. Зарифов собрал и сохранил бесценные материалы об узбекских народных бахши и эпических традициях. Благодаря собранным материалам изучены традиция и импровизация, певец и его аудитория, школы эпического пения, порядок эпического пения, наставник и ученик.

Ключевые слова: эпос, терма, бахши, поэт, сказитель, фольклорист, наставник и ученик.

KNODI ZARIFOV – THE RESEARCHER OF UZBEK BAKHSI-STORYTELLERS

Barno T. Mirzaeva

The Institute of the Uzbek Language, Literature, and Folklore of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, 5 Shakhrisabz Str., Tashkent, 100060, the Republic of Uzbekistan; email: mirzayeva-70@mail.ru

This article analyzes the storytelling creativity and skill of the famous Uzbek storytellers Ergash Jumanbulbul oglu, Fazyl Yuldash oglu, Muhammadkul Janmurod oglu Pulkan and Islam Nazar oglu.

The oral folk art of the Uzbek people has been preserved due to the work of outstanding experts of a spoken word. The storytellers managed to preserve and pass on to their descendants the priceless spiritual wealth of their people through the legends. The founder of Uzbek folklore, Kh. T. Zarifov, collected and preserved invaluable materials about Uzbek folk bakhshi and epic traditions. By virtue of the collected materials, the tradition and improvisation, the singer and his audience, the schools of epic singing, the order of epic singing, a mentor and a student are studied.

Keywords: epic, terma, bakhshi, poet, storyteller, folklorist, mentor and student.

Введение

В изучении искусства бахши, жизни и творчества народных сказителей, эпического репертуара узбекского эпоса огромная роль принадлежит основоположнику узбекской фольклористики Ходи Зарифову. Когда Ходи Зарифов только начинал заниматься сбором фольклорного материала, еще было живое исполнение эпоса. Академик Тура Мирзаев пишет: «Ходи Зарифов, как и многие выдающиеся фольклористы, вошел в науку как начинающий собиратель. Большим достижением в первые годы его собирательской деятельности стало выявление ведущих узбекских народных эпических бахши-сказителей, таких как Фазиль Юлдаш оглы, Эргаша Джуманбульбуль оглы, Мухаммадкула Джанму-

рад оглы Пулкана. Дружба Ходи ака с этими с пожилыми поэтами была выше, чем отношение отца и сына» [Мирзаев, 1967, с. 3–4].

Основная часть

Выдающимся вкладом Х.Т. Зарифова в сокровищницу культуры узбекского народа является выявление и запись творческого наследия знаменитых исполнителей, как Эргаш Джуманбульбуль оглы (1868–1937), Фазиль Юлдаш оглы (1872–1955), Мухаммадкул Джанмурод оглы, Пулкан шаир (1874–1941) и Ислам Назар оглы (1874–1953). Он, понимая, что творчество и репертуар этих умелых бахши – это энциклопедическое наследие, передавшее многовековые мечты

народа, его историю, мудрые слова, всю свою жизнь посвятил работе по записи, научной оценке, изданию богатейших фольклорных произведений, которые они пели до конца своей жизни. В 20-х годах XX века Х. Зарифовым впервые в истории фольклористики были организованы фольклорные экспедиции с целью записи произведений устного народного творчества [Мирзаева, 2022, с. 54–57]. Особое внимание уделялось исполнительским и творческим способностям бахши. Так, в 1941 году он опубликовал с предисловием дастаны «Равшан» Эргаш шаира и «Малика айяр» Фазиля Юлдаша оглы. Его обобщающие статьи («Великий народный артист», «Фазиль шаир – знаменитый сказитель») послужили научно-теоретической основой для изучения творчества великих бахши. Первые публикации многотомных изданий дастанов и терм принадлежат тоже Ходи Зарифову. Так, в 1949 году опубликованы «Избранные произведения» Фазиля Юлдаша оглы, а в 1971–1973 годах изданы пятитомник «Буль-буль тароналари» и трёхтомник «Песни Буль-буля» Эргаша Джуманбульбуль оглы.

Кроме того, в 1971 году при тесном сотрудничестве с московскими учеными вышло в свет академическое издание эпоса «Рустам-хан». Несомненно, «Узбекский народный героический эпос», созданный в соавторстве с академиком В. М. Жирмунским, является фундаментальным научным трудом. В монографии всесторонне анализируются основные черты искусства бахши и их эпического репертуара. Данный научный труд важен не только для узбекской фольклористики, но и для фольклористики тюркских народов. «Обычно репертуар бахши ограничивается 5–10 дастанами. Известные эпические сказители знают 20–30 дастанов. Но Фазиль шаир выделяется хорошим знанием из нашего прошлого литературного наследия около 40 дастанов, а также художественно прекрасным исполнением. Поэтому в его репертуаре мы можем найти все виды узбекских народных эпосов» [Зарифов, 1973, с. 14]. По словам Ходи Зарифова, выдающиеся сказители знали наизусть невероятное количество дастанов: Пулкан шаир – около семидесяти, Фазиль шаир – более сорока,

Эргаш шаир – более двадцати, Ислам шаир – около сорока традиционных дастанов и терм. Изучая сказительское мастерство, особое внимание он уделял традиции наставничества и ученичества. Целью всех экспедиций был поиск народных сказителей, певцов, в том числе еще неизвестных народу, старался подробно записать репертуар, обязательно, если известно, указать учителя сказителя. Он понимал, что полученные данные бесценны для науки в будущем. Также особое внимание ученым было уделено вариантам дастанов. Составив творческий портрет бахши и записав информацию о них, он объяснил этнопоэтические особенности узбекских бахши, методы устного пения узбекских эпосов, отличия устного эпоса от письменного.

«Известные нам сказители, – пишут Ходи Зарифов и В. М. Жирмунский, – отмечены во всех частях Узбекистана, где производились до сих пор фольклорные записи. Среди них есть уроженцы Самаркандской и Бухарской областей, Ферганской долины, Сурхандарьинского округа и Хорезма. Беднее всего представлен Ташкентский округ, где эпическое искусство вытесняется влиянием большого города. Здесь, в Пскентском районе, был известен недавно скончавшийся певец Берди бахши. Но ещё в конце XIX в. даже в самом Ташкенте жил сказитель Пирмат бахши по прозвищу Букок (букок – «зобастый»), уроженец Коканда, который пел «Алпамыш», поэмы из цикла «Гороглы», «Юсуфа и Ахмеда» и др. под аккомпанемент кобуза, выступая в домах, куда его приглашали для пения дастанов» [Жирмунский, 1947, с. 43]. По сведениям исследователя Туры Мирзаева, в прошлом в окрестностях Пскента и Ахангарана была школа сказителей, к ней относился и Берди бахши (вторая половина XIX – 30-е годы XX века), который проживал в селе Эваллак Пискентского района Ташкентской области. В 1926 году от него был записан только один эпос «Алпамыш» [Мирзаев, 1967, с. 11, 54]. Ходи Зарифов оценивал индивидуальное творчество каждого из узбекских сказителей. «В результате он сделал важные открытия в вопросах традиции и импровизации, взаимосвязи эпических школ, в которых воспиты-

вался сказитель, и их влиянии на эпический репертуар, отношение наставника и ученика, исполнителя и его аудитории, а также законы существования и распространения народных эпосов. Правильная позиция исследователя позволила установить, что эпосы отличаются друг от друга стилем, индивидуальными творческими особенностями, присущими каждому из них. У каждого сказителя или группы сказителей есть свой поэтический путь, свой стиль, условно назвал его школой бахши и выделил специфические черты школ сказителей, таких как Курганская, Булунгурская, Шахрисабзская. Он отметил, что школа сказителей Хорезма имеет свои особенности» [Мирзаев, 1967, с. 11].

Выводы

Таким образом, устное народное творчество узбекского народа сохранилось благодаря творчеству выдающихся знатоков устного слова. Сказители через сказания сумели сохранить и передать для своих потомков бесценное духовное богатство своего народа.

Благодаря основоположнику узбекского фольклора Х.Т. Зарифову собраны и сохранены бесценные материалы об узбекских народных бахши и эпических традициях, изучены традиция и импровизация, певец и его аудитория, школы эпического пения, порядок эпического пения, наставник и ученик.

Литература

- Жирмунский В.М., Зарифов Х.Т.** Узбекский народный героический эпос. Москва: ОГИЗ, 1947. 582 с.
- Зарифов Х.** Фазильский поэт – известный эпический писатель // Фазильский поэт. Исследования. Книга 3. Ташкент: Наука, 1973. С. 5–29.
- Мирзаев Т.** Научный труд Зарифова // Узбекский народный труд. Ташкент: Наука, 1967. С. 3–4.
- Мирзаева Б.Т.** Место Ходи Зарифова в становлении и развитии узбекской фольклористики: автореф. дисс... док. филос. по филол. наукам (PhD). Ташкент, 2022. 46 с.

References

- Mirzaev T.** Zarifovning ilmii izhodi [Scientific work of Zarifov] In: *Ўzbek khalk izhodi*. Toshkent, Fan, 1967, pp. 3–4. (In Uzbek).
- Mirzaeva B. T.** Mesto Khodi Zarifova v stanovlenii i razvitii uzbekskoi fol'kloristiki [Khodi Zarifov's place in the formation and development of Uzbek folklore]. The author's summery of the thesis for PhD in Philology. Toshkent, 2022, 46 p. (In Russian, English and Uzbek).
- Zarifov Kh.** Fozil shoir – mashxur dostonchi [Fazil poet – famous epic writer]. In: *Fozil shoir. Tadqiqotlar. 3-kitob*. Toshkent, Fan, 1973, pp. 5–29. (In Uzbek).
- Zhirmunskii V.M., Zarifov Kh. T.** Uzbekskaa narodnyi geroicheskii ehpos [Uzbek Folk Heroic Epic]. Moscow, the Association of State Book and Magazine Publishers, 1947, 582 p. (In Russian).

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НЕБЫЛИЦ С РУССКОГО НА УЗБЕКСКИЙ ЯЗЫК

Д. Ч. Игамуратова

*Институт узбекского языка, литературы и фольклора Академии наук Республики Узбекистан,
Шахрисабзский проезд, 5, Ташкент, 100060, Узбекистан; email: lgammuratova@mail.ru*

Статья посвящена выявлению особенностей перевода повести А.С. Некрасова «Приключения капитана Врунгеля» на узбекский язык. Задачи исследования связаны с изучением приёмов и методов, использованных К. Пулатовым для передачи в узбекском переводе своеобразия стиля А.С. Некрасова, его замысла и идеи произведения. Автором статьи рассмотрен творческий подход переводчика, сравниваются небылицы в оригинале и воспроизведенные в переводе. Используются структурно-описательный и описательно-функциональный методы исследования. Дана оценка мастерству переводчика К. Пулатова. Автор статьи приходит к выводу, что в узбекском переводе, наряду с передачей авторской идеи, стиля, смысловых и лексических особенностей повести «Приключения капитана Врунгеля», особое внимание уделяется придуманным А.С. Некрасовым небылицам, историям, которых нет в реальной жизни. Для конкретизации эпизода переводчик использует приём, содержащий замену лексического значения слова значением в контексте. К. Пулатов не просто передал смысл русского предложения, но и сохранил, как в оригинале, эмоциональную окраску, используя средства художественной выразительности. Переводчик К. Пулатов, убедительно и в полной мере изложив историю, достиг цели, которую поставил перед собой. В переводе повести А.С. Некрасова «Приключения капитана Врунгеля» максимально адекватно воссоздано содержание и своеобразие оригинала, что даёт возможность узбекскому читателю осознать уникальность переведенного авторского стиля.

Ключевые слова: небылицы, вымысел, Некрасов, Пулатов, Врунгель, оригинал, перевод.

FEATURES OF THE TRANSLATION OF FABLES FROM RUSSIAN INTO UZBEK

Dilrabo Ch. Igamuratova

The Institute of the Uzbek Language, Literature, and Folklore of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, 5 Shakhrisabz Drive, Tashkent, 100060, Uzbekistan; email: lgammuratova@mail.ru

The article is devoted to the identification of features of the translation of A. S. Nekrasov's novel "The Adventures of Captain Wrongel" into the Uzbek language. The research objectives are related to the study of the techniques and methods used by K. Pulatov to convey in Uzbek translation the originality of A. S. Nekrasov's style, his idea and the idea of the work. The author of the article considers the creative approach of the translator, compares fables in the original texts and reproduced ones in translation. Structural-descriptive and descriptive-functional research methods were used. The assessment of skill of the translator K. Pulatov is given. The author of the article comes to the conclusion that in the Uzbek translation, along with the conveying the author's idea, style, semantic and lexical features of story "The Adventures of Captain Wrongel", special attention is paid to the fictions made up by A. S. Nekrasov, which do not exist in real life. To concretize the episode, the translator uses a technique containing the replacement of the lexical meaning of the word with the meaning in context. K. Pulatov not only conveyed the meaning of a Russian sentence, but also retained the emotional coloring, using the means of artistic expression as in the original. Translator K. Pulatov, having convincingly and fully stated the story, achieved the goal he set for himself. In the translation of A. S. Nekrasov's story "The Adventures of Captain Wrongel" recreated the content and originality of the original text as adequately as possible, which makes it possible for Uzbek readers to realize the uniqueness of the translated author's style.

Keywords: fables, fiction, Nekrasov, Pulatov, Wrongel, original, translation.

Введение

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой небылицам дано определение: «1. Вымысел, лживое сообщение. 2. В народном творчестве: шуточный рассказ, о том, чего не может быть» [Ожегов, 2013, с. 372]. Жанр небылицы существует в фольклоре почти всех народов, одинаково распространен как во взрослом, так и в детском репертуаре. Отличие заключается в форме. По словам исследователей устного народного творчества, «в произведениях, исполняемых для детей или детьми, небылица принимает форму песенки, рифмованной приговорки (считалки), молчанки, дразнилки, пестушки и т. д.» [Капица, 2011, с. 143].

В узбекском фольклоре небылицы чаще всего встречаются в сказках [Игамуратова, 2021]. Узбекские фольклористы отмечают, что «небылицы – важный критерий в сказках, они составляют основу сюжетных событий, обеспечивают разрешение конфликта динамического движения в сюжетной линии. Различные образцы небылиц выполняют образовательно-эстетическую функцию, выступая в качестве своеобразного художественного образа как составной части жанра. Небылицы описывают события и явления, которые могут не существовать, или описывают в виде существующих событий» [Ўзбек фольклори очерклари, 1989, с. 64–65].

В художественной литературе народов мира часто встречаются произведения, основу которых составляют небылицы. Наиболее известными такими произведениями являются «Приключения барона Мюнхгаузена» Э. Распе, «Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле, «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина, «Путаница» К.И. Чуковского, в узбекской литературе – «Волшебная шапка» Х. Тухтабоева и «Вымыслы Латифжона» Т. Адашбоева. Неслучайно, что почти все эти произведения относятся к детской литературе, потому что дети по своей природе любят фантазировать, в своем воображении путешествуют по разным отдаленным местам мира, где не ступала нога человека, летают по небу, открывают новые грани звезд, луны и солнца, плавают в морях и океанах, а также

придумывают невероятные истории, полные приключений.

Одной из наиболее любимых книг не одного поколения читателей младшего возраста является повесть Андрея Сергеевича Некрасова «Приключения капитана Врунгеля». Это основанное на небылицах и вымыслах произведение о фантастическом кругосветном путешествии капитана Врунгеля, его старшего помощника Лома и матроса Фукса отдельным изданием вышло в свет в 1939 году. Прообразом бесстрашного и находчивого Врунгеля был знакомый А. Некрасова – любитель рассказывать морские небылицы о самом себе А.В. Вронский [Igamuratova, 2020, с. 932–941]. На узбекский язык данное произведение было переведено К. Пулатовым, который своеобразно подошел к воссозданию небылиц и вымыслов из повести «Приключения капитана Врунгеля».

Основная часть

Рассмотрим следующие примеры переводов детской приключенческо-фантастической повести А. Некрасова. Например, в оригинале: *Я встал в руль и ввёл судно в туман. А перед носом в тумане вырисовывается нечто огромное, вроде сундука, и вдруг этот сундук – апчхи!* [Некрасов, 1983, с. 91], в переводе: *Ўзим рулга туриб, кемани туман томон хайдадим. ... кеманинг тумшуғи олдида туман ичида бахайбат бир нарсанинг шарпаси кўринарди, бирдан ўша шарпа акса уриб юборса бўладими!* [Некрасов, 2019, с. 88–89]. В этом примере для конкретизации эпизода переводчик использует присущий трансформации тип смыслового развития, содержащий замену лексического значения слова значением в контексте [Рецкер, 2016, с. 54].

В примере *в тумане вырисовывается нечто огромное, вроде сундука, и вдруг этот сундук – апчхи* 'туман ичида бахайбат бир нарсанинг шарпаси кўринарди, бирдан ўша шарпа акса уриб юборса бўладими' для переводчика было важно передать содержание, сохранив при этом естественность предложения на узбекском языке.

При переводе художественной литературы перед переводчиком стоит задача не только

правильно передать содержание, идею и своеобразие произведения, но и избежать как дословного, так и «вольного» перевода. Обязательным условием перевода является сохранение в нем максимально полного воссоздания содержания оригинала. Для достижения адекватности перевода художественных произведений, кроме передачи авторского стиля, переводчик «должен стремиться к воссозданию глобального содержания исходного текста, учитывая и определенный историко-культурный контекст, и авторские особенности, что имеет огромное значение в художественном переводе фэнтезийных произведений» [Рубашка, 2017, с. 157]. При переводе на узбекский язык небылиц, вымысла и событий, описанных в оригинале, К. Пулатову удалось воссоздать стиль автора, передать содержание произведения, создать у читателя ощущение чтения оригинала.

В оригинале: *Я, недолго думая, хватаю конец антенны – и прямо в зуб, в дупло. Боль адская, искры из глаз посыпались, но зато приём опять наладился* [Некрасов, 1983, с. 28], в переводе: ‘Кўп ўйлаб турмай, антеннанинг бир учини олиб, тишимнинг кавагига тикиб қўйдим. Оғриқнинг зўридан кўзларимдан олов чиқиб кетди, хайтовур овозни қабул қилиш тикланди’ [Некрасов, 2019, с. 27]. Чтобы восстановить связь, Врунгель вставляет антенну в большой зуб, имеющий углубление. Читатель хорошо понимает, что зуб не может действовать как передатчик связи, что такого никогда не может быть, но успех произведения определяют именно небылицы и вымыслы, которые вызывают такой комический эффект. В этом переводе в полной мере нашла свое отражение созданная автором смешная и немыслимая история.

Эквивалентность была достигнута в переводе фразы *боль адская, искры из глаз посыпались* ‘оғриқнинг зўридан кўзларимдан олов чиқиб кетди’ (досл. ‘от сильнейшей боли огонь вышел из моих глаз’). Переводчик не просто передал смысл русского предложения, но и сохранил эмоциональную окраску, используя средства художественной выразительности, как и в оригинале.

По нашему мнению, «Приключения капитана Врунгеля» можно считать своеобразным произведением по мотивам сказок типа «Сорок лживых историй», которые основаны на небылицах и занимают особое место в устной народной традиции. Это объясняется тем, «что для ребенка сказка – это реальность. Он не просто читатель или слушатель, а непосредственный участник всех событий, происходящих в рассказе. У него «чешутся руки» и ноги не могут стоять на месте, он готов сражаться, бороться за справедливость, спасти приговоренных к смерти, разоблачить угнетателей, восстановить нарушенную правду. Воображаемый мир маленьких детей неуправляем, парит в небе. Они путешествуют по земле, недоступной для воображения, они отправляются в сверхъестественные приключения, делают то, что невозможно выполнить, и так далее» [Маршак, 1973, с. 93].

Неожиданное преувеличение событий в произведении еще больше привлекает внимание читателя. Например, в оригинале: *А когда палуба очистилась, я поинтересовался, откуда же это нашествие. И вижу – лезут из щели, из ящичка. Ну, тогда я всё понял: нам в той деревне по ошибке или с умыслом вместо страусовых яиц отгрузили крокодилы. А тут жара, да ещё Фукс сверху улёгся, высидел, вот они и полезли* [Некрасов, 1983, с. 75]. В переводе: ‘Кемани улардан бирмунча тозалагач, бу махлуқлар бизга қаердан ёпирилдикин деб қизикдим. Қарасам, яшиқнинг тирқишидан чиқиб келишяпти. Шунда ҳамма нараса аён бўлди: биз озик-овқат олган қишлоғимизда ё билмай, ё атай туяқушнинг тухуми ўрнига тимсоҳ тухумини ортиб юборишибди. Бу ерда иссиқ баланд бўлгани, яна яшиқ устига Фукс ётиб олгани сабабли тухумлардан тимсоҳчалар чиқиб келаверибди’ [Некрасов, 2019, с. 73]. В реальной жизни такое вряд ли случится, через эту забавную историю автор учит юного читателя быть внимательным, не ошибаться в расчетах, придерживаться пословицы «семь раз отмерь, один раз отрежь». Ведь размеры страусиных и крокодиловых яиц значительно отличаются: в природе страусиные яйца очень крупные, весом

1500 грамм и более, а крокодилы – гораздо меньше, и понятно, что человек, знающий их, не ошибется. Эта ситуация показывает, что Врунгель настолько же наивен, насколько он мастер на небывалые и выдумки. Такая же ситуация произошла и в процессе найма Фукса. Так, будучи морским волком, он всё же легко поддаётся обману жуликов, что свидетельствует о мягком и доверчивом характере Врунгеля.

Хотя перевод этого отрывка соответствует оригиналу, но то, что переводчик не обратил внимания на слово «высидел», несколько искажает естественность ситуации. Для того, чтобы из яйца вылупился птенец, нужна определенная температура. Если в оригинале Фукс высиживает яйца, то в переводе он лежит на ящиках. Высиживание яиц является еще одной формой вымысла в оригинале, переводчик должен был использовать свое воображение, чтобы сохранить комическую часть текста.

В один из жарких дней, когда Фукс купается в море, его начинает преследовать акула. Врунгель, чтобы спасти его, бросает в акулу первый подвернувшийся под руку предмет. В оригинале: *Результат получился разительный и необычный: зубы чудовища мгновенно сомкнулись, и в ту же секунду, бросив преследование, акула завертелась на месте. Она выпрыгивала из воды, жмурилась и, не разжимая челюстей, сквозь зубы отплевывалась во все стороны...*

Тогда я всё понял. В минуту смертельной опасности лимон подвернулся мне под руку и решил участь Фукса. Акулы, знаете, непригодны к кислому. Да что там акулы, вы сами, молодой человек, попробуйте лимон целиком – так скулы сведёт, что и рта не откроете [Некрасов, 1983, с. 85].

В переводе: 'Бу ишим бағоят хайратомуз натижа билан тугади: баҳайбат махлуқнинг оғзи бир зумда юмилди, шу заҳоти турган жойида гир айлана бошлади. У сувдан сакраб чиқиб, кўзларини юмар, жағини очмай, тишлари орасидан ҳар тарафга бир нималарни туфларди...

Ана шунда ҳамма гап аён бўлди, Фукс ўлим хавфида қолганда қўлимга илинган ва

акулага қараб отган нарсам лимон экан, ўша лимон Фуксинг жонига оро қирибди. Биласизми, акулалар нордон нарсани асло ёқтиришмайди. Акула эмас, ҳатто ўзингиз-чи, қани бир лимонни бутунлигича ёб кўринг-чи, биласиз, жағингизни ёпиштириб қўяди, кейин оғзингизни очолмайсиз' [Некрасов, 2019, с. 83].

Выводы

Переводчик добился большей адекватности в изложении этой ситуации на узбекском языке. Образ в оригинале и переводе настолько правдоподобен, что ребенок, читая эти строки, с одной стороны, смеется от удовольствия, а с другой стороны, хочет верить, что такое действительно могло быть. Ориентируясь на слова В. Н. Комиссарова о том, что «адекватный перевод – это перевод, отвечающий поставленной цели» [Комиссаров, 2013, с. 82], можно говорить, что переводчик К. Пулатов, убедительно и в полной мере изложив историю, достиг цели, которую поставил перед собой. Переводчик максимально адекватно воссоздал содержание и своеобразие оригинала, тем самым предоставил возможность читателю осознать уникальность переведенного авторского стиля.

Литература

- Игамуратова Д. Ч. Своеобразие узбекских переводов детской приключенческо-фантастической прозы (на примере переводов произведений Н. Носова и А. Некрасова): автореф. дис. ... д-ра филос. по филол. наукам (PhD). Ташкент, 2021. 53 с.
- Капица Ф. С., Колянич Т. М. Русский детский фольклор. М.: Наука, 2011. 314 с.
- Комиссаров В. Н. Общая теория перевода: Проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых. М.: ЧеРо: Юрайт, 2000. 132 с.
- Маршак С. Я. Право на взаимность. М.: Сов. Россия, 1973. 165 с.
- Некрасов А. С. Капитан Врунгельнинг саргузаштлари. Тошкент: Янги аср авлоди, 2019. 160 б.
- Некрасов А. С. Приключение капитана Врунгеля. М.: Дет. лит., 1983. 152 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. Изд. 4-е доп. М.: «ООО ТЕМП», 2013. С. 372.

- Рецкер Я. И.** Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аудитория, 2016. 237 с.
- Рубашка А. А.** Трудности перевода художественных произведений жанра фэнтези // Молодой исследователь Дона. 2017. № 3 (6). С. 157–160.
- Ўзбек фольклори очерклари. Уч томлик. 2-том. Тошкент: Фан, 1989. 320 б.
- Igamuratova D.** Peculiarities of the translation of «speaker» names in A. Nekrasov's story «the adventures of captain Vrungel» // The International journal of analytical and experimental modal analysis. 2020. Volume XII. Issue VIII. Avgust. Pp. 932–941. <http://www.ijaema.com/VOLUME-XII-ISSUE-VIII-AUGUST-2020/>

References

- Igamuratova D.** Peculiarities of the translation of «speaker» names in A. Nekrasov's story «The Adventures of Captain Wrangel». *The International Journal of Analytical and Experimental Modal Analysis*, 2020, vol. 12, issue 8, August, pp. 932–941. (In English).
- Igamuratova D. Ch.** Svoeobrazie uzbekskikh perevodov detskoi priklyuchenchesko-fantasticheskoi prozy (na primere perevodov proizvedenii N. Nosova i A. Nekrasova) [The originality of Uzbek translations of children's adventure-fiction prose (on the example of translations of N. Nosov's and A. Nekrasov's works)]. The author's summary of the thesis for PhD (Philology). Toshkent, 2021, 53 p. (In Russian, English and Uzbek).
- Kapitsa F. S., Kolyadich T. M.** Russkii detskii fol'klor [Russian children's folklore]. Moscow, Nauka, 2011, 314 p. (In Russian).
- Kommissarov V. N.** Obshchaya teoriya perevoda: Problemy perevodovedeniya v osveshchenii zarubezhnykh uchenykh [General theory of translation: Problems of translation studies in the coverage of foreign scientists]. Moscow, CheRo, Yurait, 2000, 132 p. (In Russian).
- Marshak S. Ya.** Pravo na vzaimnost' [The right to reciprocity]. Moscow, Soviet Russia, 1973, 165 p. (In Russian).
- Nekrasov A. S.** Priklyuchenie kapitana Vrungelya [The Adventures of Captain Wrangel]. Moscow, Children's Literature, 1983, 152 p. (In Russian).
- Nekrasov A. S.** Kapitana Vrungelning sarguzashtlari. Toshkent, Yangi asr avlodi, 2019, 160 p. (In Uzbek).
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu.** Tolkovyiy slovar' russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii [The Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions]. The 4th edition, revised. Moscow, "TEMP" OOO, 2013, 372 p. (In Russian).
- Retsker Ya. I.** Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika: ocherki lingvisticheskoi teorii perevoda [Theory of translation and translation practice: essays on the linguistic theory of translation]. The 5th edition, revised and corrected. Moscow, Aудитория, 2016, 237 p. (In Russian).
- Rubashka A. A.** Trudnosti perevoda khudozhestvennykh proizvedenii zhanra fentezi [Difficulties in translating fiction works of the fantasy genre]. *The young researcher of the Don*, 2017, no. 3 (6), pp. 157–160. (In Russian).
- Ўзбек fol'klori ocherklari. Uch tomlik. Vol. 2. Toshkent, Fan, 1989, 320 p. (In Uzbek).

ИДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ БАСЕН И. Г. КОТЮШЕВА

В. А. Карамашева

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия; email: vika.karamashewa@yandex.ru

В статье рассматривается неисследованное в хакасском литературоведении басенное творчество талантливого хакасского писателя Ивана Григорьевича Котюшева. Цель работы – выявить идейно-тематические особенности басен «Тасха» («Сова»), «Улуг кӱске паза пик хахпан» («Большая мышь и капкан»), написанных И. Котюшевым в конце 1940-х годов. На достижение поставленной цели направлены анализ художественных элементов содержания басен, определение авторского отношения к изображаемым социальным явлениям, раскрытие сатирического пафоса басен И. Котюшева. Научная новизна работы состоит в том, что в ней на примере басен И. Котюшева 1940-х годов впервые раскрываются идейно-тематические особенности хакасской басни в начальный период её развития. На основе применения описательного, социально-исторического, историко-типологического методов автор статьи приходит к выводу о том, что И. Котюшев в своих баснях ставил актуальные темы дня, в аллегорической форме выражая свой отклик на различные жизненные события. После окончания Великой Отечественной войны, когда надо было поднимать страну из разрухи во всех отраслях человеческой деятельности, в первую очередь, на повестку дня выносилась тема бережного отношения и приумножения социалистической собственности, поставленная в баснях И. Котюшева во главе угла. Придерживаясь жанровой традиции, установленной И. Крыловым и советскими баснописцами, хакасский писатель путём использования приёмов сатиры, сарказма, аллегории показывает недостатки, ошибки, пороки и изъяны, которые имеют общечеловеческий характер и которые необходимо исправлять.

Ключевые слова: баснописцы, произведение, сюжет, персонаж, образ, сарказм, общество, характер, мораль, талант.

IDEOLOGICAL AND THEMATIC ORIGINALITY OF I. G. KOTYUSHEV'S FABLES

Viktoriya A. Karamasheva

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, 23 Shchetinkin Str., Abakan, 655017, Russia; email: vika.karamashewa@yandex.ru

The article considers the fabled work of the talented Khakass writer Ivan Grigorevich Kotyushev, unexplored in Khakass literary studies. The aim of the work is to identify the ideological and thematic features of fables "Taskha" ("The Owl"), "Ulug kӱske paza pik khakhpan" ("A Big Mouse and a Trap") written by I. Kotyushev in the late 1940s. The analysis of the artistic elements of the content of the fables, the definition of the author's attitude to the depicted social phenomena, the disclosure of the satirical pathos of I. Kotyushev's fables are aimed at achieving this goal. The scientific novelty of the work consists in the fact that, using the example of I. Kotyushev's fables of the 1940s, the ideological and thematic features of the Khakass fable in the initial period of its development are revealed for the first time. Based on the use of descriptive, socio-historical, historical and typological methods, the author of the article comes to the conclusion that I. Kotyushev posed the current topics of the day in his fables, expressing his response to various life events in an allegorical form. After the end of the Great Patriotic War, when it was necessary to raise the country after the devastation in all branches of human activity, first of all, the topic of careful attitude and multiplication of socialist property, put at the forefront in I. Kotyushev's fables, was put on the agenda. Adhering to the genre tradition established by I. Krylov and the Soviet fabulists, the Khakass writer, through the use of techniques of satire, sarcasm, allegory, shows shortcomings, mistakes, vices and flaws that have a universal character and that need to be corrected.

Keywords: fabulists, work, plot, character, image, sarcasm, society, character, morality, talent.

Введение

И. Г. Котюшев – известный хакасский поэт, прозаик, драматург, публицист, стихи

которого известны как в нашей стране, так и за рубежом. Произведения писателя доступны и близки читателю, потому что они отражают актуальные проблемы нашей

жизни. И. Котюшев обладает поэтическим обаянием и талантом огромной художественной силы. «Цель авторов басен не в том, чтобы выразить свой внутренний мир: внимание баснописца приковано к внешнему миру, именно его он оценивает с позиций «должного» или «недолжного», «допустимого», «недопустимого» [Литературный энциклопедический словарь, 1987, с. 46–47]. Басни И. Котюшев стал писать в конце 40-х годов XX века, которые отражали его взгляды на события, происходившие в послевоенные годы. Его произведения сатирически изображали, бичевали, остро реагировали на отрицательные стороны нашей действительности, поэтому основной целью его басен было при помощи критики искоренения пороков советского общества. Басни И. Котюшева, в которых использованы мотивы, близкие сказкам о животных, птицах, растениях, ярко выражают идейную направленность и запоминаются характерными чертами современного автору быта. Эти черты наблюдаются и в сюжете таких снискавших особую популярность у хакасского читателя басен, как «Улуг кўске паза пик хахпан» («Большая мышь и крепкий капкан») и «Тасха» («Сова»).

Основная часть

Во вступительной части и в названии басни «Улуг кўске паза пик хахпан» («Большая мышь и капкан») автор главную героиню называет «уважительно» и иронично «Большая мышь», которая старается накопить богатство, воруя народное добро. Подробно описывается место, где происходят интересные события, достойные внимания. Действие происходит летним вечером, когда никто не видит и даже не подозревает, что происходят преступные действия в логу за пашней, где живет героиня данного произведения, – большая мышь, которая каждую ночь тащит в свою уютную норку пшеницу:

*Ўзенде, хыра кистінзер,
Пір улуг кўске пар-полча,
Хараа сай аллыг инінзер
Ўртүннең пугдай тазыпча*
[Котюшев, 1949, с. 4].

В логу, за пашней
Жила-была мышь,
Каждую ночь в просторную нору
С гумна пшеницу таскает
(здесь и далее подстр. пер. наш – В. К.).

Действия воришки заметили люди – и это очень не понравилось им. Они решили: во что бы то ни стало поймать преступницу и избавиться от неё традиционным способом – охотник выследил нору и тропу, по которой мышь ежедневно делает набеги за пшеницей, и поставил там капкан:

*Пір аңчы ирен, ширзер килін,
Ініне хахпан тургысхан*
[Котюшев, 1949, с. 4].

Один охотник вечером
Около норы капкан поставил.

А когда ночью мышь, выбежав из норы, направилась в поле, чтобы в очередной раз вернуться с ворованной пшеницей за щеками, она тут же попала в капкан:

*Хараа пазох сых-килирін,
Ол улуг кўске хаап парган...
Позып аларга харазып,
Хахпанны ол ызырлапча...*
[Котюшев, 1949, с. 4].

Ночью она вылезла из норы
И попала в капкан...
Стараясь освободиться,
Она кусается, отбивается...

Желая высвободиться, мышь, кусаясь, из последних сил бьется с ним, но капкан еще сильнее сжимает свои «зубы» и, насмехаясь, говорит:

*Тикке кўстенме, пик тутчам...
Ам ас огырлап полбассың...*
[Котюшев, 1949, с. 4].

Напрасно трудишься, крепко держу...
Теперь не сможешь воровать зерно...

Большую мышь поймали – и ей ничего не остается делать, как оправдываться. В отчаянии она признается в своем преступлении, говорит, что жадность тому причина, что безмерная алчность ее погубила:

*Пок!.. Минің поэымның азым...
Тарыязы, орбазың даа,*

Ўртўнде син астыгзың ма?..
[Котюшев, 1949, с. 4].

Ох! Это моя жадность...
Нервничаю, растерялась даже,
На гумне заблудилась?..

В финале слышен голос автора, который осуждает хищение социалистической собственности. Нравоучительный характер басни уживается как с народной традицией, так и реалистическим изображением действительности:

*Мин, аргыстар, хынарчыхпын,
Андаг хахпан көп идерге,
Хыра улуг кўскелерін
Халдырбин тутхлап аларга*
[Котюшев, 1949, с. 4].

Я, друзья, хотел бы
Таких капканов много наставить,
Чтобы на пашне не было ни одной
Большой мыши.

В этой басне присутствует острая по своей силе социальная сатира, отразившая некоторые реалии советской действительности.

И. Котюшев заботился о том, чтобы басня была злободневной и бичевала пережитки прошлого, и действовала положительно на сознание людей.

Название басни «Тасха» («Сова») настораживает читателя, потому что с этой птицей в народе связано много легенд и преданий, которые отражают некоторые негативные стороны жизни. В этой басне автор рассказывает о людях, живущих только сегодняшним днем, «завтра» у которых не существует, поэтому они живут скудно, бедно духовно и морально. Такие люди ненадежные, и с ними «не пойдешь на разведку», поскольку слова их с делом расходятся. В данном случае писатель таких необязательных людей сравнивает с птицей, Совой, которая, по преданиям, ни о ком не заботится, а живет для «себя, любимой», не строит гнезда:

*Орайда чалгыс пора тасха
Обаа ўстўнде одырча.
Одырбинаң, ол, тообызып,*

Ўзелістіг чобал-сыхча:...
[Котюшев, 1948, с. 22].

Поздно вечером одинокая серая Сова
На курганном камне сидит,
Так сидя, замерзая, она
Тоскливым и усталым голосом говорит: ...
(здесь и далее подстр. пер. наш – В.К.).

Писатель изобразил Сову сидящей на курганном камне. Всем известно, что Хакасия – это край курганов, нигде в мире нет столько захоронений, отмеченных курганными камнями, поэтому национальное своеобразие и колорит этой басни налицо.

Наряду с описанием происходящего ночью действия И. Котюшев раскрывает характерные черты героини своей басни. Каждую ночь Сова, дрожа от холода, говорит себе, что завтра же совьёт себе гнездо, но с наступлением утра, когда появляется солнышко, она забывает о ночной невыносимой стуже, проникающей во все органы тела:

*Хайдаг хатыг соох полчадыр!
Ханым турып, чарчап парбим...
Хайди полза хоньп алзам,
Хайди даа уйа чазирбын!*
[Котюшев, 1948, с. 22].

Какой сильный холод наступил!
Если кровь от переохладения
остановится, могу умереть...
Как-нибудь переночую,
А днем гнездо совью!

В этом монологе автор с сарказмом подчеркивает страдание птицы: от холода у нее может остановиться кровь, и ей за свою лень и беспринципность обеспечен уход к «праотцам». В басне «Тасха» («Сова»), не большой по объему и остро сатирического характера, использовались эзоповский язык и аллегорический пафос, достойный подражания.

Но наступает утро, солнышко пригрело, все говорит о том, что день будет прекрасный и не надо думать о плохом, тем более о ненужном в данный момент гнезде, и Сова снова забывает о том, как замерзала ночью и обещала себе построить гнездо:

*Таң атып, кўн сых-киліп, чылып,
Тоңанын ол ундубысча*
[Котюшев, 1948, с. 22].

Рассвело, солнце согрело всех,
Сова забыла, что замерзала ночью.

Всем известно, что басни носят дидактический и нравоучительный характер, но время постепенно видоизменяло содержание, в которое вводились элементы сатиры, они стали приобретать социальную окраску, как в этой басне. В сюжете басни «Тасха» мораль выводится из действий, происходивших во все времена, поскольку человек не изменился:

*Төдлө иди тооп, «идем» тп,
Тілге ле пызып иртірче*
[Котюшев, 1948, с. 22].

Потомки так и продолжают мерзнуть,
Только языком болтают до сих пор.

Выводы

Здесь наблюдается устойчивое сохранение традиций басенного классического жанра, заимствованного из русской и советской басни. Г. Ф. Гегель в своих трудах подчеркнул, что «первое требование, предъявляемое к басне, должно состоять в том, чтобы определенный случай, который должен дать мораль, был не только вымышленным, но, чтобы он, будучи вымышленным, не противоречил виду и характеру действительного существования подобных явлений в природе» [Гегель, 1999, с. 420]. Образы животных и зверей, птиц, рыб, трав и деревьев проявляли и проявляют свои мощные потенциальные возможности в раз-

личных исторических условиях, в нашем случае – в советский период нашей Родины. Персонажи и их мироустройство в произведении индивидуализировались характерными чертами представителей советского общества, басенная аллегория выявляла определенные формы, например, некоторые черты этих образов, присущие и крыловским, и советским баснописцам (Д. Бедный, С. Михалков и др.), стали явлениями нашей действительности.

Литература

- Гегель Г. Ф. Лекции по эстетике. СПб.: Наука, 1999. 602 с.
Котюшев И. Тасха. Ах үүс // Стихотворениялар. Абакан: Хакасоблнац. изд-во, 1948. С. 48.
Котюшев И. Улуғ күске паза пик хахпан // Хызыл аал. 1949. 20 окт. С. 4.
Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. энцикл., 1987. 751 с.

References

- Gegel G. F. Lektsii po estetike [Lectures on aesthetics]. Saint Petersburg, Nauka, 1999, 602 p. (In Russian).
Kotyushev I. Akh Üüs. In: Stikhotvorenieler. Abakan, Khakoblnats Publ., 1948, 24 p. (In Khakass).
Kotyushev I. Ulugh küske paza pik khakhpan. In: Khyzyl aal. October 20, 1949, p. 4. (In Khakass).
Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar' [Literary Encyclopedic Dictionary]/edited by V. M. Kozhevnikov, P. A. Nikolaev. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1987, 751 p. (In Russian).

НАУЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
САЯНО-АЛТАЯ

SAYAN-ALTAI SCIENTIFIC REVIEW

№ 1(37) 2023

Исторические науки / Historical sciences
Филологические науки / Philological sciences

Корректоры: *Н. М. Василенко, З. И. Султрекова*
Технический редактор *О. П. Субракова*
Компьютерная верстка *С. И. Тюктиковой*

Макет подготовлен
ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство
имени В. М. Торосова».
655017, г. Абакан, ул. Щетинкина, 75-18н.
Тел./факс: +(3902) 244-354, 243-039
E-mail: izdatel@sibnet.ru

Подписано в печать 18.12.2023.
Формат 60 х 84 1/8.
Печ. л. 13,75. Усл. печ. л. 12,78.
Тираж 200 экз. Заказ № 455.
Дата выхода в свет 21.12.2023.

Отпечатано в типографии
ГБУ РХ «Хакасское книжное издательство
имени В. М. Торосова».
655017, г. Абакан, ул. Советская, 173.